

**ПЯТИЛЕТКА, ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ:
УДАРНЫЙ ТЕМП,
ВЫСОКИЙ КЛАСС
РАБОТЫ**

№ 22 НОЯБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!

**ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ:
ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
XXV СЪЕЗДУ КПСС**

Наш завод выполнил пятилетний план по объему производства 12 августа. До конца года наши машиностроители обязались выпустить продукции на 102,5 миллиона рублей сверх контрольных цифр пятилетки.

В этой большой победе коллектива суммированы успехи многих наших рабочих. Более двух тысяч машиностроителей трудятся по личным планам повышения производительности труда. Наша бригада, например, обязалась выполнить личные планы на 115 процентов. Свою пятилетку мы завершили в апреле и, готовя подарки к предстоящему съезду партии, решили до конца года выполнить полтора годовых плана. Естественно, при отличном качестве работы. Лозунг «Лучший контролер — рабочая совесть» на заводе популярен, качество — забота общая. А в нашей бригаде особенно. Мы же модельщики. От нас в первую очередь зависит и качество отливок и дальнейшая судьба каждой отлитой детали. И обязательства наши начинаются прямо с качества: «Работать без брака, сто процентов

продукции сдавать в ОТК с первого предъявления». Должен сказать, что это не совсем просто, в каждую модель нужно вложить все свое мастерство, знание и еще душу.

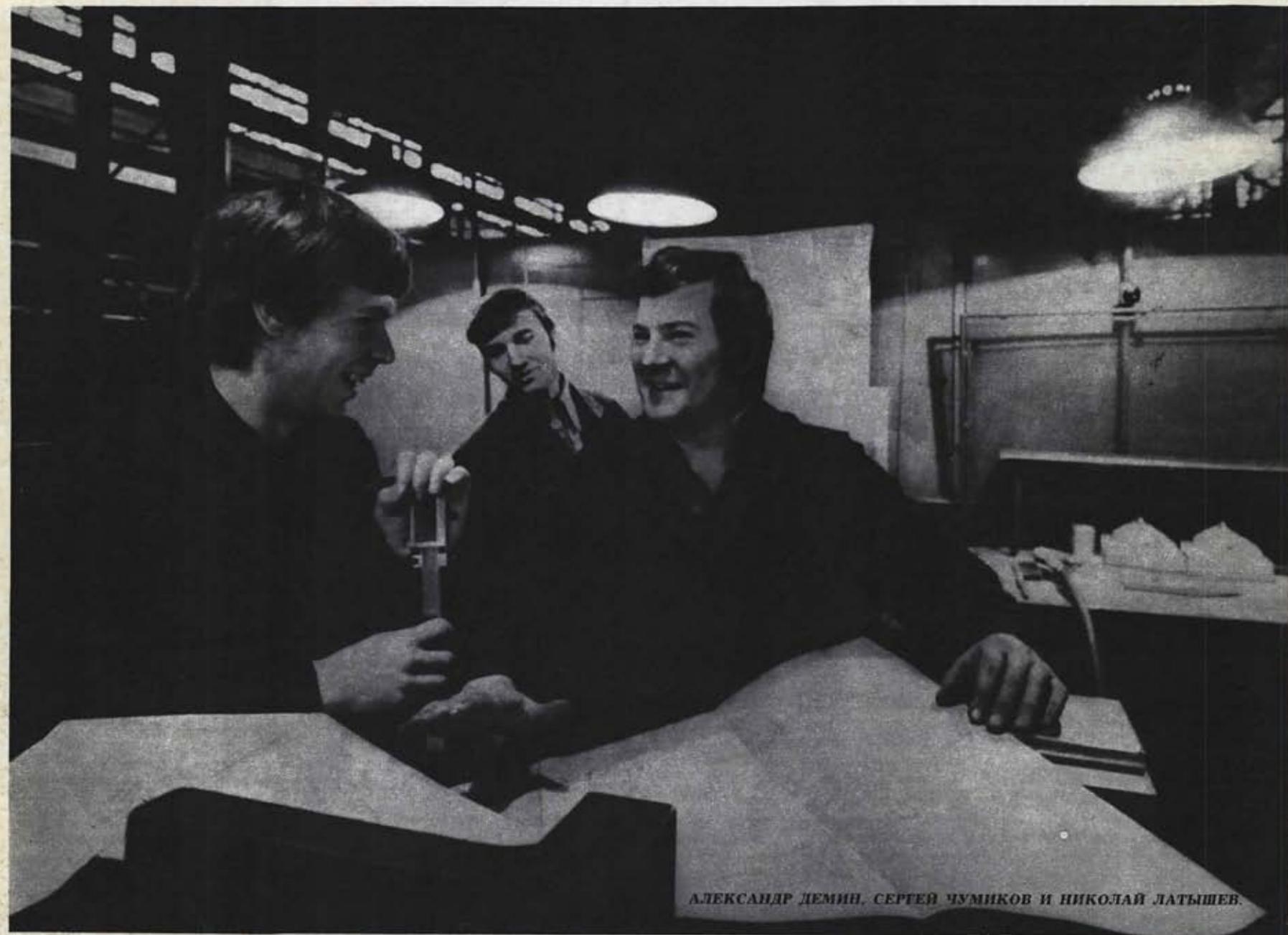
Сейчас мы, как и все комсомольско-молодежные коллективы завода, соревнуемся за право подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС. Надеемся сработать так, чтобы по итогам соцсоревнования в честь партийного форума нашу бригаду назвали в числе достойных носить имя XXV съезда КПСС.

**Николай ЛАТЫШЕВ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
металломодельщиков Мытищинского машино-
строительного завода, кавалер знака ЦК ВЛКСМ
«Молодой гвардеец пятилетки»**

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. ОТРАСЛЬ: АВТОМОБИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

СВЕРХ НОРМЫ

АЛЕКСАНДР ДЕМИН, СЕРГЕЙ ЧУМИКОВ И НИКОЛАЙ ЛАТЫШЕВ.

Анатолий РОГОЗИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.

•НОРМА

Николай Владимирович,—
осторожно тронул бригадира за рукав Сергей Чумиков.

Коля не рассыпал, он выстраивал колонки цифр на обороте старой синьки, готовил разметку для фрезеровщика. Новая модель—мастер Эскин с утра предупредил—нужна была срочно. «Что значит срочно?—переспросил еще Латышев.—Неделя-две?» «Из литья очень просили,—словно извиняясь, тихо сказал мастер. Работа предстояла сложная, если по нормам—целый месяц потребуетсяся.—Им бы вчера надо». «Понятно, Евгений Николаевич, посмотрим, может, и сделаем побystрее.—Латышев уткнулся в чертежи, хмыкнул недовольно, перекатывая языком карамельку.—Не подарочек, конечно, но за неделю, если нажать, управимся». «Значит, договорились,—обрадовался мастер Эскин. И хотя знал, что Латышев просто так обещаниями не разбрасывается, добавил: «Смотри, Коля, не подведи». Бригадир ничего не ответил—то ли конфета мешала, то ли не хотел говорить о том, что уже обговорено,—лицо в чертежи спрятал, забегал глазами по синим линиям, составляющим радиусы, парabolы, циклоиды, полуэллипсы и не менее сложные прямые под углом. Чтобы начертить их, требовалось немало мастерства, а модельщикам предстояло воплотить этот чертеж в металле. «Зарвался ты, Латышев,—обругал он себя.—Слишком легко обещаешь, тут, чтоб за неделю управиться, без перекупов пахать надо». Курить он бросил недавно. Как сын родился, так и бросил, чтобы не поддавать наследнику плохого примера. И теперь без конца держал в рту карамель,—говорят, помогает отвыкнуть от табака. «Если фрезеровщики не подведут—лучше всего, конечно, Носова попросить, он на совесть сделает,—то в неделю можно уложиться.—Николай «сфотографировал» чертеж в памяти, прикинул порядок работы и зашуршил карандашом по бумаге.—Разметка, считай, половина дела,—привычно подумал он.

— Николай Владимирович,—скорбным голосом повторил Сергей. Бригадир от неожиданности проглотил карамельку.

В цехе его по имени и отчеству не называли: Коля да Коля, а чаще всего вообще только по фамилии. Правда, фамилия у него знаменитая. Лет пять назад в заводском клубе торжественно отмечали юбилей династии Латышевых. Все вместе они проработали на Мытищинском машиностроительном заводе четыреста лет. И дед Николая здесь работал, и отец, и сам он, восемь лет назад получив аттестат зрелости, раздумывать не стал— завод для него с детства родным был. Дома только и разговоров было что о заводских делах: отец—о своих моделях, мать—об инструменталке, потом и старший брат Александр получил заводской пропуск. И Латышевы всегда среди первейших мастеров славились. Когда бригаде Николая впервые присвоили классное место в заводском соревновании и кто-то на планерке восхищенно отзывался об этом достижении, директор завода, говорят, только недоуменно пожал плечами: «У Владимира Андреевича давняя привычка быть первым». А когда ему объяснили, что первым стал не Владимир Андреевич, а Николай Владимирович, директор все равно удивляться не стал: «Латышев все-таки».

— Что у тебя, Серега?—Николай обнял за плечи своего ученика, впервые обнял, приятно было, что тот обращался к нему по имени и отчеству.—Стряслось что-нибудь? По лицу вижу.

— Беда. Николай Владимирович.

— Слово, конечно, страшное. Может быть, ты еще и расшифруешь его?

— Нечаянно, честное слово, нечаянно.

— Модель запорол!—догадался бригадир.

И при всей своей сдержанности—характер ему тоже по наследству достался спокойный, уравновешенный—голос был сорвавшимся на крик. Модель уже подготовлена к сдаче в ОТК, и Николай, занятый расчетами новой работы, доверил ученику окончательную шлифовку всего одной поверхности. И на тебе!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 22 (1164) НОЯБРЬ 1975

Наши обложки
строители ТЭЦ

Фото Льва
ШЕРСТЕНИКОВА.

- 1 ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.
«СВЕРХ НОРМЫ—НОРМА».
- 2 ИДЕТ ОБМЕН КОМСОМОЛЬСКИХ ДОКУМЕНТОВ.
Отари МЕНАБДЕ, секретарь ЦК ЛКСМ Грузии:
«ОТКОРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР».
- 4 МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
«ПРОМЕТЕЙ», Очерк Анатолия БАРАНОВА
и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 7 СТИХИ Бориса СЛУЦКОГО и Евгения ЛУЧКОВСКОГО.
- 8 Рассказ Гранта МАТЕВОСЯНА «ЧУЖАК».
- 12 «ПРОШУ СЛОВА!»
- 14 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
«МАМА ВЫШЛА ЗАМУЖ», Очерк Сергея АБРАМОВА.
- 16 «СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ». Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 19 КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ. «СУД НЕОТВРАТИМЫЙ».
Статья Валерия ГАНИЧЕВА.
- 20 Братья ВАЙНЕРЫ. «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ
НЕЛЬЗЯ». Роман.
- 24 Михаил ОЗЕРОВ. «БРАТЬЯ ДУЛАН ИЗ ШОТЛАНДИИ».
- 26 НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной прессы.
- 28 Владислав ХОРХОРДИН. «ШИНЕЛЬ ОТЦА».
- 30 Михаил БОТВИННИК. «ПАУЛЬ».
- 30 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНЫ».
ОГЕНРИ. «РАССКАЗ ГРЯЗНОЙ КУПЮРЫ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда», «Смена». 1975 г.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Отари МЕНАБДЕ,
секретарь ЦК ЛКСМ Грузии.

В республиканской комсомольской организации идет обмен комсомольских документов. В жизни каждого комсомольца и каждого комсомольского работника—важное и ответственное событие. Ведь обмен документов—это строгая проверка боевоспособности комсомольских организаций, которая должна показать, как наши юноши и девушки выполняют решения XXIV съезда КПСС, XVII съезда ВЛКСМ, как решают задачи, выдвинутые перед комсомолией товарищем Л. И. Брежневым в речи на съезде.

В какой обстановке проходит обмен документов в наших комсомольских организациях? За последние годы в республике произошли коренные преобразования во всех областях общественной жизни, происходили они под знаком требовательности, принципиальности и в то же время внимательного отношения к каждому человеку. Вот эти-то положения: требовательность, принципиаль-

ность, деловитость—и стали флагом комсомольских организаций в большой работе по обмену документов, которая проводится под девизом «От каждого—максимум ответственности! Каждому—комсомольскую заботу». Одним из важных моментов в деятельности организаций в период обмена стали собеседования с членами ВЛКСМ. Какую пользу они приносят?

Во-первых, мы, комсомольские работники, в ходе собеседований получаем прекрасную возможность выяснить и лучше понять интересы и запросы юношей и девушек. Во-вторых, в непринужденной, дружеской обстановке собеседований легче вызвать человека на откровенный разговор, когда не сложиваются острые углы, высказываются и критические замечания и самокритика не забывается. И третье, я считаю, очень важное наблюдение: подобные контакты приносят обеююю пользу и юноше или девушке, пришедшем для разговора, и комсомольскому работнику, который этот разговор ведет.

Теперь и эту вовремя не сдать и очередное задание провалить можно. Бригадир даже губу закусил, чтобы сдержаться. Последнее это дело—на ученика кричать, если к тому же и сам виноват: не выучил, не досмотрел. Старался быть спокойным, но злость все-таки прорвалась:

— Как же тебя угораздило!?

Сергей голову вниз опустил—переживает, конечно,—и едва слышно слово вытолкнул:

— Борфрезой.

— Лишнюю сотку хотел снять?—неожиданно засмеялся Латышев.

— Две,—обрадовался Чумиков.—Я проверил, вроде лишнее в металле, вот и взялся за бормашину.

Именно с такой ошибки начинал и сам Николай, поэтому и рассмеялся, вспомнив. Тогда было, правда, не до смеха. Отец хоть и спокойный человек, но разозлился крепко. И не простил. Взял сына за руку, привел к начальнику участка: «Слыхал, Никитич, тебе ученик рабочего нужен. Возьми моего, из парня все равно модельщик не получится». Почти год был Николай в «ссылке», как шутили друзья, второй разряд рабочего получил, и работа вроде бы нравилась, но все-таки обрадовался, когда отец однажды утром бросил на ходу: «Договорился с Корчагиным. Сегодня ко мне перейдешь. Давно пора к серьезному делу пристраиваться». Для него главное модельщик профессии не существовало. А дед считал свою работу второй по значению. На первом месте стоял сам господь со своим недельным трудом по сотворению мира.

Сергея в «ссылку» не сошлешь. И отец с учеником, будь это не родной сын, наверняка бы обшлось помягче. А Чумиков—парень тихий, старательный, с детства авиамодели строил, страсть у него к технике, и глазомер есть, и хватка, и терпение, модельщик со временем добрый выйдет. Пора его научить шаблоны делать, умей он—такой ошибки бы не допустил. Отец считал, что с умения делать шаблоны и начинается модельщик.

После службы в армии вернулся Николай на родной завод. Владимир Андреевич и отдохнуть ему толком не дал (матер очень переживала, неделю из-за этого с отцом не разговаривала), сразу

же повел на завод и дня три придирично наблюдал за работой сына—не разучился ли? Коля волновался под этим взглядом, но руки помнили ремесло и, кажется, сами скользили по металлу.

— На третий потянем,—удовлетворенно сказал отец и пошел к начальнику участка.

Александр Никитич Корчагин сам принес чертеж, хитро подмигнул Николаю:

— «Блоху подковать сможешь?»

Коля заглянул в чертеж и похолодел: действительно, работа для Левши. Сложный шаблон: допуски на размеры плюс-минус восемь микрон, на углы—две с половиной минуты. Да к тому же первый класс точности. И девятый класс чистоты.

Он аккуратно разложил на столе набор надфилей, угольники, линейки, угломеры, почему-то долго и тщательно изучал заготовку, словно нащупывал в стальной пластине контуры будущего шаблона, волновался.

— Не будем мешать парню, Андреич.—Корчагин пошел в сторону своей конторки, сваренной из листового железа.—Без нас он быстрее управится.

— Да, да, пойдем,—согласился отец, он в эту минуту переживал, наверное, не меньше сына.—Микроскоп на подоконнике, не забудь.

Накрытый черным дерматиновым чехлом, микроскоп стоял здесь, кажется, всегда. Но отец им как будто никогда не пользовался, он вроде бы пальцами чувствует микроны, а сейчас все-таки вспомнил, подсказал. Коля сразу же успокоился, поверил в себя, прильнул к медному истертому окуляру—не одно поколение слесарей, наверное, сюда заглядывало. С помощью старенького прибора он довольно быстро опилил стальную пластинку, выдержав необходимые допуски по размерам и углам, потом, доволен собой, стал тщательно «зализывать», как называл отец окончательную доводку.

Старики наблюдали за ним издали, заметили, когда он закончил, подошли. Александр Никитич взял в руки шаблон, остановился у яркой лампы, проверил на свет работу молодого модельщика, молча передал шаблон старшему Латышеву, державшему наготове мерительные инструменты, и отец так же долго и тщательно измерял и рассматривал де-

таль, сверкающую зеркальными гранями.

— Ну что, Андреич, доволен сынок?—засмеялся Корчагин и повернулся к Николаю.—Это тебе отец такую работу подобрал, по пятому разряду.

— Так он же все равно на третьем не остановится,—довольно улыбнулся Владимир Андреевич.—Будет, значит, кому мое дело передать, когда на пенсию уйду.

До пенсии он не дожил. Болел долго и трудно, но старался ни словом, ни стоном не выдать своей боли. Коля приходил к нему ежедневно, садился на краешек больничной кровати, с тоской вглядывался в желтое похудевшее родное лицо, в запавшие глаза, в глубине которых плескалась боль. Но отец старался казаться веселым, подробно рассказывал о заводских делах, учил, советовал, даже пытался набросать чертеж нового приспособления, задуманного «на досуге», но пальцы уже не слушались, дрожали, и линия выходила извилистой, как кардиограмма... Позднее Николай по отцовскому эскизу все же завершил эту работу, сделал подвижный стенд, похожий на параллельные гимнастические брусья, на котором теперь легко монтировать модели.

Николая бригадиром не выбрали. Как-то так получилось, вроде бы сам собой, что к нему стали обращаться и мастер и рабочие, хотя у многих из них и опыта было побольше и квалификация повыше. Может быть, все дело в фамилии? Но работа есть работа, и заслуги родителей автоматически сыновьям не приписываются, самим необходимо доказывать цену своему мастерству.

— Мы с его братом вместе начинали,—рассказывал Саша Демин.—И дома у Латышевых я бывал частенько, Николая, можно сказать, с детства знал, а потом и вместе с ним довелось работать. Он человек настойчивый, организатор хороший, думает не только о себе—об общем деле заботится. Это же всем видно, поэтому у нас и разговора не было о том, кому стать во главе бригады.

А сам Николай просто ощущал себя временно исполняющим обязанности отца. И старался исполнять их как можно лучше, чтобы потом, когда отец выйдет

Вспоминаю, например, встречу с комплексной комсомольско-молодежной хозрасчетной бригадой из треста № 14, которую возглавляет молодой коммунист Темур Бобохидзе. Разговор шел по душам. К коллективу была одна претензия: за ними числились простой. В чем дело? Оказывается, бригада в течение нескольких дней простаивает из-за отсутствия материалов. Под угрозой выполнение обязательства у молодых строителей были ответственные: на 70 дней раньше срока ввести в эксплуатацию жилой дом площадью 2045 квадратных метров. Под силу вам такие сроки, спрашиваю. Да, отвечают, только бы нам не проставлять. Вопрос обеспечения бригады материалами взяли под свой контроль комитет комсомола треста и райком. Перебои с поставками прекратились. Недавно узнаю: комсомольцы слово сдержали, дом построен за 62 дня вместо 132 по графику.

Собеседование показывают: у большинства членов ВЛКСМ высокая мера ответственности за выполнение заданий девятой пятилетки. Причем, если надо, проявляются и твердость духа и сила комсомольского характера. Джемал Бухия, контролер Тбилисского молочного комбината, рассказал на собеседовании, что на предприятии встречаются случаи хищения и выпуска недоброкачественной продукции. Джемал просил, чтобы комсомольцам была оказана поддержка в борьбе с этими нарушениями. На помощь комсомольцам пришли члены поста народного контроля. Регулярно стали проводить совместные рейды. «КП» остро бичевал недостатки. И вот результат: качество продукции улучшилось, любители поквизиться за счет государства присмирели.

Обмен комсомольских документов вскрыл немало слабых сторон в нашей работе. Как подчас приблизительно знают свои права и обязанности некоторые члены ВЛКСМ, как пассивны еще отдельные комитеты и райкомы комсомола. Вот, например, какая история произошла в Горийском РК ЛКСМ.

Проходил собеседование зоотехник животноводческой фермы ахали-убанского колхоза Тристан Гогиашвили. Спросили молодого зоотехника, есть ли у него какие-нибудь критические замечания. Оказалось, есть. Досуг молодежи их округи плохо организован. Пойти некуда, клуб не работает, то есть его нет вовсе, строится. Еще с 1962 года строится! Стали разбираться: можно ли как-то ускорить строительство, в силах ли комсомольцы

из больницы (в это он верил до самого последнего дня), не пришлось ему краснеть. Прочитал он однажды об опыте московского завода «Динамо» по внедрению личных планов повышения производительности труда, заинтересовался, раздобыл еще какие-то материалы, проштудировал. Опыт этот как нельзя лучше подходил модельщикам, работа которых не поддавалась порой никакому нормированию. А здесь вроде бы все просто—расчет рабочих часов по сменам, месяцам и даже на целую пятилетку. Остается только скать время, вместить в каждый рабочий час как можно больше души и труда. С помощью технолога Тани Табаковой он придумал варианты личных планов для членов своей бригады и только тогда все выполнил перед ребятами. Молодого бригадира поддержали, понравилось, что подготовился он к бригадному собранию обстоятельно, говорил, опираясь на трезвый расчет,—модельщики люди серьезные, цифры любят. Тогда же обязались работать по личным планам и вызвали на соревнование гремевшую на заводе бригаду Михаила Быкова из первого механического цеха.

Быков вызов принял, но к своим соперникам отнесся снисходительно, в своей победе он был уверен заранее. Но уже через месяц понял свою ошибку, и его бригада надолго оказалась в непривычной роли догоняющих.

Отец еще успел поздравить Николая с первой победой. «Так и держи, сынок!»—прошелестел спекшился губами и улыбнувшись хотел, но уже не получилось...

Прямо с кладбища Коля побежал в роддом. Нянечка протянула ему записку, написанную крупным Надиным почерком: «Поздравляю тебя с рождением сына. Как мы его назовем?» Надя еще не знала о смерти его отца, не хотели ее рассстраивать перед родами. Коля несколько раз перечитал записку невидящими глазами, тяжело опустился на стул. Горло перехватило, и не знал, отчего вдруг стали мокрыми глаза: от радости или от горя? Счастьем горе не поддается, не разбавишь. Два острых и таких полярных чувства жили в нем одновременно, и он пытался улыбнуться нянечке, поздравлявшей молодого родителя, но улыбка походила на послед-

сдвинуть дело с точки замерзания? Работники райкома комсомола обратились в райисполком. Райисполком выделил все необходимое для завершения строительства клуба. Клуб скоро распахнет свои двери перед тружениками села. Но почему же для этого понадобилось тринацать лет? Инертность? В какой-то мере да. Но главным образом незнание своих возможностей. Я уверен, что история с клубом помогла комсомольцам колхоза понять и свои обязанности и свои силы, прибавила им активности, а для райкома комсомола стала наглядным уроком.

Совсем другая картина вырисовывается там, где комсомольская организация ясно видит свои задачи и целенаправленно их решает. Интересный опыт воспитания подрастающего поколения накапливают молодые рабочие Руставского металлургического завода. Комсомольская организация предприятия насчитывает около 2,5 тысяч членов. Большинство юношей и девушек заслушивают добрых слов. Сегодня же мне хочется рассказать о судьбе одного комсомольца... и коллективе трубоволочильного комсомольско-молодежного цеха. Недавно на собеседование с секретарем комитета комсомола Вахтангом Чайшили пришел девятнадцатилетний паренек Коля Мотрич. Совсем недавно Коля был нелюдимым и замкнутым юношем. Родители были сиротами. Трудно сказать, что бы дальше было с парнем, если бы ему в жизни не встретился Давид Сохладзе. Демобилизовавшись из армии, Давид поступил работать слесарем на металлургический завод. Вскоре молодежь подметила в Давиде настоящую страсть к общественной работе. Его избрали вожаком комсомольской организации цеха. Хочу заметить: в цехе 152 члена ВЛКСМ, а Давид — секретарь неосвобожденный, однако он умеет находить время для общественной работы, и цеховая организация стала одной из самых активных на заводе. Вот тогда-то ребята из цеха и встретились с Колей Мотричем. Выяснили, что у него нет родителей, что живет он сам по себе, и Давид, подумав, предложил взять коллективное шефство над парнем. Важный фактор: комсомольцев поддержала администрация цеха. Коля стал работать на заводе, его посыпали в общежитии, каждую минуту он чувствовал поддержку Давида и новых товарищ. Словом, в коллективе цеха увидел он свою новую семью. А у парня была, оказывается, заветная мечта: стать комсомольцем. Но он боялся, что прошлая жизнь не даст ему права вступить в ряды ВЛКСМ. О мечте Коли узнали в цехе. К тому времени он

проработал здесь больше года и не имел ни одного замечания. Приняли Колю Мотрича в комсомол единодушно. Рекомендацию дал молодому рабочему Омар Пантелеймонович Хоперия, начальник цеха, коммунист, в прошлом член комитета комсомола предприятия.

Конечно, случай с Николаем исключительный в своем роде. И когда я думаю о комсомольцах трубоволочильного цеха и их вожаке Давиде Сохладзе, мне приходит в голову такая мысль. Молодые рабочие могли бы и не встретиться на своем пути с трудной судьбой, но все равно они бы нашли для себя важное дело, потому что они инициативны. Показательно, что молодежь цеха получила большую поддержку партийной организации. Это характерный пример. Обмен комсомольских документов проводится вслед за обменом партийных документов, и сегодня мы можем говорить о преемственности в этой ответственной работе. ЦК КП Грузии взял под свой контроль деятельность комсомольских организаций по обмену документов.

Сегодня целые коллективы выступают в роли наставников молодых рабочих. Практика показывает: там, где наставничество пустило крепкие корни, молодежь быстрее вживается в рабочий ритм коллектива, проявляет интерес к общественной деятельности. В Сачхерском райкоме комсомола проходил собеседование молодой мебельщик комбината местной промышленности Габо Цинцадзе. Было известно, что этот старателей парень не справляется с производственными заданиями. Просто-напросто не хватает ему трудовых навыков. Комитет комсомола комбината взялся подобрать ему опытного наставника. Шефствовать над Габо поручили Лери Теберидзе. Лери — ударник коммунистического труда, задание девятой пятилетки выполнил за четыре года, награжден золотой медалью ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки». Словом, лучшего наставника и пожелать нельзя. И вот результат: прошло три месяца, и Габо Цинцадзе начал систематически выполнять нормы на 107—110 процентов.

Мы стремимся к тому, чтобы собеседования не были шаблонными, но, к сожалению, приходится признать: пока еще не всегда это получается. Серебряная критика была высказана на заседании бюро ЦК ЛКСМ Грузии в адрес Абхазской областной организации. В некоторых комсомольских организациях Абхазии подготовка и об-

мен документов были проведены формально, упускался благоприятный момент для усиления воспитательной работы среди молодежи. Критика, высказанная на заседании бюро ЦК ЛКСМ Грузии в адрес Абхазской комсомольской организации, помогла ее руководителям по-новому подойти к проведению важной политической акции. И в настоящее время наметились существенные сдвиги в сторону улучшения этой работы.

Успешно проводят обмен документов Тбилисская, Руставская, Горийская городские, Маяковская, Целеджская, Каспанская районные комсомольские организации. А что значит успешность? В первую очередь я имею в виду активность молодежи. Вот несколько цифр. За пять месяцев с начала обмена документов комсомольцы высказали около семи с половиной тысяч критических замечаний и предложений. Информационно-методический центр ЦК ЛКСМ Грузии систематизировал поступившие критические замечания. Картина сложилась такая: 30 процентов критических замечаний молодежь высказала в адрес местных комсомольских организаций, 16 процентов — в адрес вышестоящих, 17 — в адрес администрации, 37 процентов комсомольцев, участвовавших в собеседованиях, высказали с самокритикой, отмечая неумение организовать собственный быт и досуг.

Конечно же, было бы наивно думать, что все те комсомольцы, с которыми проводились собеседования, назавтра исправят свои недостатки, а критические замечания, высказанные в чей-то конкретный адрес, будут сию минуту устранены. Тут требуется время и кропотливая работа. Перед нами встает обширная программа дальнейшей деятельности. Не случайно, например, около семи тысяч юношей и девушек прошли повторные собеседования.

Реализацию высказанных критических замечаний мы считаем задачей номер один. Мы отлично понимаем: нельзя бороться с недостатками, только лишь называя и перечисляя их, нужно, чтобы каждое проводимое мероприятие имело определенные конкретные результаты, влекло за собой развитие сознания молодежи, действительно влияло на формирование морального облика молодых строителей коммунизма.

На практике это выглядит так: 7,5 тысячи критических замечаний и предложений были высказаны в ходе собеседований. По большей части из них принятые меры.

Обмен комсомольских документов продолжается!

нюю отцовскую, застывшую, как будто кто-то соединил две древних театральные маски, и нянечка, вроде бы привыкшая к разным проявлениям чувств, испуганно посмотрела на него, торопливо взяла записку и умчалась. «Мне вас очень не хватает, тебя и Владимира», — написал он жене.

Ребята из бригады поднесли подарок: соски, пустышки, погремушки, простишки — все, что положено новорожденному. Потом подошел Александр Никитич Корчагин, протянул лист бумаги: «Я тебе рекомендацию написал. В партию. Отец всегда хотел видеть тебя коммунистом. Надеюсь, будешь достоин его памяти и моей рекомендации». Вторую рекомендацию дал Носков Валентин Александрович, лучший фрезеровщик участка, партгрупорг: «Ты, Коля, чуть что, ко мне обращайся. Я и в нерабочее время для тебя модель отрезерую». В заводском комитете комсомола Николая Латышева тоже хорошо знали: он неоднократный победитель конкурсов по профессии, заместитель секретаря комсомольского бюро пятьдесят первого цеха, активный проектировщик. При утверждении рекомендации ему только один вопрос задали: «Это правда, что из-за тебя участок лишили первого места?» «Нет, неправда, — взорвался Коля и тут же, вспомнив, где он находится, тихо, но твердо добавил: — Если еще раз попадется, поступлю так же».

И, как нарочно, он снова попался, сосед по цеху. Верстаки у них рядом стоят, но дороги после смены, как правило, расходятся. У заводских дружинников свой постоянный маршрут, и он почему-то пересекался с маршрутом «союзника», как Николай окрестил соседа. И опять этот «союзничек» был «тепленький» до омерзения.

— Тебе, наверное, неудобно теперь, — сказал Демин. — Мы его сами доставим.

— Думаешь, я руки боюсь запачкать, — рассердился Николай. — Пусть сочувствующие говорят, что хотят.

А сочувствующие у «союзника» были. Когда из-за одного пьяницы участок лишили заработанного в упорном соревновании первого места, кое-кто пытался обвинить в этом... Николая. Потому что именно он со своими дружинниками доставил парня в вытрезвитель.

— Эх ты, своего не пожалел, — бросил ему в сердца старый рабочий, к которому Николай всегда относился с уважением. — Теперь из-за тебя червонца лишился.

— Хотите, я вам свою десятку отдам, с получки? — прищурился Латышев.

— Мне чужого не надо, мне мое отдаю. Десятку ему, видите ли, не жалко, а товарища не пожалел.

— А разве вы его жалеете, вам прошлую десятку жалко? — крикнул Николай и ушел, а спину его жгли злые глаза.

— Не расстраивайся, — остановил Николая Евгений Литаров, первым в цехе выполнивший пятилетку и награжденный орденом Трудовой Славы. — Все ты правильно сделал, таких жалеть — только портить.

— Первое место, конечно, не каждый день достается, — вздохнул Корчагин. — Но из-за классного места забывать о рабочей совести не следует. Так что, держи, Латышев, нашу марку и вперед.

И вот история повторилась. Почти во всех подробностях. Валентин Воеводин, до недавнего времени работавший в бригаде Николая и только что надевший милиционную форму, улыбнувшись, посоветовал: «Переходи к нам, если тебя с участка выживут».

Честно говоря, Коля и сам побаивался, что кое-кто из «сочувствующих» объяснит повторную доставку «союзника» в вытрезвитель актом личной мести со стороны Латышева. Не на это ли намекал и Воеводин? Но собрание на участке было справедливым. Говорили о дисциплине, о рабочей гордости и принципиальности. Молодого коммуниста Николая Латышева в пример ставили.

А после собрания, едва Коля из проходной вышел, сосед по цеху тут как тут. Латышев на всякий случай кулаки в карманах скжали, приготовился к «разговору», а сосед неожиданно задал тот самый вопрос, который Николай давно и мучительно готовил для него: «Ты на меня не обиделся, парень?» «Какие могут быть обиды!» «Перед собранием я каяться не стал и перед тобой не буду, но в третий раз такое не случится. Это я не тебе — себе обещаю. Завязал я с этим делом, крепко завязал».

— И напугал же ты меня, Сергей, — весело сказал Латышев, рассматривая испорченную модель. Радоваться, конечно, нечemu, но на день лишней работы добавил Чумиков бригаде, но и шум поднимать не стоит — только напугаешь парня, оттолкнешь его от доброй профессии, которая, кажется, пришла ему по нраву. Коля сделал разметку прямо по модели, вырвал листок из блокнота, забегал по нему карандашом. — Ничего страшного, Сергей, все вместе возьмемся и быстро исправим. Только без перекусов придется работать. Хочешь конфетку? Беги тогда к Носову, передай Валентину Александровичу записку, он испорченный кусок вырежет и новый вставит.

Чумиков благодарно посмотрел на своего наставника, сунул записку в карман и двумя руками обнял громоздкую алюминиевую модель.

— Да, Сергей, давно хочу спросить, почему это ты до сих пор не в комсомоле?

Чумиков модель на верстак поставил, руками растряпно развел:

— Не достоин, наверное.

— Ладно, беги к Носову, а рекомендацию в комсомол я готов хоть сейчас дать, и на разряд тебе пора сдавать. В цехе скоро конкурс будет, от нашей бригады тебе придется выступать.

— Не смогу я, — Чумиков грустно посмотрел на заполненную модель. — У меня не получится.

— Получится. Только ты, пожалуйста, будь впереди повнимательнее. Особенно во время конкурса.

Во всех соревнованиях профессионального мастерства, в которых доводилось участвовать Латышеву, он всегда входил в число призеров. На последнем тоже оказался среди победителей, но вернулся в Мицхи недовольный. Конкурс этот мастерства ему не прибавил и удовлетворения не принес. Задание модельщикам дали не только простое, но и ненужное — прорезать в куске металла шпоночный паз, что можно сделать легко на любом фрезерном станке, а у модельщиков работа ручная, ювелирная. Николаю на этом конкурсе вспомнились давние уроки труда в школе. Пятиклассники учили пришивать пуговицы, и они старательно пришивали их к... носовым платкам. Нет ничего

скучнее и хуже ненужной, зряшной работы. Коля рассмеялся, вспомнив, что Женя Литаров называет такую работу «пузатой», и смех его был горький.

— Поздравляю, — тезка, — первым встретил его редактор заводской многостражи Николай Сустретов. — Обязательно напишем о своих впечатлениях.

— Да никаких я впечатлений с этого конкурса не привез, — отказался Латышев.

— При чем здесь конкурс? — удивился Сустретов. — Или еще не в курсе? Ты же завоевал право быть сфотографированным у Знамени Победы.

Фотография долго ходила по рукам, рассматривали внимательно, ругали за то, что не смог встать в центр, рядом с прославленным военачальником, и гордились фотографией бригадира так же, как орденом Жени Литарова. Потому что ощущали и себя отмеченными, награжденными. С просмотром этой фотографии и началось собрание, на котором принимали обязательства в честь XXV съезда КПСС.

— Я подсчитал, что до съезда осталось двести дней, — сообщил Демин. — И предлагаю стать на двухсотдневную предсъездовскую вахту. И чтобы каждая смена стала у нас ударной, рекордной.

— Согласны? — спросил бригадир. — Тогда еще одно предложение: бороться за право бригады носить имя партийного съезда.

И снова согласились единодушно. Но потом еще долго спорили над каждым пунктом, над каждой цифрой обязательств, прежде чем поставили под ними свои подписи.

— Носов сказал, что сегодня же все сделает, — обрадованно сообщил Сергей Чумиков. — А вы это всерьез говорили?

— Что?

— О конкурсе, о комсомоле, о разряде.

— Конечно. Завтра сдадим твою модель, через неделю еще одну — очень срочная работа, Сережа, и сразу же займемся твоими делами. По порядку. Начнем с комсомола.

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ

Анатолий БАРАНОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

В разных районах города большими кострами пылали дома, багровые клубы дыма поднимались над крышами, изредка доносились глухое бормотанье автоматов. А на заводе было непривычно тихо: умолкли станы, мрачно темнели мартены и домны. Часть оборудования успели вывезти, но завод, завод-то оставался.

— Как же так! — недоуменно протянул Павел Заяц, лежавший в траншее рядом с Ковалевым. — Надо все взорвать, чтоб немцам не досталось.

— Не достанется. Завод заминирован.

— Жалко взрывать, — подал голос кто-то из бойцов. — Двенадцать лет на нем отработал.

Ковалев крикнул:

— Грабовского ко мне!

По цепи понеслось: «Грабовского к комбату».

Через минуту прибежал командир второй роты Андрей Грабовский.

— Что с Долматовым?

— По-видимому, погиб, товарищ Ковалев.

— По-видимому! А кто видел?

— Ребята из его роты. Еще в том бою, на улице Жуковского.

— Каких людей теряем! — устало сказал Ковалев и тут же приказал: — Отводите людей за Днепр, Грабовский.

— Федя, а ты?

— Выполняйте приказ. Со мной оставьте десять бойцов и патронов побольше. Мы прикроем, хотя до утра, я думаю, они на завод не сунутся.

Он ошибся.

Несколько серых теней мелькнуло возле седьмой домны.

— Эй, кто там? — окликнул комбат в полной уверенности, что через территорию завода в этот час могут пробираться только последние беженцы или отставшие бойцы.

В ответ раздались автоматные очереди.

— Уводи людей, Андрюша! — крикнул Ковалев, не отрываясь, и прижался щекой к теплому деревянному прикладу.

Он был хорошим стрелком, командир истребительного батальона, начальник городского отдела милиции и комендант Днепродзержинска Федор Ковалев...

К рассвету последние защитники города переправились на левый берег Днепра. Лодка, в которой был комбат, подошла к берегу в тот момент, когда на территории металлургического завода раздались первые взрывы.

— Отстроим, — смахивая слезы ладонью, прошептал Заяц.

— Мать честная, мы же Прометея забыли! — вдруг сказал Грабовский и растерянно развел руками. — Все вывозили, а о нем забыли. Он, может, дороже какого-нибудь стана.

— Детей и жен оставляем, а ты кусок железа жалеешь — буркнул кто-то.

— Памятник, а не железо! — взорвался Грабовский.

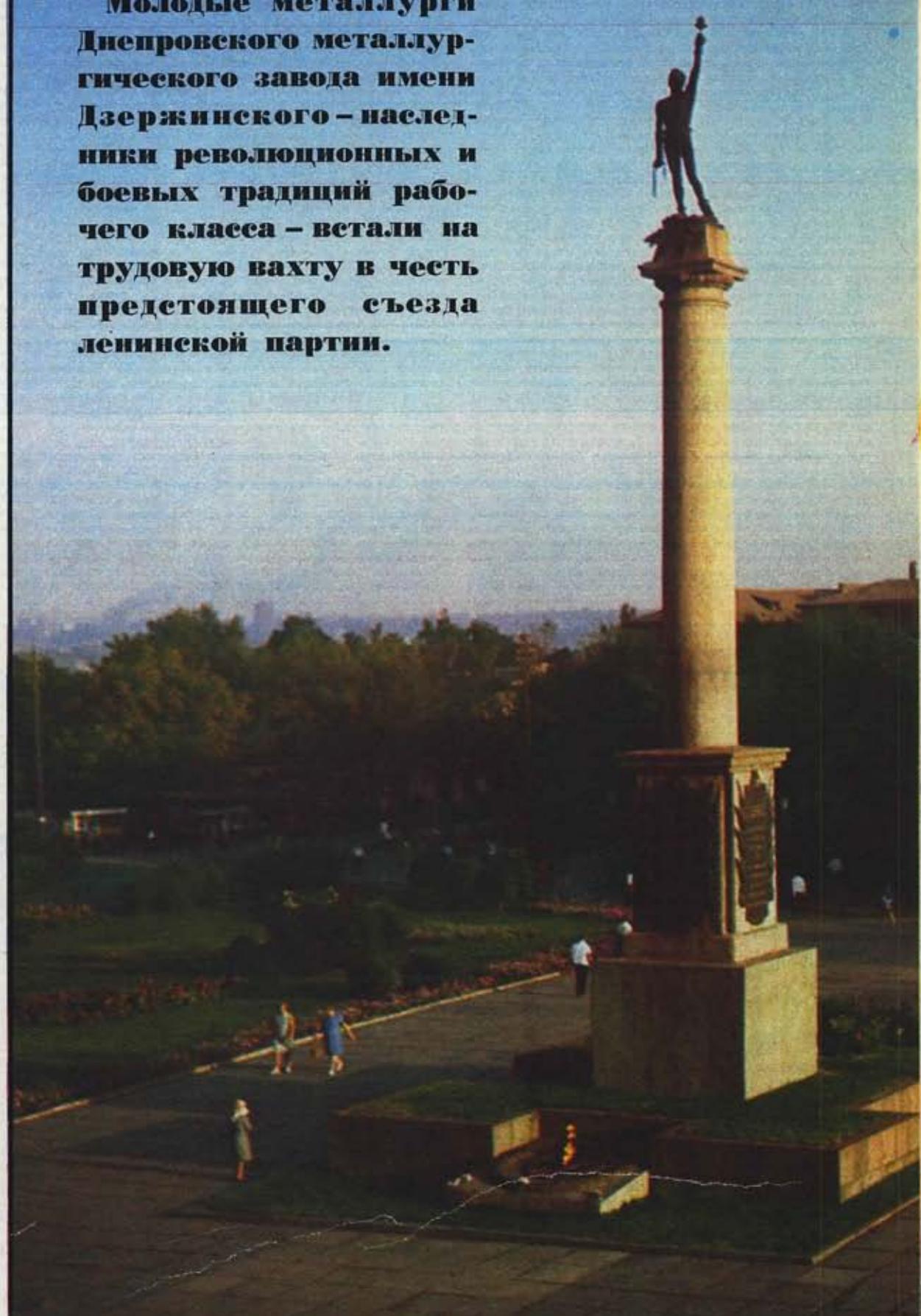
— Мы вернемся, — уверенно сказал Ковалев. — Мы скоро вернемся.

Истекал август сорок первого года. Истекал кровью...

— Встретимся после смены у Прометея, — предложил мне Станислав Лютый, старший горновой бригады имени журнала «Смена».

Памятник стоит на самом высоком месте в городе. Двадцатиметровую колонну венчает трехметровая фигура титана, на поясе и в правой руке его — разорванные

**Молодые металлурги
Днепровского металлургического завода имени
Дзержинского — наследники революционных и
боевых традиций рабочего класса — встали на
трудовую вахту в честь
предстоящего съезда
ленинской партии.**

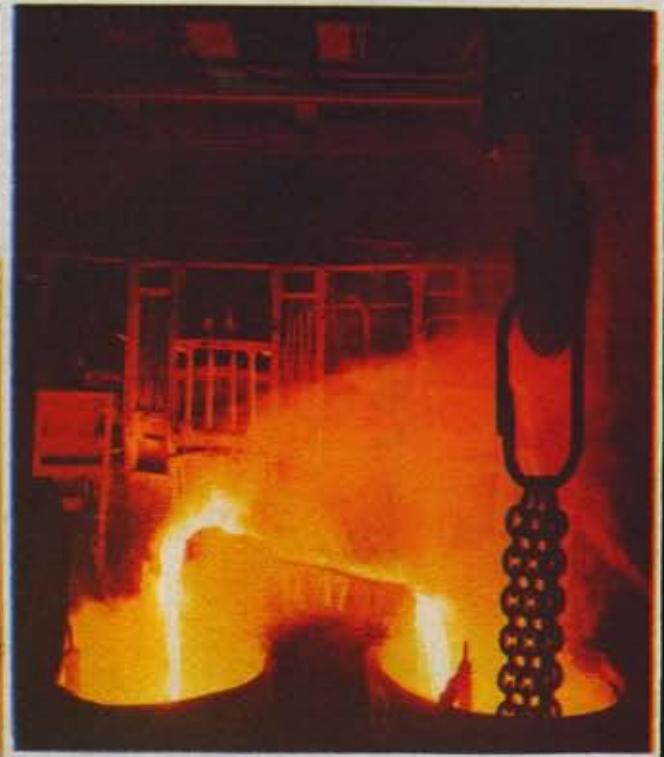

ПРОМ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

МЕТАЛЛ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

цепи, в левой, гордо вскинутой вверх,—вечный огонь, а у ног—повергенный орел.

Прошли мимо памятника пионеры—салют отдали, солдат шел—руку к фуражке вскинул, старик с костылем долго шевелил губами, читая надписи на чугунных досках, и, уже уходя, поклонился, бабушка в черном платочек привычно перекрестилась. Подъехала «Волга», разукрашенная цветами, вышли из нее молодые. Он, наверное, уже отслужил в армии, а она совсем еще девчонка. Подошли к памятнику, положили цветы у вечного огня и молча стояли, молодые, красивые, строгие. Только начиняю охнула молодая жена, когда ветер вырвал из ее рук красный шар, и он медленно поплыл вверх, мимо колонны, мимо поверженного орла и разбитых цепей, мимо красного огонька, поднятого раскованным титаном, и дальше вверх, в небо.

— К счастью,— успокоили молодую ее друзья.

Это тоже традиция—после загса молодожены обязательно приезжают на самое высокое место в городе, чтобы положить цветы к памятнику.

Он стал символом Днепродзержинска, этот уникальный монумент.

У памятника есть своя богатая история.

В 1919 году Каменское (так до 1936 года назывался Днепродзержинск) заняли части «добровольческой армии». Первым арестовали и расстреляли без суда и следствия рабочего Днепровского завода Михаила Кузнецова. Тяжело больного тифом, старого коммуниста Федора Прокофьевича Сыровца вытащили прямо из постели. В тот же день схватили комсомольца Володю Татаренко. По доносу провокатора были арестованы руководители подполья Михаил Арсеничев и Иван Харитонов... «Наиболее опасных преступников» отправили в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), где контрразведка славилась «усиленными допросами», но даже пытки не сломили большевиков. Их и расстреляли якобы «за молчание».

В конце девятнадцатого в Каменском восстановилась Советская власть. С фронтов гражданской войны возвратились многие рабочие металлургического завода. Они хорошо знали тех, кто погиб за свободу, помнили о них. Летом двадцатого решено было перенести останки замученных подпольщиков из Екатеринослава в Каменское. Траурный поезд сопровождали представители всех предприятий, друзья и родственники погибших.

В местном музее, расположеннем рядом с площадью Прометея, мне показали старую, пожелтевшую листовку: «Комиссия по организации похорон жертв революции извещает, что в воскресенье, 13 июня с. г. (то есть 1920-го.— А. Б.), со станции Тритузная будут переноситься для похорон в братской могиле тела каменских товарищей Арсеничева, Харитонова, Сыровца и Татаренко, зверски убитых в 1919 году агентами белогвардейской охранки».

Многотысячная процессия прошла от станции к братской могиле, появившейся посреди бывшей базарной площади, на самом высоком месте. Под плач траурных маршей опустили в могилу красные гробы с останками подпольщиков, сотни венков скрыли и могильный холм и деревянный обелиск. Временный. На рабочих собраниях уже говорили о необходимости сооружения настоящего памятника «на вечные времена», рассматривали многочисленные эскизы и проекты, спорили о размерах, о материале, но все сходились в главном: памятник должен быть величественный, глубоко революционный, олицетворяющий многолетнюю освободительную борьбу каменских рабочих против самодержавия и капитализма. Все предложения рабочих поступали в партийный комитет и тщательно изучались. Вскоре вынесли официальное решение о строительстве монумента в духе постановления Советского правительства о памятниках социалистической революции в нашей стране.

Деньги для строительства памятника собрали рабочие Днепровского металлургического завода. Труднее было найти исполнителя. Хотели обратиться за помощью в Екатеринослав, Харьков или Москву, но тут в партийный комитет пришел начальник строительного цеха металлургического завода Алексей Яковлевич Сокол и предложил свои услуги. Сокол хорошо знали на заводе. Инженер, архитектор, художник, он все свое свободное время отдавал просвещению трудящихся, организовывал общобразовательные кружки и технические курсы, читал лекции о художниках-передвижниках, хорошо знал руководителей каменских большевиков токаря Михаила Арсеничева и котельщика Андрея Беспалова.

— Рабочие тебе доверяют и крепко на тебя надеются, дорогой товарищ Сокол,— выразил общее мнение парткома красный директор Днепровского завода Исаак Беседов, бывший еще в пятом году председателем первого Совета рабочих депутатов.

Беседов же как-то рассказал Соколу о первой большой политической забастовке на заводе. В 1903 году рабочие столкнулись у проходной с крупным полицейским отрядом. Забастовщики смяли полицию, снесли массивные заводские ворота, закрытые цепями, сорвали с ворот двуглавого орла—эмблему царского самодержавия. Орла растоптали и сожгли, а цепи послужили оружием против полиции.

— Повергенный орел—это же один из подвигов Геракла!—воскликнул Алексей Яковлевич.— Вы знаете легенду о Промете?!

— Нам сказки ни к чему,—усмехнулся Беседов.—Нам коммунизм надо делать.

Сокол терпеливо пересказал Беседову содержание легенды о раскованном Прометеем. Потом торжественно читал строки Эсхила:

...Итак, Гефест, теперь твоя обязанность
Приказ отца исполнить и преступника
К скалистоверхим кручам пригвоздить.
Ведь он твой цвет, огонь, чудесно блещущий,
Украл и людям подарил...

Через несколько дней он прочел эти строки на заседании парткома, и коммунисты одобрили намерение художника запечатлеть в образе мифического героя многолетнюю борьбу каменских рабочих.

Начались трудные дни поисков. Сотни рисунков, десятки глинняных моделей. И новое препятствие: главный инженер завода Фохт и начальник литейного цеха Шихов категорически отказались участвовать в сооружении памятника. Причины объективные: завод не приспособлен для художественного литья, нет на заводе специалистов, нет даже необходимого фосфористого чугуна. Но за всеми техническими рассуждениями старых спецов уговаривался плохо замаскированный саботаж. Об этом прямо заявил Шихову литейщик Сергей Васильевич Гречнев. Он же и вызвался сделать отливку скульптуры.

Уголок литейного цеха превратился в мастерскую скульптора.

Каждый день сюда приходили рабочие, смотрели, иногда давали советы по формовке. Шихов и мастер Скибинский, отстраненные по требованию Гречнева от работы над отливкой скульптуры, тоже пытались кое-что «подсказать». И когда Сергей Васильевич их «советов» не принял, Скибинский бросил в бессильной ярости: «Скорее я стану ксендзом, чем ты отольешь Прометея!». Гречнев около двадцати дней не выходил из цеха, днем работал, а ночью вместе со своим помощником Германом Вонаком охранял сделанное.

Наступил наконец решающий день. Подняли опоку и увидели чисто отлитую фигуру. Смесь нигде не пригорела, отливка удалась. И сейчас такая работа считается верхом литейного искусства, а тогда, в двадцатом...

Главное, кажется, сделано, отлита фигура Прометея, но именно в этот момент работы по сооружению памятника пришлось отложить: небывалая засуха, обрушившаяся на страну, сковала жизнь и в Каменском.

Только в 1923 году трехметровую чугунную фигуру подняли лебедками на высокую круглую колонну, и в руке Прометея вспыхнул огонь. Открыть памятник доверили члену партии с 1904 года, участнику трех революций И. М. Беседову. В том же году рядом с площадью, над которой возвышался монумент, разбили молодой парк.

Станислав Лютый — один из лучших горновых Днепровского завода. Но он еще и хороший гид, о людях, именами которых названы улицы города, он рассказывает с завидными подробностями, словно был знаком с ними с детства. Впрочем, так оно и есть. Он любит свой город, хорошо знает его историю и гордится ею.

— В этом доме во время войны работал подпольный горком комсомола, а вот здесь размещался штаб партизанского отряда. Об этих домах у нас, наверное, каждый мальчишка знает, а о делах партизан и подпольщиков — тем более. — Вообще-то Лютый склонен на слова, но, когда речь заходит об истории Днепродзержинска, он преображается. Может быть, ему следовало стать историком, хотя, по словам наших общих знакомых, он и доненщик «от бога». — Вот здесь, в Прометеевском парке, до войны была маленькая столовая, в дни обороны города там и размещался штаб истребительного батальона и комендатура.

Восемь лет назад я впервые приехал в Днепродзержинск, приехал специально посмотреть на памятник, о котором и до этого приходилось немало слышать. Тогда же поэт Игорь Пупко повел меня к Федору Павловичу Ковалеву, командиру истребительного батальона, созданного в дни обороны города. Федор Павлович был уже тяжело болен, говорил с трудом, и я постеснялся мучить его вопросами. Теперь его уже не расспросишь...

В старом блокноте остались только обрывки фраз, цифры, даты... По архивным и музейным документам, по свидетельствам очевидцев рисовал я картину обороны города в те тяжелые дни сорок первого трудного года.

12 августа на совещании в горкоме партии начальника милиции Ковалева назначили военным комендантом города, ему же поручили создать истребительный батальон и организовать оборону Днепродзержинска. В состав батальона вошли партийные, советские и комсомольские работники, сотрудники милиции, рабочие. Истребители были вооружены винтовками, гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Во дворе милиции они установили стальной щит, учились бросать бутылки. Тренироваться в стрельбе не пришло — экономили патроны. Их было 280 человек. Перед батальоном стояла задача — задержать наступление фашистов, дать возможность закончить эвакуацию заводского оборудования. Бойцы

ИВАН ДАНИЛОВИЧ ГОЛОВКО.

батальона усиленно готовились к встрече с врагом: устраивали баррикады и огневые точки, рыли траншеи... Когда в Прометеевский парк примчался мотоциклист и, задыхаясь, доложил коменданту, что группа вражеских разведчиков у коксохимзавода, Ковалев не поверил. С группой истребителей он тут же помчался на коксохимзавод. Немецкие разведчики к своим уже не вернулись. Первая победа дала батальону слишком легко, истребители поняли это уже на следующий день. Начиная с 19 августа батальон вел упорные бои сначала на подступах к городу, потом на его окраинах, в центре... А на левый берег Днепра непрерывным потоком шли транспорты с наиболее ценным оборудованием. Беззаветное мужество истребителей было отмечено еще в те тяжелые дни. 23 августа в Днепродзержинск приехал Леонид Ильин Брежнев и от имени Военного Совета Южного фронта и Днепропетровского обкома партии объявил благодарность всему личному составу батальона.

Фашисты бросали против истребителей танки и мотопехоту, засыпали снарядами, но горстка храбрецов держалась. Последний бой в городе они приняли на улице Жуковского. В засаду, устроенную истребителями, попало 36 мотоциклов и 2 бронемашины с гитлеровцами. Бой был скоротечным. Около сотни фашистов остались лежать на дороге, наши потери — восемь убитых и семнадцать раненых.

В ночь на 25 августа бойцы батальона удерживали только территорию завода имени Дзержинского. Рядом с ними в цепи лежало свыше ста красноармейцев, накануне вырванных истребителями из фашистского плена. Под их прикрытием уходили из города последние беженцы. Перед рассветом переправились через Днепр и защитники Днепродзержинска. Через полчаса после их ухода на территории завода, уже занятого фашистами, раздались мощные взрывы — рушились доменные и мартеновские печи. Завод, как настоящий солдат, не сдался врагу живым.

В моем старом блокноте остались слова Ковалева: «Когда переправились на левый берег, вдруг вспомнили о Промете и все жалели, что не догадались вывезти или хотя бы спрятать этот памятник».

Фашисты сначала огордили площадь Прометея высоким забором, а потом в центре города раздались два взрыва. Рухнувшая колонна завалила братскую могилу бесформенной грудой камня. Но сам Прометей, упав с двадцатиметровой высоты, остался невредимым. Фигуру титана погрузили на трамвайную платформу, и оккупанты приказали отправить ее на переплавку. Но рабочие городского трамвая И. Д. Головко, И. Г. Халимонов, В. Е. Иванов и Д. Л. Корнеев спасли Прометея. Платформу загнали в трамвайный тупик на окраину города, скульптуру уложили в канаву, засыпали ее землей и еще сверху набрасывали горы мусора.

— Спрятать-то мы ее спрятали, а на сердце все равно кошки скребут, — вспоминает Иван Данилович Головко. — Нам же его переплавить приказали. Вдруг, думаю, этим гадам захочется проверить, сколько чугуна получилось из нашего памятника. Начали мы быстро собирать старые тормозные колодки, горшки, сковородки, даже заборчик литья, что рядом с мастерской стоял, в дело пустили. День прошел тихо, другой...

Иван Данилович рассказал жене о спрятанном памятнике, и их маленький домишко надолго лишился покоя. Чуть калитка скрипнула или ветер в саду зашуршил ветками, Прасковья Даниловна испуганно толкала мужа: «За тобой идут!». Боялась она и гордилась мужем.

— Нешто можно такую красоту в огне совать, — говорит Прасковья Даниловна мне. — Люди ж за нее и живота лишились.

Борьба в городе не прекращалась ни на минуту, хотя все заборы были заклеены приказами и запретами, неизменно заканчивающимися словами: «За нарушение расстрелят». И расстреливали. Но активно работали подпольный горком партии во главе с Казимиром Францевичем Ляудисом и горкомом комсомола, секретарем которого была Лидия Лукьянова. Подпольщики разбрасывали листовки, спасали молодежь от угона в Германию, но, наверное, самой чувствительной для врага была работа патриотов на тех предприятиях, где фашисты пытались наладить производство. Уже готовое оборудование выхолило из строя, ломалось, горело, взрывалось. Турбину ГРЭС отремонтировали немецкие специалисты, русских к ней не подпускали, и все-таки горком партии принял решение: «Гитлеровцы электроэнергии не получат!». Подпольщик Огурцов нашел простой и остроумный способ вывести из строя турбину: во время ее работы он закоротил на Днепре водный реостат...

А утром 7 ноября 1942 года днепродзержинцы увидели на парашютной вышке в парке рядом с площадью Прометея родное красное знамя. Его водрузили комсомольцы Лидия Лукьянова, Василий Страшнов и Петр Каплин. В тот же день на металлургическом заводе вышел из строя обшивной стан, который почти целый год фашисты готовили к пуску.

За два года оккупанты так и не смогли наладить производство на самом главном предприятии города — металлургическом заводе.

25 октября 1943 года Москва салютовала доблестным советским войскам, освободившим Днепропетровск и Днепродзержинск.

Фигуру Прометея снова подняли на двадцатиметровую колонну. И цоколь и колонну восстановили по старым рисункам и фотографиям. И стоял памятник, как и прежде, только на его цоколе появились две новые чугунные доски, одна с именами подпольщиков, погибших во время оккупации, другая — в память о воинах, отдавших жизнь за освобождение города.

Недавно фигуру Прометея покрыли специальным составом, чтобы он действительно сохранился «на вечные времена», а цоколь памятника облицевали гранитом.

— Сказали, надо облицевать памятник, а я, по правде сказать, растерялся малость, — рассказывал мне каменщик Николай Матвеевич Геращенко. — Хорошо, у меня отпуска недели сохранилась, поехал специально в Севастополь посмотреть, как там такую работу справляют, посмотрел, с мастерами поговорил, сам немного потренировался, а все равно дома начинать было страшновато. Но сделал...

На металлургическом заводе, в цехах которого и возникла идея создания этого уникального монумента, сейчас идет социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов завершающего года пятилетки. Главный приз в соревновании среди комсомольско-молодежных бригад — небольшой кусок металла, а на нем табличка: «Первый слиток, отлитый 21 ноября 1943 года, на 26-й день после освобождения Днепродзержинска». Об этой трудовой победе хорошо знают и молодые рабочие, они твердо продолжают дело отцов и дедов. Последние два квартала приз не покидает бригаду имени журнала «Смена», которой руководит Станислав Лютый.

— Да мы его и не собираемся никому уступать, — уверенно сказал горновой.

День и ночь пылают рядом огни. Бессмертный огонь в руке Прометея и огонь марганцев и домен одного из крупнейших предприятий страны — Днепровского ордена Ленина металлургического завода имени Дзержинского.

Как использовать машину времени?

Попадись мне машина времени!
Я бы не к первобытному племени
полетел,
на костров его дым,
а в страну, где не чувствуешь бремени
лет,
где я бы стал молодым.

Вот он, Харьков, полугодовой,
тощий, плоский, словно медаль.
Парусов голубые полотна
снова мчат меня в белую даль.

Недохватка, недоработка,
недовес: ничего сполна,
но под парусом мчится лодка,
ветром юности увлечена.

Харьков. Мы на велосипедах,
этих, вовсе еще не воспетых
междуренемья лошадях,
едем на его площадях.

Харьков. Мы в его средних школах:
то вбиваем в ворота гол,
то серчаем в идеальных спорах,
то спрягаем трудный глагол.

Харьков. Очереди за хлебом.
Достою ли?
Достанется ли?
Но зато — под высоким небом,
на широкой земли!

Плохо нам,
но мы молодые.
Холодны и голодны
переносят легко молодые,
потому что легко молодым.

Все три измерения совести

Говорят, что огромные, многотонные самосвалы потихоньку проскальзывают навалы, обвалы, кладбища автомобильных частей, что доказывает наличие чести вместе с совестью, также и с памятью вместе, даже у машин, даже в век скоростей.

Совесть с честью, конечно, меняются тоже, но покуда тебя потрясает до дрожи не своя, не жены, а чужая беда — не утратили доблести и геройства человекоустройство и мироустройство, а душа осознана, как всегда.

А душа вещественна, когда она есть, и невидима, если ее замарали, и свои очертания имеет честь, и все три измерения есть у морали.

На полях пословицы

Перемелется — будет мука.
Но покуда не перемалывается,
а марается и перемаривается.
Что-то вроде черновика.

Всё то мерится,
то перемеривается,
с каждым годом все тяжелей,
но потом, когда перемелется,
будет снега белей.

Разные формулы счастья

В том ли счастье?
А в чем оно, счастье,
обращавшееся отчасти
зауряднейшим пирогом,
если вовсе не в том, а в другом?

Что такое это другое?
Как его трактовать мы должны?
Образ дачного, что ли, покоя?
День Победы после войны?

Или та черта, что подводят
под десятилетним трудом?
Или слезы, с которыми входят
после странствий в родимый дом?

Или новой техники чара —
щедр на это двадцатый век?
Или просто строка из «Анчара» —
«человека человека»?

Стирка гимнастерки

Медленный, словно лужа, ручей.
Тихий и сонный ручей без речей.
Времени не теряя,
в нем гимнастерку стираю.

Выстираю, на себя натяну,
на небо неторопливо взгляну,
на в головах стоящее
солнышко настоящее.
Долго болталось оно подо мной
в мыльной и грязной воде ледяной.
Надо ошибку исправить
и восвояси отправить.

Солнышко, выскочивши из воды,
без промедления взялось за труды:
в жарком приливе восторга
сушит мою гимнастерку.

Веет медлительный ветерок,
стелется еле заметный парок,
в небо уходит, отважный,
с ткани хлопчатобумажной.

Евгений ЛУЧКОВСКИЙ

В дюзах вечности
Звезды горят,
Обгорают миры дочерна...
А у нас на земле листопад,
А у нас на земле тишина.

Скоростей галактический вой
Оглашает космический ад...
А у нас над твоей головой
Обездоленно листья шуршат.

Там
За вспышкой
Сверхновой звезды —
Трагедийная гибель планет...
А у нас облетают сады,
И спокойно приходит рассвет.

Над последним пятном хризантем,

*
Над склоненной твоей головой —
Низвержение,
Крушенье систем,
Скоростей галактический вой.

Как услышать,
Понять,
Ощутить
Этот гром, что гремит вдалеке,
Бесконечность соединить
С горстью листьев
В бессильной руке!

Над туманностью наших забот,
Над спиральами наших невзгод
В дюзах вечности
Звезды горят...

Листопад, листопад, листопад.

Перрон качается ненароком,
И ты увидишь:
Даль светла
Над преждевременным итогом
Полусененного тепла.

Еще сквозит во всем небрежность,
И не горчит зеленый цвет,
И, принимая полуничьюность,
Прохожий счастлив и согрет.

Плашмя лежит ботва на грядках —
Картошка убрана вчера,—
И видеть весело и сладко:
То ли шалаши, то ли палатка
Приткнулась около костра.

О, как здесь хочется остаться,
В тепло последнее сойти
И, притворяясь домочадцем,
Копать, ворочать и скрести,

И у костра лежать лениво,
И слышать — булькает вода,
И видеть, как неторопливо,
Но зажигается звезда...

... Но, погромыхивая споро,
Состав летит к иным садам,
И глаз зеленый светофора
Открыт навстречу холодам.

Булыжный,
Влажный,
Гибкий свет
На большаке рассыпал блестки,
И элегический рассвет
Взошел спокойно
на подмостки.
Над миром встала тишина,
И в этот миг первоначальный
Качнула кроной сосна
Неторопливо

и печально.
Без суеты,
Без торжества
Тобой природа овладела,
Холодной силой волшебства
Вошла в сознание и тело.

Лесная птица
Первый крик
Оборвала на полуслове,
И бор, что был угрем и дик,
Вдруг пожелал тебе здоровья.

Не укоряя,
Не браня
За все потравы и поборы,
Как очень дальняя родня,
В несчастье ставшая опорой.

ЧУЗ

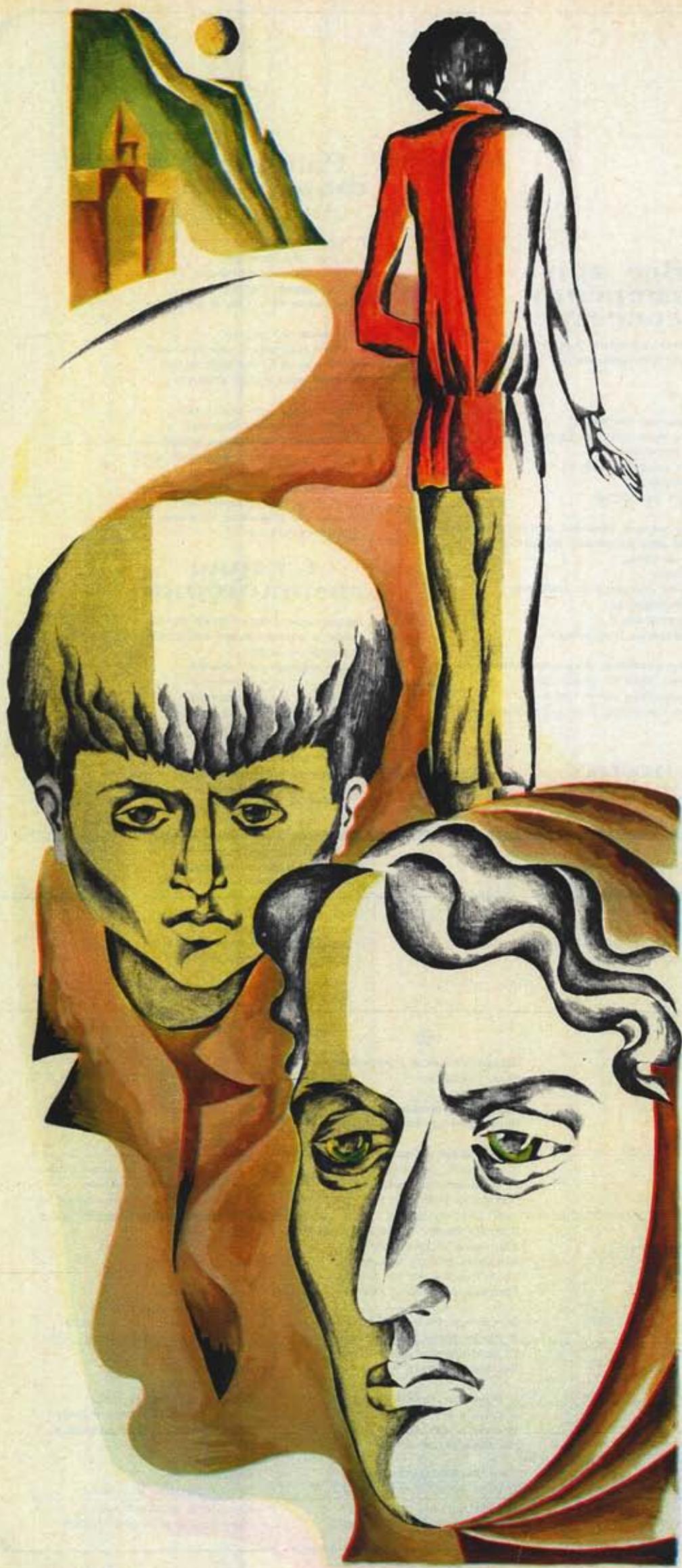

Рисунок Владимира ДЕЛЫБЫ

В

классе был Самад, был Мадат и был Амрхан¹, но Турком или Чужаком мы называли Артавазда. Тогда я не знал, почему мы его так называем. Теперь знаю. Его братья, родившиеся до него, дожив до года, почему-то умирали, и старухи посоветовали его матери дать следующему ребенку турецкое или курдское, какое-нибудь необычное чужое имя. Будто бы смерть можно было обмануть, будто она разబралась бы, что под чужим именем прячется армянский ребенок. Так или иначе, решено было обмануть смерть и отправить ее обратно с пустыми руками. И вот отчаявшаяся мать с отцом назвали следующего ребенка то ли турецким, то ли курдским именем — Артавазд. Назвали и приталились, стали ждать. Какой-то прохожий, прислонившись к их плетину, попросил у его матери стакан воды, а когда выпил воду, напорочил долгую жизнь грудному младенцу на ее руках. Мать покачала головой и сказала, что ребенок нарекли чужим именем, потому что... Но прохожий улыбнулся светлопресветло и сказал, что никакое это не чужое имя, а самое настояще армянское. Мать с новорожденным на руках онемела от ужаса, отец обреченному ахнул и сел под яблоню. Вот как было дело.

Имя оказалось армянское — ребенок, однако, не умирал, жил. Вот этого Артавазда мы в классе то Турком называли, то Чужаком.

Мать Чужака была уборщицей в библиотеке, она подметала пол, приносила воду, стирала пыль с книг и обратно книги на полку запихивала вверх ногами, потому что была неграмотная. Как-то она унесла из библиотеки старый матерчатый плакат, на котором известно было выведено «Смерть фашистским захватчикам». Она привнесла этот ярко-красный плакат домой, выстирала его и сшила рубашку.

Сердце у отца Чужака было больное, он ныл, стонал. Ныл, стонал, но не умирал. На фронт его не брали, и он сидел дома, рядом со своим сыном. Он был единственным мужчиной в селе и стеснялся этого. Он отбирал у наших матерей топор, чтобы сделать за них мужскую работу, два-три раза бил по бревну этим топором, потом морщился и хватался за сердце. Так, постанывая и ноя, жил, был отцом своему Чужаку, помогал ему решать задачки, а наши отцы воевали на передовой. От холодного утреннего воздуха мои руки покрывались трещинами, я кое-как подавал сено нашим коровам, с грехом пополам брался за вилы и чистил наш хлев, но ручку уже держать было не в силах — стоило взять перо, как в пальцах моих начинало покалывать. У нас в всех тогда руки покрыты были трещинами, но я говорю «мои руки, мои пальцы», потому что помню свою боль.

Когда Чужак вошел в класс в новой красной рубашке, мы все подумали, что это девочка. Потом увидели, что это Чужак, что он надел красную рубашку и что все мы в классе сплошь коричневые, потому что домотканые наши шерстяные одежду одного и того же коричневого цвета. Мы спускались вдоль реки, доходили до лесопилки и обратно шли с охапкой дубовой коры: наши матери красили ее шерсть в коричневый цвет. Мы все в классе сидели коричневые, а Чужак, видите ли, явился в красной рубашке. На секунду мы приумолкли, у всех у нас в голове пронеслось, что отец Чужака несет и не умирает, а мать выкрыла из библиотеки красный плакат, чтобы сшить рубашку сыну. Я проглотил слюну и не сказал, что его мать украла этот плакат...

— В девяночье платье вырядился, — сказал я.
Чужак опустил свои длинные и впрямь девяночные ресницы и тоже проглотил слюну, я увидел, как заходил вверх-вниз кадык на его тонкой шее. Я пошел, сел на свое место, чтобы быть подальше от него и не прохаживаться больше на его счет. Но его красная рубашка так и притягивала глаз.

— Ты знамя, — сказали ему ребята.
— Героическое знамя, — сказали.
Потом я услышал очень сухой голос Мадата:
— Героическое знамя своего отца.
Опустив взгляд, Чужак стоял неподвижно и не отходил от них. Пришла учительница истории, все разбрелись по своим местам, а Чужак так и остался стоять в своей красной рубашке перед всем классом, с опущенным взглядом.
— Почему не идешь на свое место? — сказала ему учительница истории.
— А он красную рубашку надел, — сказали ребята.
— Да-да, — сказала учительница истории.
Медленно, словно прорицаясь через цепкую грязь, он прошел под нашими взглядами к своему месту и сел прямо перед мной.
— Красную рубашку надел, — сказали все учительницы ботаники.
— Вижу.
— Героическое знамя своего отца.
— Нет, — сказала учительница ботаники, — знамя вашей зависти.

¹ Турецкие имена.

Как ни старалась его мать отстирать плакат, все же белые буквы кое-где проступали на красном. Потому что мыла не было, мать в горячей воде с золой стирала...

Чужак, значит, сел прямо впереди меня. Его красная спина, хотел я этого или не хотел, была передо мной. Я стал вглядываться в его спину; я увидел след от буквы «Ч». Я стал искать другие буквы и на худом его плече обнаружил половинку буквы «К». Он, наверное, чувствовал спиной мой взгляд, потому что ехался, старался скаться в комок. Мне стало стыдно, я сказал себе, что не буду больше смотреть на его спину. На его съезживающую спину, на его худенькие плечи, на его тонкую шею и ямку на затылке, но тут я вдруг увидел отчетливую и ясную букву «А». ЧУЖАК.

«Чужак», — произнес я мысленно. «Чужак», — сказал я еле слышно, шепотом, чтобы и сказать и не сказать одновременно.

— Чужак красную рубашку надел, — сообщил класс учительницы географии.

— Всё кончится — все такие наденете, — сказала учительница.

На перемене я и Мадат подрались. Это, конечно, была не настоящая драка, и в то же время это была драка, потому что Мадат сидел на мне верхом и совал мне в рот грязный снегок. Крепко скжав губы, я вертел головой, а он от этого расплялся и хотел во что бы то ни стало засунуть мне в рот этот грязный снегок. Ему недостаточно было того, что он сидел на мне верхом, это не было для него полной победой, и поэтому он все делал, чтобы запихать свой грязный снегок в мой рот, и приходил в ярость от того, что это ему не удается.

А потом пришла преподавательница военного дела.

Мы все выстроились в ряд, повернули головы налево и замерли под ее взглядом. Мы стояли так, вытянувшись в струнку, и с наших лиц медленно склонило оживление перемены, в нас затихали смех и шутка. Вот так затихли, стерлись все голоса и звуки, все улыбки и переглядки, и во дворе осталась стоять очень серьезная и немножечко напуганная шеренга бледных ребят. Брат этой преподавательницы погиб на фронте, и все мы от этого чувствовали себя немножко виноватыми перед ней. Вместе с уважением к ней мы испытывали некоторое чувство страха. Потому что, когда она смотрела на нас, каждый раз, когда она взглянула на нас, нам казалось, что это мы убили ее брата. От недели к неделе, от урока к уроку и даже в течение одного дня, в течение одного часа, от математики к военному делу строгое выражение на ее лице делалось еще строже, затвердевало, и мы понимали, каким прекрасным, каким самым лучшим на свете был для нее ее брат, какая большая любовь связывала их и как велико ее горе теперь.

Я слгнуту слону и подумал, что как хорошо было бы, если бы вместо моей неграмотной матери моей матерью была она, я бы тогда не боялся математики и военного дела тоже не боялся.

— Что ты сказал? — прошептала она.

Я только слону слгнут и только подумал, что...

— Ничего, — еле выдохнул я, поднялся, стал смиренным и поклонялся, что минуту назад хотел, чтобы она была моей матерью.

Девочки вышли из шеренги, и это означало, что она прошептала что-то или же только взглянула на них, но взглянула так, что девочки поняли, что им приказано выйти из шеренги. В этом грязном промежутке между зимой и весной девочки нарядали на себя всякие красные, оранжевые, зеленые платья, девочки наши сбились в веселую кучку и смотрели на нашу коричневую шеренгу немножечко с презрением, немножечко с любовью. До сих пор помню я этот общий взгляд этих пестрых глаз. Общий — потому что, когда девочки сбиваются в кучу и смотрят на тебя одновременно, то взгляд их делается удивительным, это уже не взгляд, а какой-то аромат, аромат звезд, или аромат ромашки, или еще какого-нибудь цветка, потому что взгляд этот чист, и девочки смотрят на тебя немножечко с презрением и немножечко с любовью.

Она свела брови, и наша шеренга мальчиков подтянулась.

Она медленно подняла лицо и прошлась по нашей шеренге своим серьезным взглядом своих зеленых глаз. И шеренга поняла. Шеренга секунду молчала, потом послышался сухой, как будто камнем по камню ударили, сухой-сухой голос:

— Первый!

— Второй! — метнул я свой номер тому, кто был слева от меня.

— Одиннадцатый!

— Двенадцатый!

— Все? Нет.

— Трина... — послышался неслыханный голос Чужака. В глазах девочек мелькнуло что-то вроде улыбки, а учительница снова прошлась своим зеленым строгим взглядом от одного конца шеренги до другого. Стояла глубокая тишина. Я слышал удары своего сердца и даже слышал, что думает сейчас номер 1-й про номер 13-й. Мне казалось, что удары моего сердца — это удары сердца номера 1-го, и про номер 13-й он думает то же самое, что думают про него я.

— Ура-а-а! — зазвенело далеко на Остром холме, и по всей Большой долине прокатилось эхо восьмиклассников: — А-а-а!

Они проходили командирское искусство. Их ружья издали казались нам настоящими, их голоса сливались в один мощный гул. Самых восьмиклассников не было видно, мы видели только заснеженный холм, слышали их голоса, сливающиеся в один общий гул, и догадывались, что они растеклись по всей Большой долине и атакуют холм Подснежников. Но холм Подснежников молчал. От напряжения на моих глазах выпустили слезы. Но холм Подснежников был невозмутимо белый, и ничего там не двигалось, и мы все терялись в догадках: «Неужели неприятель в белом?» И взглядывались, взглядывались в холм изо всех сил. А «неприятель», оказывается, подошел с тыла, с того же самого Острого холма и молча и быстро приближался к нам. Восьмиклассники кричали свое «ура», их героический клич забывал им уши, и они не знали, что это за грустное и глупое у них сейчас «ура».

И оттого, что восьмиклассники были так глупы и недальновидны, на лице нашей учительницы появилось брезгливое выражение. Но все они были ее учениками — и побежденные восьмиклассники и победители семиклассники, чьи голоса слились в один общий шум на Большой долине, а этот номер первый, Мадат, был сыном ее погибшего брата, а голос Чужака был испуганный, а шум в Большой долине вдруг погас, а мы в своих узких домотканых штанах, мы, наверное, были похожи на европейских рыцарей, мы смахивали на средневековых рыцарей, а семиклассники и восьмиклассники повалились сейчас, наверное, друг на друга, усталые, и глотают снег — все это (а может быть, она увидела на спине Чужака букву «Ч»?) вызвало на лице учительницы слабую, едва заметную улыбку. Я снова подумал, что хорошо бы, если бы она была моей матерью. Так вот обстояли наши дела — для нас ее полуулыбки значили больше, чем то, что наши матери кормили, купали, одевали нас.

— На две группы разделись!

И мы, четные, обутые в постолы, мягко шагнули. Три шага вперед и шаг влево. И я почувствовал, что быть первым — даже в таком маленьком, в семь человек, ряду — что мне нравится быть первым.

— Первая группа, до Теплого ключа — бе-гом! Там есть зацветшая верба, каждый срывает маленькую веточку и назад. Повторить!

Сердце мое встрепенулось. И было это оттого, что мне захотелось бежать, и оттого, что на нас глядела пестрая глаза девочек, и оттого еще, что приближалась желто-зеленая мягкая весна.

— Я не хочу Чужака, возьмите его из моей группы, — сухим, словно камень ударили, до невозможности сухим голосом сказал Мадат.

Она медленно подняла лицо и прошептала:

— Какого еще Чужака?

Мы все повернулись и посмотрели на Чужака. Он стоял в позе «смирно», но мне опять показалось, что он стоит съязвившим и стоит так оттого, что прозвище его Чужак, оттого, что отец его несет и не умирает, а мать украла кумач, и теперь он, как пугало, в красной рубашке. Мы все смотрели на него, и учительница смотрела. Она смотрела на него и ждала, что скажет сын ее брата.

— Арто, — пробурчал Мадат.

— Что за Арто? — Она хотела, чтобы сын ее брата произнес имя Чужака полностью и членораздельно, и было самое время вставить: «Если бы его не звали Чужак, на его спине не написано было бы «ЧУЖАК», и это стало бы самой острой шуткой в школе. Этую шутку помнили бы потом долго, целый год. Но Чужак в эту минуту, — когда сам я был капитаном целой команды, а девочки смотрели на нас, сбившиеся в кучу, и приближалась желто-зеленая весна, — Чужак мне в эту минуту нравился. И я промолчал.

— Артавазд, — пробурчал Мадат. Он сказал это через силу, и ему не понравилось, что его принуждают произносить это имя. — Артавазд, — сухо, словно камнем по камни провели, сказал он, — да, Артавазд, но будь он хоть трижды Артавазд, забери его из моей команды.

Учительница молча уставилась на него. Тяжелым взглядом посмотрела на него и ничего не сказала, но было понятно, мы все прекрасно поняли, что она хотела сказать. Она хотела сказать, что сейчас она не тетка Мадата, а учительница математики и военного дела.

Мадат растерялся, но продолжал смотреть учительнице прямо в лицо: все-таки она была его тетка и, кроме того, Мадат был смелый парень.

— Возьмите, — поправился Мадат, — возьмите его из моей команды.

— Прости, — усмехнулась учительница, — а кто тебе сказал, что ты капитан команды?

Мадат поглядел на команду, команда поглядела на него, и было ясно, что он их вожак. Он поглядел на учительницу, взглянул на нее пристально и не сказал «я говорю», но и не извинился, — не сказал «извините». Учительница смотрела на него, он смотрел на учительницу, и никто бы в эту минуту никакими клещами не вытащил бы из него слов прощения. И учительница увидела, что вожак в самом деле он и что Чужака в свою команду брать он не хочет.

Учительница медленно опустила веки, постояла так с закрытыми глазами и высоко вздернувшим лицом и, когда она снова подняла свои тяжелые веки, в ее глазах стояли слезы, и это была просто-напросто тетка, которая видела в этом мальчике Мадата своего погибшего брата. Мы все это поняли, потому что сами в эту минуту видели в нем вожака и героя. Он был хороший капитан, он хотел иметь такую команду, в которой каждый умел бы хорошо бегать. А она была хорошая учительница, она хотела сохранить в себе любовь ко всем нам и к каждому в отдельности и одновременно соблюсти военную дисциплину. Но как же это получается, что я хороший, и он хороший, и ты хороший, и все мы хороши, а плохие вещи все же происходят?

Склонив голову набок, с тонкой шеей, с большими блестящими глазами, Чужак смотрел в сторону далеких гор и, казалось, не дышал даже. «Он не сможет бежать, отстанет по дороге», — услышала я голос Мадата. Чужак моргнул глазами. Только моргнул глазами. «Пусть останется здесь с девочками», — услышала я Чужака стоял неподвижно, ждал. Так только ягненок может позволить говорить, что вот сейчас его зарежут, только вода может позволить, чтобы при ней хвалили или ругали ее вкус, только яркий подсолинух может ждать, чтобы его сорвали или оставили на стебле. Он молча стоял в этой своей рубашке под нашими взглядами, молча слушал спор о себе и о собственной непригодности, и мне вдруг показалось, что он лучше всех — и этой учительницы, и этого германского Мадата, и этих девочек. И еще я подумал, что самый плохой, самый мерзкий среди всех — я, потому что я позволил, чтобы они вот так обсуждали его, я допустил такое, а сам стою и всякие бузы высыпаю на его спине. Он глупил слону, его тонкая шея напряглась, и я почувствовал, что мне самому стало душно и невозможно дышать, что сам я уже задыхаюсь вместо него. Задыхаюсь оттого, что мой отец несет и не умирает, что моей матери дали старый плакат, и это стало похоже на воровство, что случайность прямо на моей спине выдавила слово «Чужак», что в этом сильном мире только моей силы недостает.

— Пускай Мадат идет на мое место, а я на его, — сказал я.

Учительница сделала вид, что не слышит меня.

— Пускай Мадат...

Учительница коротко взглянула на меня. «Не хотите, не надо...» — подумал я, но в ту же секунду понял, что она требует от меня военной дисциплины и обращения по всем правилам.

— Разрешите обратиться. — Я шагнул вперед, вытянулся в стойку смиро и предложил: — Прикажите мне перейти в первую команду, а Мадата переведите во вторую, — и сказал Мадат: — Раз ты не хочешь Артавазда в свою команду, давай поменяемся командами.

Он окинул меня невидящим взглядом и отвернулся. Я растерялся. Я понял причину его холода и растерянности еще больше. Его команда сплошь состояла из высоких ребят, а мон все подбирались маленькие. И сам он был высокий, много выше меня, а я предлагал ему идти вожаком к коротышкам. Он, честное слово, был хороший полководец. Ганибал, подумал я, Суворов... Кутузов... Гасан-хан. Вот увидишь, я прозову тебя Гасан-хан. Но у него и так уже было свое имя — Мадатов. Генерал Мадатов. Так оно и будет, прозовем тебя Генерал Мадатов, будешь знать...

— Ничего менять не будем, — сказала учительница. — Первый отряд, к Теплому ключу — бе-гом!

— Нет, — сухим, очень сухим голосом сказал он, — заберите Чужака из моего отряда.

— Какого еще Чужака? — закричала учительница.

— Вы знаете, — сказал он.

— А кто сказал, что отряд твой? — закричала учительница.

— А я так, — сказал он.

— А если я швырну тебя сейчас в подвал и дверь за собой закрою? — закричала учительница.

С минуту он стоял неподвижно. Потом вышел из шеренги и зашагал к подвалу.

— Вернись! — закричала учительница.

Он даже не оглянулся.

— Бросьте меня в подвал и дверь за мной закройте, — послышался его голос. Он уходил от нас все дальше, вниз, он уже спускался по лестнице, в этот самый подвал, уже половина его была скрыта от нас подвалной полуостью. Вот так, именно так уходил на свою погибель его отец, брат учительницы, чтобы не вернуться, чтобы никогда больше не вернулся.

— Вернись, — попросила учительница.

Он стоял на лестнице, нам видна была только его голова, он так ни разу и не обернулся. Спустится или вернется? Не вернется, ни за что не вернется. Его тетка отвернулась, чтобы не видеть его исчезновения, чтобы не видеть, как мгла поглотит его совсем.

— И все из-за тебя, — услышал я.

Все осуждающие смотрели на Чужака. Теперь, когда все вот так осуждающие смотрели на него, он уже не смел стоять безучастно, обратив взгляд к дальним дали, и думать, что он не виноват, нет, он стоял сейчас, съезжавший, как самый виноватый-превиноватый на свете человек, и боялся показать нам даже единственное жалкое проявление своего протesta — боялся даже, чтобы мы увидели, как ходят кадык на его шее. Мадат уже повернулся и поднялся по ступенькам вверх, медленно поднимался — возвращался к своим генеральским обязанностям и делам. Он мне очень не понравился. И теперь, когда все с осуждением смотрели на Чужака и Чужак сам считал себя виноватым, я только по той причине, что Мадат мне вдруг не понравился, только поэтому я вдруг понял, что виноват не Чужак. Что если кролик съезжается перед охотничьим посом, это вовсе не означает, что кролик виноват.

Ни тебе угрозений, ни раскаиния, он вернулся, гордо и независимо занял свое место во главе отряда и спокойно сказал:

— Прошу вас, заберите его у меня.

— Почему?

— Он плохо бегает.

— Да, — сказала учительница.

— Вот и заберите, раз да. Он не может бежать с нами наравне. Мы не хотим проиграть из-за него.

Все это было так, и только так. Но я не мог понять и до сих пор не понимаю, как это можно встать перед человеком и говорить ему, что он слабый, что его коленки подгибаются, что он непригоден для того-то и того-то.

— Он не может бежать, как вы, быстро, а вы не можете бежать из-за него медленно, понятно, — сказала учительница, — но что же мне с ним делать?

Мадат не ответил, он оглядел по-командирски свою группу и презрительно уставился на Чужака, почти что приказал ему взглядом выйти вон, это мне не понравилось.

— Ну что, ты по-прежнему настаиваешь на своем? — сказала учительница. И это мне тоже не понравилось. Учительница, казалось, была довольна, что у этого Мадата есть свое собственное мнение и он стоит на своем. Учительница повернулась ко мне:

— А ты? Что ты скажешь?

Ветер летел куда-то, орел в небе парил, со скалы низвергался маленький водопад, теленок маячил вдали — что могло быть легче и прекраснее бега? Я хотел было сказать: «Возьмите моего седьмого номера и дайте взамен Артавазда», я уже раскрыл рот, чтобы сказать это, но вдруг понял, что Мадат этого-то и хочет. И даже не скрывает этого. Его взгляд и весы облизки с открытым бесстыдством говорили, что он победит меня, что его отряд победит мой отряд, и так же, как утром он совал мне в рот грязный снежок, точно так же он сейчас навязнет мне самого плохого своего бегуна.

— А что я? — сказал я.

— Перевести Артавазда в твою команду?

— Это почему же, например? — проворчал я. — Как разделались, так пустяк и будет.

Она сказала едва слышно:

— Смирно! Ты не у себя дома, и я не твоя мать.

«И не тетка», — подумал я, хотя до ужаса боялся ее математики прекрасно знал, что она ждет от меня более разумительного и четкого ответа.

— Он плохо бегает, — сказал я.

Конечно, это было низостью, но как мне было оставаться честным и быть мстительным одновременно?

— Минуту назад ты соглашался взять его, — сказала учительница.

Но как мне было объяснить ей, почему я минуту назад был согласен взять его и почему теперь не согласен.

— А сейчас не согласен, — сказал я.

— Почему?

— Так, — сказал я и очень себе не понравился.

А по дороге, усталые, возвращались будто бы победившие семиклассники и будто бы проигравшие восьмиклассники. Все они казались какими-то тусклыми, все шли понуро, чуть ли не согнувшись вдвое. Они волокли за собой деревянные ружья. Разговаривать им было лень. Они могли прямо сейчас повалиться как один на снег и заснуть.

— А вообще-то, если хотите, — сказал я, — пускай Артавазд перейдет в мою команду.

— Так ты согласен? — сказала учительница.

Я опустил голову.

— Почему же ты теперь снова соглашаешься?

— Соглашается и все, — сказал Мадат.

— А тебя не спрашивают, ты молчи. Почему ты согласился?

— Согласился, потому что — что может быть легче бега?

Она посмотрела на меня грустно и задумчиво:

— Да, — сказала она едва слышно, — что может быть легче...

Ливень хлещет стремительно, ветер куда-то летит, коршун парит, семена одуванчиков носятся в воздухе, все куда-то летят, все куда-то уходят.

— Поменяйся местами с последним в той группе, Артавазд, — грустно сказала она.

От наших шагов в мягких постолах все же происходил какой-то шум, но Чужак так неслышно поменялся местами с последним моим номером, что я подумал: он не слышал призыва учительницы. Я повернулся, чтобы сказать ему: да, переходи ко мне, вот я дружески приглашаю тебя, — а он уже стоял в команде.

— Первый отряд, до Теплого ключа, к зацветшей вербе, бегом, каждый срывает веточку и возвращается. Второй отряд...

И пока она придумывала нам задание, отряд Мадата перешел овраг и вышел на взгорок Одинокого дуба. Мои голени ударились друг о друга и задрожали. Приказала бы она нам бежать той же дорогой, в минуту бы догнали их и перегнали, в минуту бы...

— Второй отряд, к лесопилке — бегом! Каждый приносит горсть опилок.

Я все еще думал о том, как мне хочется бежать к зацветшей вербе, и никак не мог переключиться и вспомнить дорогу к лесопилке.

— Повторить приказ!

Но прежде чем повторить приказ, я должен был осмысливать его. Я посмотрел на нее непонимающе, как дурак.

— Опилок? — переспросил я.

— Опилок.

Я снова ничего не понял. Но я не очень был повинен в этом: неподалеку стояли наши девочки, и все, что мы должны были принести, мы должны были принести для них. Мадатовский отряд принесет цветущую вербу, а мы — опилки?

— Опилки? — спросил я.

— Вторая группа, приготовиться! — приказала она. — До лесопилки бегом и обратно! Каждый приносит горсть опилок. Повторить приказ!

И мне показалось, нам придется тащить обратно дубовую кору, мне показалось, мы вернемся все исцарапанные, измученные, и раны и царапины на нашей коже будут посыпывать от залившего их пота.

— Слушаюсь! Бегом до лесопилки и бегом обратно! Разрешите выполнять приказ?

— Каждый приносит с собой горсть опилок.

— Да, — сказал я.

— Повтори.

Честно говоря, это было похоже на пытку, мне показалось, мне набивают рот опилками. И я повторил с неудовольствием:

— Каждый приносит горсть опилок.

— Вот так. Бегом, мари!

Мы сорвались с места. Мы полетели. Но тут кто-то произнес мое имя. Мне мешали бежать, мне портили удовольствие. Я повернулся к учительнице, оскорбленный, уже не только из-за опилок. Она шла мне навстречу и внимательно, как-то особенно внимательно вглядывалась в мое лицо.

— Не надо надрываться и бежать через силу, — тихо сказала она.

— Слушаюсь!

Она улыбнулась:

— Это не приказ, — тихо сказала она, — не надо надрываться, слышишь? Спокойно доберетесь до лесопилки, спокойно вернетесь. Не торопись.

— Мадатовский отряд вон как быстро побежал.

— Они — одно дело, вы — другое, — сказала она. — Не торопись.

— Слушаюсь! — Короткой дорогой, по глубокому снегу я перебежал школьный сад, перемахнул плетень и донес свои.

— Ребята... — Я хотел рассказать им, кто был генерал Мадатов и почему я решил прозвать Мадата Мадатовым, но как раз в ту минуту, когда я поравнялся с ними, Чужак вдруг рухнул на землю. Он не поскользнулся, под ногой его не было льда, просто ноги его как-то запутались, и он упал. Я хотел было рассердиться, но он виновато опустил голову и не двигался с места.

— Ничего, — сказал я, — больше тебе?

— Наоборот, — засмеялись ребята.

— А ведь льда под тобой не было, и ты не поскользнулся, — сказал я.

— Не было, не поскользнулся, — тихим, каким-то муравьиным голосом сказал он.

— Не разговаривай, — сказал я, — дыши носом.

— Носом дышу, — тем же муравьиным голосом — я хочу сказать, что такими голосами, наверное, разговаривают между собой муравьи, — сказал он.

— Что может быть легче бега? — сказал я.

— Я сейчас побегу, — прошептал он.

— Знаю, что побежишь, — сказал я, — только дыши носом. Если не будешь дышать носом, в горле у тебя пересохнет, а во рту станет горько.

— Во рту... не горько, — прошептал он.

Мы выбралисся на тропинку, которая тянулась вдоль речки, и устремились вперед, так что ветер в ушах засвистел. Красная рубашка Чужака виднелась и пропадала, появляясь и исчезая где-то за моим плечом. Я понял, что он надрываетя, из кожи вон лезет, чтобы обогнать меня или хотя бы бежать бровень. Я увидел его напрягшееся лицо и крепко стиснутые зубы. Он так лез из кожи, но мне нравилось быть впереди него, хотя бы на два шага, хотя бы на полшага, но впереди.

Сейчас я был посреди отряда. Тап-тап-тап-тап-тап-тап... Мое тело было полно ликования, от радости сердце мое готово было выскочить из груди, мне хотелось кричать, вопить, орать не своим голосом. Я, гикая, обогнал кого-то. На мой взгромоздившийся другой, кто оказался впереди меня. Я поравнялся с этим, мы пошли плечо в плечо... «Извини, я должен тебя обогнать», я побежал быстрее, быстрее, быстрее, мне показалось, я уже обогнал его... тап-тап-тап-тап-тап-тап... Я сказал себе, что шаги его я слышу уже где-то за собой, но нет, он шел со мной бровень, плечо в плечо и даже немножечко впереди, я видел его спину. И вдруг спина эта сантиметр за сантиметром стала удаляться. Он был одним из моих номеров, я не мог позволить, чтобы он меня обогнал — я подобрался, весь-весь подобрался и выметнулся вперед. Я бежал так, как бегут последние два-три метра короткой дистанции, я съеживалась и кидалась вперед, мне показалось, я сейчас разорвусь, тресну по швам, но тот, впереди, все равно неумолимо удалялся. И мне показалось, что это не он, а я вот так удаляюсь, и что не я, а кто-то другой вот так, как я, направляется, не я, а Артавазд, например, и что это его сердце вот-вот лопнет в моей груди.

Я замедлил шаг, командир отряда может бежать самым последним, чтобы проследить, чтобы никого не потерять по дороге, я пропустил вперед одного, другого, третьего, четвертого, позволил, чтобы красная рубашка поравнялась со мною и пошла со мною бровень. Я спросил у него:

— Ну, как дела?

Он прошептал:

— Хорошо.

— Горсть опилок сказано взять, — сказал я.

Он прошептал:

— Горсть опилок.

— Вроде бы тебе нехорошо? — спросил я.

Он не ответил, потом прошептал:

— Когда бровень идем — ничего.

— Половину прошли, как думашь? — спросил я.

— Совсем немного осталось, — прошептал он.

— Немного? Ты что, не знаешь, где лесопилка?

— Мать однажды послала за корой, — прошептал он, — отец не пустил.

— Вряд ли половину прошли, — сказал я.

Он прошептал:

— Говорю тебе... мало осталось... вот-вот дойдем.

— Нет, большая часть впереди... — И вдруг я догадался: — Ты что, плохо себя чувствуешь?

В горле у него, наверное, пересохло, он глотнул воздуха и прошептал:

— Когда вместе...

— Я Мадата прозвал Генерал Мадатов, — сказал я. — Давай немножко быстрее. — И тут мне показалось, что я хочу сказать ему — но каждый раз забываю — что-то очень важное, очень волнующее. Он поравнялся со мною, и я понял, что хотел ему сказать: — Мы всегда будем вместе, — сказал я.

Но это было невозможно. Я замедлял бег, он замедлял тоже, я начинал бежать быстрее — он отставал. Мне то и дело приходилось сдерживать себя. А наши уже перевалили пригород Короткого дуба. Я понял, что сколько бы я ни замедлял бег, он будет замедлять тоже, пока мы вовсе не остановимся. Водопад, да, прыгает с камня, орел, да, парит в небе, зеленое поле, да, ходит с ветром из конца в конец; все движется, все радуется, снег поблескивает и играет на солнце...

— Это что? — прошептал он. — Не видно ничего.

— А снег, а солнце?

— Какое солнце? — прошептал он.

— Прищурь глаза.

Он откинулся назад свою красивую голову и бежал, подставив лицо солнцу.

— Ты что, в жмурики играешь? — сказал я.

Он поравнялся со мной.

— Совсем мало осталось, верно? — прошептал он.

— Вуй-вуй-вуй-вуй! — услышал я.

Вдоль дороги на камнях сидели женщины — наши матери.

— И чего эта девушка заставляет детей мучиться? — сказали они.

А сами они тоже ведь мучились. На одной из них все еще был противогаз, их лица были красные от противогазов, а так, в жизни, они еще бледнее нас были.

— За опилками бежим, — бросил я им на бегу.

— Вот тебе опилки, возьми и возвращайся назад, — сказала одна из них.

Мы оставили их позади.

— Чтоб ей с этими опилками провалиться сквозь землю, не жалко разве детей?

Но жалко было не нас, а их, это они должны были отмывать нас вечером горячей водой, тереть наши спины, наши коленки, вытирать нас досуха полотенцем, укладывать в постель.

— Закрой рот, — сказал я, — дыши носом.

Он послушался меня, но когда я оглянулся еще раз, рот его был разинут, как у выброшенной на берег рыбы.

— Дыши носом.

— Когда носом дышу, воздух... — прошептал он.

— Воздух — что?

— Горький, — он добежал, стукнулся об мое плечо и снова отстал.

— Рубаху твою надо постирать, — сказал я.

— Стирали, не сходят буквы...

— Мадата Чужаком... Мадата Генералом Мадатовым будем звать, — сказал я.

— Им сейчас трудно, у них сейчас подъем, — прошептал он, — они сейчас остановились, отдыхают.

— Да, а нам будет трудно на обратном пути.

— А им сейчас трудно, — прошептал он.

— Они с ворбой вернутся

— Им сейчас очень трудно, — прошептал он. — Мадата сейчас тошнит.

— Тебя тошнит? Скажи, тошнит тебя?

— Нам по ровному бежать, — прошептал он, — а им в гору.

— Они сейчас возвращаются, — сказал я, — возвращаются с ворбой, а мы с опилками вернемся.

— С опилками... вернемся...

— А почему с опилками, знаешь?

— Не знаю, — сказал он, — учительница велела...

— С опилками, чтобы она знала, что мы добежали до лесопилки. И ворба для того же.

— Им сейчас тяжело дышать, — сказал он. — Мадата сейчас тошнит. — Он добежал до меня, ткнулся головой мне в плечо, как будто хотел ухватиться за меня, но опять отстал.

— Напрасно, — сказал я, — напрасно ты не взял опилок у женщин. Слышишь меня, возвращайся, возьми у них опилок и сядь там, подожди нас, мы скоро вернемся.

Его занесло в сторону, куда-то совсем за дорогу, потом он снова добежал до меня.

— Возвращайся, возьми у них опилок, сиди и жди нас. Слышишь?

Он, казалось, не сам уже бежал, казалось, кто-то другой в нем бежит, кто-то другой, кто не подчиняется ему. Этот другой толкает, сбивает, уводит его с дороги, а он через силу, сопротивляясь этому другому, возвращается ко мне.

— Остановись. — Я сам остановился и повернулся к нему, он стоял, покачиваясь, он медленно поднял свою красивую голову, глаза у него были воспаленные, красные. — Возвращайся. Возьмешь у женщин опилок, подожди...

Взгляд его был мутный-мутный, на меня, казалось, смотрел больной теленок, который не понимает, чего от него хотят и почему не дадут спокойно умереть.

— Не слышу, — прошептал он, — ничего не слышу... как будто под водой.

Я подождал, пока он придет в себя, но он только покачивался и смотрел на меня мутным взглядом. И тогда я повернулся и подтолкнул в сторону села. Он не возражал, не говорил ничего, мне показалось, он согласен вернуться.

— Сейчас в школу пойдем? — спросил он.

— Ты один пойдешь, а я добегу до лесопилки и вернусь вместе с ребятами.

— Вы все будете бежать, — прошептал он.

плачешься, пойди дома у себя пореви. — Я подталкивал его к селу, а он шептал:

— Вместе вернемся... вдвоем... я и ты...

— Ты что, боишься один? На дороге волков нету, никто тебя не съест, иди!

— Нет! — коротко сказал он.

— А что же тогда, если нет? А что же? — повторил я.

— Скажут... скажут... — Он опустил глаза.

— Что скажут?

— Скажут, — прошептал он, — все добежали до места, скажут, один только Чужак с полдороги вернулся. Все, все добегут, один я...

— Ты что же хочешь... — голос мой сорвался. Чтобы не заплакать, а ведь он был прав, он был прав, но я так уже слишком задержался, каждая секунда имела для меня значение, и потому, что я ничего, ничего уже не мог придумать, я толкнул его сильно, изо всех сил: — Иди ты, знаешь, куда! — Он упал, а я побежал наконец.

— Сиди здесь, — через плечо крикнул я ему, — сиди так, я тебе опилок принесу.

Но он встал, он поднялся и, шатаясь, шел за мной. Я остановился. Я ждал его, чтобы он ко мне приблизился, чтобы он подошел совсем близко, и тогда бы я избил его. Но он до меня не дошел: его ноги вдруг подогнулись, как-то странно подогнулись, и он упал.

— Чучело гороховое! — крикнул я.

Он пытался встать. Он стоял на четвереньках и никак не мог встать. Он только медленно поднял ко мне свою красивую голову теленка и смотрел на меня. Так и запомнился он мне.

Я побежал. Я боялся оглянуться назад. Боялся снова увидеть его шатающуюся походку и то, как он падает. Я все удалялся и говорил себе, что бегу тяжело, потому что бегу один, я обманывал себя, потому что я не бежал тяжело, я, можно сказать, летел, и ветер, можно сказать, почти свистел у меня в ушах. Я чувствовал, что произошло что-то неприятное, и думал, что мой бег уводит меня дальше и дальше от неприятного... Быстро, быстро, говорил я себе. Быстро, учительница поручила тебе отряд. Тебе надо добежать до лесопилки. Быстро, быстро, быстро... Что-то неприятное, да, произошло. Но уже произошло, и дальше, дальше, дальше, дальше от этого неприятного... А кто не может бегать, тот путь не бежит. Я замедлил бег, чтобы вернуться, но мне жалко стало пути, который я уже пробежал, и я сказал себе, что замедлил бег, потому что начался подъем. Я одолел пригорок и побежал вниз, и надо было только не споткнуться, не упасть, дорога сама несла меня, но, несмотря на это, бежать мне становилось все труднее и труднее...

С лесопилки везли на подводах доски. Возница был бадаловский дед. Я сошел с дороги, чтобы пропустить последнюю телегу, и немножко обрадовался.

— Дедушка Авак, — сказал я, — внук Дарбненц Арсена не смог с нами бежать, остался на полдороге, уговори его, взмы с собой в село.

— А ты чей сын будешь? — спросил он.

Он был такой старый, что, наверное, не знал моего отца.

— Я внук деда Аветика, — сказал я.

Волы у деда были худые, а доски были свежие и тяжелые, волы с трудом тащили телегу. Колесо уперлось в камень, телега остановилась.

— Ах ты сукин сын, — сказал он мне и хлестнул вола, — ты оставил товарища на полдороге, а мне велиши вести его домой?

Вол направился, колесо переехало камень, и телега двинулась в путь.

Телега уехала, дорога была свободна, но я никак не мог сдвинуться с места. Удары сердца у меня стали глуше, и я как бы провалился в глубокую тишину. Стволы деревьев и пни стояли кругом неподвижные, мягко поблескивал снег, я чувствовал присутствие чего-то знакомого, мне казалось, за спиной у меня связка дубовой коры, и вот я стою, погруженный ее тяжестью в снег. В снег и в самого себя. Я услышал, как далеко на дороге стегнули вола — где-то, значит, напрягся вол, где-то, значит, вертился вхолостую колесо, и переминаются с ноги на ногу, тужась волы. В мире происходят разные дела, а я торчусь тут без пользы, стою себе посреди пустынного поля...

Я уже снова бежал, но в первую минуту еще не понимал, куда бегу. А бежал я, конечно, к лесопилке. Я сказал себе, что бегу к лесопилке, но почему-то мне все время казалось, что я бегу к селу и передо мной лежит на дороге и поднимает на меня свой мутный взгляд Артавазд. Нет, я бежал не к селу, я бежал к лесопилке, бежал за пригоршней опилок. На тропинке возле лесопилки показались черные силуэты наших мальчиков. Я мог побежать короткой дорогой, через снег, мог перебежать замерзшую реку по льду и добраться до лесопилки немного раньше мальчиков, но мне хотелось догнать их и затеряться среди них, стать одним из них. Возле самой лесопилки я догнал их и побежал с ними вместе.

— А где Чужак, не смог бежать? — спросили они у меня.

— Не смог, — сказал я, не посмев сказать «ты сам чужак», я только ответил «не смог».

Я нагнулся и взял две полные пригоршни опилок: одну для Артавазда, другую для себя. Секунду спустя я подумал, что я дам Артавазду те опилки, что в правой руке, — я протяну ему руку как бы для приветствия и скажу: вот, для тебя принес, держи, это твое.

— Ты сколько взял пригоршней? — спросил я кого-то из наших мальчиков.

— Одну, сколько же?

— А для Артавазда не взял?

— Для Артавазда?

— Артавазд отстал, ты не взял для него опилок?

— Еще чего!

— Он ведь отстал, — сказал я.

— Нет, не взял!

— А я взял, я дам тебе, а ты ему отдай.

— Почему это? Ты взял, ты и отдавай.

Я не мог объяснить ему, почему я затруднялся протянуть Артавазду руку, потому что я и себе этого не мог объяснить. Я не мог еще понять, почему не имею права протянуть ему руку, как брат брату.

— Интересно, где сейчас Мадат со своими, — сказал я.

— Тоже, наверное, возвращаются.

— Возле вербы, небось.

— Они должны принести по ветке, — сказал я.

— Слушай, я дам тебе Артаваздовы опилки, отдавай ему, — сказал я.

— Сам взял, сам и отдавай.

— Умрешь, что ли, если ты отдашь? — сказал я.

— А сам ты умрешь?

— Побежим тише, — сказал я, — они только добрались до вербы.

— Они уже возвращаются, а может, и вернулись уже.

— Конечно, Артавазд ведь не в их группе, — сказал я.

— И не в нашей.

— Может, дед подобрал его, — сказал я.

— Побежим тише.

— Не можешь — не беги, — сказали они мне.

Я не сразу понял, что слова их относятся ко мне.

— Это кто же не может, я не могу? А ну-ка, послевайтесь... — Я все напрягался и напрягался, но никак не мог оторваться от них, я чувствовал себе какую-то пустоту, такую примерно, какую чувствуете, когда у тебя спрашивают про какие-нибудь правила грамматики санскрита. Такая пустота во мне пустота, и пустота эта не позволяла мне по-настоящему напрячься. — А кто же это, интересно, — сказал я, — кто же отстал из-за Артавазда на час, а потом нагнал вас?

— Ты, — ответили они мне.

Что правда, то правда, сказали они мне, ты отстал из-за Артавазда. А возле лесопилки нагнал нас Артавазд не нагнал, а ты нагнал. Ну да, я нагнал. Вы вдвоем отстали, а потом ты нагнал, а Артавазд нет. Он не мог дальше бежать, виноват я, что ли. Кто же говорит, что ты виноват. Я не виноват. Ты не виноват. Наоборот, я для него опилки несу. А это еще зачем? Отдам их ему. Зачем? Я их для него взял. Что для него взял? Опилки, закричал я, опилки, опилки! Я взял для него опилок, побежим медленнее...

Они меня не слышали. Они были далеко и удалялись, все больше удалялись от меня. Казалось, они топчутся на одном месте, казалось, это не бег, а насмешка над бегом.

И еще казалось, можно, не окрыляясь особенно, не воспламняясь, немножко только напрячься, самую

каплю напрячься — и догнать их... А они все удалялись и удалялись от меня, и с ними вместе удалялась жизнь и радость, и удовольствие от бега, и быстрый взгляд пестрых девочоночных глаз, немного насмешливый и веселый взгляд. Я завидовал им отчаянно и ненавидел их упорное, безжизненное, но такое упорное движение. Мое бесполезное существование было связано сейчас с их сильной группой только завистью.

— Одного меня оставляйте, ладно, — прошептал я им.

Но их спины были безучастны ко мне, не убыстряя и не замедляя своего бега, они неумолимо отдалялись от меня, и когда я в очередной раз поднял взгляд, их уже не было, была одна только пустая дорога и снег. Я остановился.

Ушли, значит.

И я увидел, что ничем, ну, ничем больше не связан с ними — ни завистью, ни желанием быть первым, и что так еще лучше — вот я, а вот дорога. И снег и тишина кругом. И среди этих безмолвных снегов на безлюдной дороге я стою совсем один, совсем себе хозяин. Захочу — лягу, захочу — сверну с дороги и понесу свое пустое существование туда, куда и не велено вовсе, я и сам не знаю, куда.

Я не понял, как это случилось, но вдруг увидел, что снаружи бегу. Снег, снег и снег был кругом, и казалось, я бегу среди одного и того же снега, на одном и том же месте. Время от времени я как бы приходил в себя, оглядывался и снова ничего не понимал, не понимал даже, сплю или же просто толчу на одном месте снег. Как закат, как сумерки, во мне переплетались и снова друг от друга отцеплялись бег и снег. Снег, снег, все тот же снег был кругом, и среди снега снова снег. И не было среди снежной этой белизны ничего небелого, чтобы я мог себе сказать, что вон там что-то чернеет, какой-то предмет, вот я нагнал его, а вот и оставил позади. Бег, конечно, был, мы бежали... мы разделились на две группы... На далеких холмах старшеклассники прокричали «ура!... Женщины с красными щеками сидели и смотрели на нас... Потом мы погрузили свои руки в горячие опилки... Все было, но было давно, когда-то, было и кончилось... Чужак пришел и встал прямо передо мной, казалось, это тоже когда-то уже было, а сейчас я вижу сон об этом.

— Скажи матери, пусть постирает рубашку, — сказал я и понял, что это действительно он стоит передо мной.

Он проглотил слюну и отрывисто задышал.

— Я для тебя опилок принес, — сказал я ему.

— Опилок, — прошептал он.

— Я ведь сказал, что твои опилки я принесу.

— Моя опилки... принесешь, — прошептал он. Он взял у меня пригоршню опилок, прижал кулаки к груди и устремился к лесопилке. Я обнял его, повернулся лицом к селу и побежал рядом с ним, на какую-то долю секунды я и сам не понимал, кто кого повернул и куда это мы с ним бежим.

— Зачем тебе бежать со мной? — прошептал он. Он думал, мы бежим к лесопилке. — Тебе со мной не надо. — Я ему ничего не ответил, потому что мне тоже вдруг показалось, что мы бежим к лесопилке. — Для чего ты бежишь со мной? — прошептал он. — Тебе со мной... не надо.

— Не разговаривай, — сказал я, — дыши носом.

— Не беги со мной.

На этот раз мне показалось, что он просто-напросто не хочет бежать со мной. Со мной, с плохим. «Я добегу и вернусь», — прошептал он, — добегу и вернусь». Да нет же, он думал, что я настолько хороши, что бегу на лесопилку второй раз — ради него.

— Ты добежишь и вернешься, — сказал я.

— Добегу и вернусь, — прошептал он.

Он упал. Потом поднялся на четвереньки и снова упал.

— Добежишь и вернешься, — сказал я. — Вон как ты бежишь и вон как возвращаешься, знаешь.

Я не мог поднять его, и мне нравилось то, как я мучаюсь с ним. Мне нравилось, что я поднимаю его с земли, что в

его кулаке мои опилки и что у него такое худенькое, щуплое тело.

— Тихо как, — прошептал он, — до чего тихо.

— Какая еще к черту лесопилка, — сказал я, — кто это будет проверять, были мы там или нет.

— Ты уже раз добежал, тебе не надо со мной, — прошептал он, — а я добегу и вернусь.

— У меня во рту горько, давай медленней.

— А ты со мной не беги, — прошептал он, — я скоро вернусь.

— Мои опилки дали мне ребята, — сказал я.

— Твои опилки дали ребята, — прошептал он. — Ты меня обманываешь, ты меня в село ведешь!

Я прогадил ему дорогу. И сказал:

— Мои опилки принесли ребята. А ты на лесопилку не пойдешь. Не пущу.

— Вы все, все были на лесопилке, один я не был, — заплакал он. Он плакал, потому что не находил в себе больших сил повернуться к лесопилке, потому в душе уже согласился, что побежит в село с моей пригоршней опилок.

— Но ты не скажешь... никому не скажешь, что мои опилки ты принес?

И снова:

— Ты ведь не скажешь, что я не был на лесопилке?

— Ты был на лесопилке, — отвечал ему я.

Он бежал, бежал и снова начинал:

— А если спросят, что было на лесопилке?

— Опилки, — отвечал ему я. — Что же еще?

Из глаз его лились слезы, он не хотел плакать, и лицо его корчилось от гримас:

— Значит, ты был на лесопилке?

— И ты был, — отвечал я.

Он молча длился слезами и снова не выдерживал, взрывался:

— Но ведь ты не скажешь, не скажешь, что я не был там?

— Твои опилки у тебя в кулаке. Ты взял их сам, — говорил я, — но все равно в нем не было — во всем его тщедушном теле не было места для лжи, он плакал и смеялся и сносила повторял:

— А если спросят, откуда опилки?

— С лесопилки.

— Но ведь я не был там, — давился он слезами, — я не был на лесопилке, а у меня опилки, откуда?

Впереди показалось село. Я выпрямился и сказал ему:

— Ты бежишь лучше меня.

Село смотрело на нас с холмов. Нахлобучив на себя

черепичные крыши, пристально глядела на нас дома.

Село смотрело и видело, что двое его сыновья — внук деда Арсена и внук деда Аветика — возвращаются откуда-то вместе, один из них, конечно, посыльнее, другой немногого слабее, но никто никого не опережает, они идут по-товарищески, плечо к плечу. С крыльца школы за их спинами возвращением наблюдают, наверное, наши девочки, с ветками цветущих верб в руках, смотрят сейчас и видят наше жалкое, наше слабое, медленное, такое медленное шествие самых последних.

Он направлялся, но не смог вырваться вперед. Он снова направлялся, на секунду поравнялся со мной, его красная спина мелькнула где-то чуть ли не впереди меня, но даже в эту секунду было понятно, что поравнялся он со мной всего лишь на секунду. И он сам понял это — на его лице зажглась и погасла та жалкая улыбка, которая появляется на лицах людей, принявших свое поражение, примирившихся с этим.

Он прошептал:

— Иди один.

— Смотри, одинокий хачкар, — сказал я.

— Ты что-то говоришь? — прошептал он. — Иди один.

— Говорю — одинокий хачкар.

Что я мог ему еще сказать? Ведь нельзя было просто так, молча, так, как будто рядом с тобой никого нет, будто не бежит с тобой кто-то рядом из последних сил, нельзя ведь было просто так оторваться от него и пронести свою победу под взглядом девочек, через весь школьный двор, к учительнице.

Где-то возле самой школы, у поворота дороги, я оглянулся: он бежал медленно, он был почти там же, где я его оставил, среди снегов чернели хачкар и его маленькая фигура. Казалось,ничто там не двигалось.

Я выпрямился и вбежал рывком на школьный двор. Никаких голосов. Школьный двор был совершенно безлюдем. Я побежал в класс. Доска в классе была вытерта на сухо. И в учительской никого не было. Среди тишины мертвого движения веяли ветки вербы. Двор был пуст, перед учительской, на полу, просыпана горсть опилок.

— Нет, — прошептал я, — нет, нет...

Я разжал кулак. Опилки у меня в кулаке спрессованы.

Мне стало душно, невозможность дышать, и, казалось, все это тоже давным-давно уже было. Я бросил свой комок из опилок на пол. Комок рассыпался.

Я нагнулся, обеими руками собрал опилки. Я побежал к учительнице домой. Она задавала сено коровам. С веткой вербы в руках перед сараев стоял Мадат и не пускал коров в хлев — пока тетка не заправит все сено в ясли. Он сдвинул брови, посмотрел на меня искоса и сплюнул сквозь сжатые губы — вот так, мол, я с тобой расправился и расправлюсь еще не раз. Учительница заметила меня, стало тихо-тихо, и она смотрела на меня. Только на меня. Я разжал кулак и услышал, как просыпались на землю опилки. В ее взгляде ощущалось что-то вроде любви или ласки, и незаметным движением губ она спросила:

— А где же Артавазд?

ПРОШУ СЛОВА!

Уважаемая редакция!

Весьма рад новой рубрике. Теперь для тех, кому есть что сказать, появилась надежда высказаться. Итак, прошу слова!

Мне тридцать лет. За плечами мечты о высшем образовании, армия, Саратовская ГЭС, заочный институт, диплом. В то же время я вовсе не стар и считаю возможным разговаривать со вступающими в жизнь на равных.

В глазах пестрит от людей, окончивших высшие учебные заведения по инженерии, получивших определенную сумму знаний, но так и не ставших образованными. Ведь образование, как известно,—то, что остается после того, как все выученное забыто. По сути, образование—это способность самому рождать новое знание. И вот таких людей, образованных формально, мне жалко. Они живут в пустоте, в иллюзорном мире. Но из много, и потому они не замечают своей неполноценности, благо наша система, наши законы обеспечивают их и работой и всем остальным.

С другой стороны, есть люди, которые потенциально способны решать важнейшие задачи, но не получили необходимого образования. Это уже драма.

Как определить свое место в жизни? Это может подсказать только сама жизнь. Но сделает она это только в том случае, если ты действительно живешь, а не замыкаешься в скорупке юношеского упрямства. И не надо убывать по несостоявшемуся. Любые «сюрпризы» жизни имеют, кроме минусов, и свои плюсы. Надо только отыскивать их, и тогда жизнь обретет ценность своей неповторимости.

Но не торжествуйте, закоснелые неучи! На вашу мельницу вода не попьется. Пусть нужда в малоквалифицированной рабочей силе еще не иссякла, но жизненным принципом неграмотность не будет никогда. И не закроются школы рабочей молодежи, какие бы трудности они ни испытывали. Общество не может оставить себе подобных в нищенском состоянии духа уже потому, что во всем остальном люди равны и живут вместе, пользуются одним домом—планетой. Но, прежде чем начать человека учить, надо пробудить у него желание учиться, сделать так, чтобы человек ощутил свою неграмотность как недостаток. В этом отношении весьма полезны встречи с умными, не обязательно знаменитыми, но непременно с умными людьми, умеющими чувствовать аудиторию... А вообще-то начинать надо со школы. Не просто учить, но воспитывать в учениках жажду познания. А это можно сделать только, если хорошо Учить. С большой буквы!

Иван ЕВТЕЕВ,
ст. инженер «Оргтехвоздстроя», г. Саратов

Мои вузовские экзамены, как вступительные, так и сессионные, позади. В 1974 году я получил диплом инженера-технолога. И, думается, нет ничего удивительного в том, что затронута проблема волнует меня сейчас еще более, чем в год поступления. Да, вопрос «кем быть?» давно превратился в проблему. Вокруг нее разыгрываются драмы и трагедии, проплывают потоки горьких слез и соленого пота. Папы и мамы с детства твердят нам: «Учись, сынок (дочка), только на 4 и 5, и ты поступишь в институт, станешь инженером. Будешь только указывать да в белой рубашке с галстуком гулять!» Вот чадо и учится в меру своих сил и желания. А потом наступает пора вступительных экзаменов, горячая пора! Сколько волнений доставляет она... нашим добрым папам и мамам, сколько отнимает времени (ух до работы ли?). Коммунальные квартиры превращаются в медсанчасть: тут и валидол, и кардиомин, и корвалол, и множество других укрепляющих средств... Все как на войне: план операции (куда и как), наступление, оборона, контрастужение и, наконец, поражение или долгожданная победа! Дитя пристроено! Куда? Неважно! Кем будет? Конечно же, начальником! История повторяется из года в год, каждый лето, каждый август. И очень часто те, кто действительно хочет учиться и получать знания, по тем или иным причинам (не обязательно по недостаточной подготовленности) оказываются за бортом. Многим же из тех, кто поступил, безразлично, кем они будут, они и не думают пока об этом,

ведь защита так далеко! А пока можешь ходить на институтские вечера, пропускать занятия, влюбляться друг в друга, короче говоря, жить «полнокровной» студенческой жизнью! Но вот проходит пять лет, и наступает час расплаты: защита и распределение на... нелюбимую работу. Вот тут-то и начинается «лямка»: работа от звонка до звонка, от отпуска до отпуска. Становится очень жаль такого работника и места, которое он занимает. У таких, как правило, низкая производительность труда, не говоря уж о качестве работы. Так не лучше ли в самом деле пойти в компанию к Сергею П., человеку, занимающемуся своим делом, делом, которое он любит и делает с удовольствием?

Александр Г.,
г. Ртищево, Саратовской обл.

Дорогая «Смена», здравствуйте! Прошу слова!

Огромное спасибо за интересное начинание—публикацию статей и писем «спорных, субъективных, неожиданных».

Если начистоту, то я немало удивлен ходом мыслей Сергея П. Во-первых, язык письма. Человека десять лет учили великолепному и прекрасному русскому языку, а он «блещет» познаниями жаргонных слов:

«...с детства меня шлиговали», «...вливали в уши такую агитацию», «...я очень пилили». Как-то несолидно. Ты, Сергей, разработал программу самообразования. Но взгляд у тебя весьма своеобразный. Ты, например, пишешь: «Никто меня не заставит восхищаться инфантальным Безуховым». Честное слово, впервые в своей жизни слышу такой литературный цинизм. И это пишет воспитанник столичной школы! Хотется мне напомнить тебе, Сергей, чудесные ленинские слова: «...Учить с азом, но учить не «полунауке», а всей науке». Ты же «препарируешь» знания по принципу: пригодится—не пригодится. Как примитивно звучит у тебя откровение: «Кончилась смена, я переоделся, вышел с завода—и вольная птица». Очень ух мытым ты описал свое участие в заводской жизни. По-видимому, не дорос ты еще до понимания значения своего труда. А ведь завод—могучий рабочий организм: и комсомол, и самодеятельность, и спорт, и друзья-товарищи...

У тебя, Сережа, очень много, как явствует из твоего письма, «болевых точек». Постарайся их сократить до минимума. Ты станешь настоящим человеком лишь тогда, когда будешь знать, что такое трудно. Помни, что без труда не бывает радости. И еще вот что пойми. Большая литература—это всегда большие проблемы, большие, сильные чувства. Сегодняшняя литература нужна ученикам не для ответа на экзаменах, а для овладения сложнейшим и самым важным «предметом»—человечностью. Для того, чтобы быть чище, нравственнее, коммунистичнее.

Теперь несколько слов Олегу. Ты не ошибся, что кое-что, о чем ты написал, и глупо и смешно... Ну, разве не смешно звучит: «Я буду кусаться и царапаться, но поступлю в институт обязательно!». Не виду твоим будущим экзаменаторам.

Я, Олег, работаю простым слесарем по обслуживанию промышленной вентиляции на Житомирском заводе химического волокна, и я очень доволен своей судьбой. 20 лет работаю и учусь: у жизни, у людей. Много читаю. Совершенно искренне скажу тебе, что получил и образование и культуру, работая простым слесарем.

Мой совет тебе: работай слесарем, поступи в вуз. При известных усилиях ты можешь стать хорошим знатоком своего дела. Важно ведь, не кем быть, а каким быть. Это очень важно!

В. С. ЯКОВЕНКО,
г. Житомир

Дорогие товарищи!

Вы открыли очень интересную рубрику «Прошу слова!» животрепещущим вопросом, который так или иначе касается всех. лично для меня годы учения в институте далеко позади. Зато это время настало для моего сына, и дома разыгрывается немало баталий.

Мы с мужем оба инженеры. Так что хорошо знаем предмет разговора. Я за диплом. За то, чтобы окончить институт и иметь высшее образование. Потому что

только диплом дает возможность занимать инженерную должность. А эта должность дает возможность творческого труда. Человеку необходимо самому принимать решения, шевелить мозгами, решать задачи. Я инженер по научно-технической информации и имею дело с рационализаторами. Конечно, рабочий, совершающий свой трудовой процесс, работает головой. Это делает его жизнь интереснее, но таких сравнительно немного! Тот, кто занимает инженерную должность, самой этой должностью принужден к более широкому мышлению, и если рабочий зарабатывает 250 рублей, а я 150, то я все равно не поменялась бы с ним, нет, ни за что. Дело идет к тому, что всю черновую работу будут делать машины. Но эти машины еще нужно сконструировать и отладить! Вот работа, достойная человека. И здесь никакое самообразование Сергею П. не поможет. Философия, литература—да, неплохо. Это поддержит в нем самоуважение. И, возможно, на ближайшие 25 лет хватит для него работы слесаря, токаря и т. д. Но все-таки куда интереснее своими руками приближать время, когда эту работу будут делать автоматы.

Все это продумано и выстрадано потому, что наш сын сейчас на этом же рубеже. В прошлом году он окончил десятилетку, учиться дальше не хотел, измеряя жизненные блага рублем. «Вот вы с отцом всю жизнь инженерите, за 20 лет на машину не заработали, и каждый рубль у вас приходится выигрывать. Я буду становчиком и через год больше вас получать буду». Сколько пришлось потратить слов, чтобы он все-таки подал документы в институт! Он поступил на вечернее отделение, сейчас перешел на II курс. Но словесные баталии продолжаются. При любом семейном конфликте он угрожает уйти из института: «У меня специальность в руках». И никак не хочет понять, что это же совсем разные категории деятельности. Одна— выполнение работы, задуманной другими. Пусть с мастерством, с блеском, с выдумкой, за большие деньги... Другая—твое личное творческое участие в производственном процессе. Конечно, в 18 лет своего призыва так уж четко не представляешь. С годами выявляется, к чему человек более склонен. И если он предпочитает оставаться у станка, то он делает это сознательно. Словом, главное—ускользнуть себе: зачем, для чего оно, это самое образование, и если ощущаешь себя причастным к будущему, к техническому прогрессу, то сам решай, каким образом участвовать в нем, какая работа принесет тебе больше удовлетворения—за конструкторским столом или у станка в цехе.

Инженер ДРОЗДОВА,
г. Севастополь

Примечательно, что в спор по поводу писем Сергея и Олега включились и студенты, то есть те, для кого, казалось бы, эта тема уже не представляет интереса.

Мы, студенты Николаевского кораблестроительного института, обсудили письма Олега Янсона и Сергея П., находясь в летнем страйтотряде «Рабфаковец».

Об Олеге много говорить не стоит,—сказал комиссар отряда Дима Сиренков, сам испытавший все «прелести» непоступления.—Он просто ищет сочувствия. Все в его письме пронизано одной мыслью: доказать, что он не хуже других и тоже способен поступить в вуз.

Да, он стремится поступить в институт не для того, чтобы получить знания, а чтобы оказаться в «лучшей половине»,—зашумели ребята.—Поступив в вуз, он перестанет стремиться к чему-либо, ведь для него «на институте свет клином сечется». Так уж лучше быть хорошим рабочим, чем сереньким специалистом с дипломом. Олегу можно позавидовать лишь в одном—в целеустремленности, но вряд ли эта черта сохранится у него на протяжении всей учебы в институте (если он туда поступит).

Мнение о Сергееве П. оказалось еще более единодушным: в Сергееве есть то, чего не хватает Олегу,— уверенность в себе, в своих силах, но эта уверенность переходит в самоуверенность. Его программа самообо-

разования—это лишь ширма, которой он прикрывает свое желание доказать преимущества «свободы». Есть дисциплины, которые мы, будущие инженеры-кораблестроители, проходим как общеобразовательные, основные же для нас—точные и специальные науки, о которых Сергей и не упоминает. Согласны с Сергеем, что «рабочим, которым не чужда высокая материя, принадлежит будущее». Но в век кибернетики на литературе, эстетике, иностранном далеко не уедешь! Какое же он имел право отнести себя к тем, кому принадлежит будущее?

— А я считаю,—сказала Таня Глухова, имеющая солидный трудовой стаж,—программу самообразования Сергея П. просто примитивной. Частицы знаний (всего 3 предмета) не могут заменить то, что называется высшим образованием. Да и времени для этого у него будет мало, по себе знаю. Придется со смены, устанешь так, что хватает сил лишь поесть и лечь спать, тут не до самообразования.

Мы разошлись не сразу. Ребята еще долго говорили о буднях страйтотрядской жизни, об учебе в институте, и по их оживленным, загорелым лицам нельзя было сказать, что они относятся к разряду «молодых стариков», как охарактеризовал всех «уважаемых студентов» Сергей П.

Светлана БОБИНА,
студентка Николаевского
кораблестроительного института,
член пресс-центра областного штаба ССО

Опубликованные в «Смене» письма обсуждали и вчерашние десятиклассники, и студенты разных вузов Харькова, и дипломники, и молодые инженеры. Думали, говорили, спорили до хрипоты. Мнений было столько, сколько людей, а людей—десятки.

Никто из участников обсуждения не высказался однозначно. Да и возможно ли это? Два человека, два мнения, два характера и две крайности. Один «царял» будет, но поступит, другому на учебу плавать. Ему, видите ли, «принадлежит будущее». Правильно, принадлежит, но каков будет он, рабочий будущего, лишь с десятью классами за плечами плюс самообразование? Никто не спорит, самообразование, если заняться им серьезно, даст хорошие результаты. Но исключить из своей программы всех писателей, которых еще со школы не терпят Сергей, значит духовно обеднить себя. Ведь с возрастом, читая «Войну и мир», воспринимаешь роман глубже, образы становятся ярче. А стать «технarem» и только—не слишком ли мало для человека будущего? Если на таких произведениях воспитывались поколения прошлые и настоящие, так неужели будущим они покажутся лишними?

И еще. Сергей, будь у него возможность пожить в страйтотряде, довелось бы много, ой как много услышать от студентов об их жизни, учебе. Это не «макинтоши», нет! Сейчас, когда строительные отряды возвращаются в вузы, каждому бойцу есть что вспомнить: работа до седьмого пота, когда кончается рабочий день и застывает бетонный раствор, а нужно кончать кладку; вечера в тайге у костра... А фестивали, концерты, конкурсы, ведь студенческие головы—бездонные кладези юмора и фантазии! Уезжая, пройти по улице, выстроенной твоими руками и названной Студенческой—это ли не счастье? В Харьковском политехническом институте учится Саша Павленко. Он сам не раз бывал в страйтотряде и высказался так: «В институте стоит поступать хотя бы затем, чтобы съездить в страйтотряд. Понятно видеть результаты твоего труда: утром ничего нет, а к обеду стена высотой в метр». И после этого студенты—«старички»?

Кстати, иногда даже хорошо, если вчерашний школьник не сразу поступит в институт (да прости меня абитуриенты!). Поработать год, проверить себя не вредно. Зато потом человеку будет ясно, что он на своем месте, а ведь нередки еще случаи, когда, окончив вуз, выпускник не работает по специальности. А ведь на его месте в институте мог быть другой человек.

Ну, а Оля... Что для нее важнее: друг или его диплом? Наверное, диплом. Но в таком случае, Олег, ты ей уже не друг.

Зинаида ПОЛКОПИНА, Харьковский областной студенческий отряд

В № 16 «Смены» мы открыли новую рубрику — «Прошу слова!». Читатель горячо откликнулся на опубликованные под этой рубрикой письма Олега Янсона и Сергея П., не прошедших по конкурсу в институт. Естественно, мнения многочисленных авторов писем-откликов в редакцию разделились, да мы и не рассчитывали на какой-то однозначный ответ. Ведь проблемы, встающие перед юношами и девушками, вчерашними десятиклассниками, а сегодня уже самостоятельными людьми, достаточно серьезны и сложны.

Прочитал в «Смене» два письма: Олега Янсона и Сергея П. Решил вступить в их спор, так как прекрасно понимаю этих ребят, в особенности Олега.

В свое время, Олег, я тоже поступал в институт. На это ушло два года. И все это время я думал только об учебе в вузе. Правда, я поступал один и тот же институт — педагогический, хотя с теми баллами мог пройти в другой, но я этого не делал, так как мне было не безразлично, ком я потом стану. Так вот, не поступив первый раз, я, конечно, расстроился, но скоро понял, что положение мое не смертельно. И пошел устраиваться на завод учеником слесаря. Я с тобой не согласен, Олег, что так теперь многие говорят — «вкалывать». Когда ты работаешь от души, чувствуешь, как твой труд влияется в труд всего коллектива, — ты пренебрежительно к нему не относишься. Чувствуешь, Олег, что ты студенческую компанию ставишь выше рабочей семьи. Это неверно, поверь. Со мной учились ребята, которые, как и я, работали на заводе. (Я все же на третий год стал студентом пединститута.) И, как правило, учатся они получше тех, кто всю жизнь мечтал об учебе в вузе, пренебрежительно относясь к работе на заводе. А мало ли среди рабочих заочников? После работы они садятся за книги, откладывая в сторону другие дела. Они жертвуют многим ради знаний, ради того, чтобы их мечта сбылась.

Я работаю секретарем крупной комсомольской организации. Только этим летом в вузы, техникумы из нашей организации поступало около 300 молодых рабочих. Многие поступили, мы за них рады, так как они шли к своей мечте не один год. Есть, конечно, и такие, которых постигла, как и тебя, неудача. И, знаешь, я не слышал от них такого пессимизма, которым ты охвачен. Они не так рассуждают. Это точно.

Царапаться, кусаться, Олег, не надо, чтобы поступить в вуз. Мой тебе совет: лучше готовься, пересмотри свои взгляды на жизнь. И не думай, что, только закончив вуз, ты станешь «первосортным» человеком. Стань человеком уже сегодня, трудись, много читай, занимайся общественной работой, и ты добьешься своего.

Александр КАРАСЕВ,
секретарь комитета комсомола
аграрно-промышленного объединения,
г. Тирасполь

Конечно, есть среди приславших письма единомышленники Сергея П. ...

Дорогая редакция!

Пишу это письмо впервые (как-то не затрагивали меня проблемы!). А вот эта! Сейчас столько этих «неудачников»! Стоп! А почему «неудачники»? Вот послушайте мою историю. Окончила Я в классах, родители «направили» в медучилище, поступила, в 1972 году окончила, поехала работать. Моя профессия мне никогда не нравилась, я никогда не любила ее, но училась. И вот результат — проучилась три года, поработала немножко, а потом бросила. Сейчас я уже освоила другую специальность — оператор МСС. И вот я думаю: почему те, кто окончил школу, сразу не идут работать, ведь только на производстве можно найти себя, без ущерба для будущего избрать профессию, полюбить ее и только потом уже совершенствовать свои знания в институте? Почему?

Людмила СЕДЛЕЦКАЯ,
г. Каменец-Подольский

Кто-то когда-то сказал, что лучше быть предметом зависти, чем сострадания. Так вот, О. Янсон тоже, видимо, желает зажечь вокруг своей головы nimб зависти, благополучия, но — упаси боже! — не сострадания. О чём вы печетесь, Олег? О времени, которое отдало для вас получение заветных корочек диплома? Ваше письмо пронизано одним: одержимым желанием во что бы ни стало проникнуть в институт. Вы даже не пишете, в какой. Ни единого словечка о том, что зовется привлечением и ради чего можно было бы «купиться» и царапаться». А как смешно и жалко звучит ваше: «Для меня свет клином сошелся на институте!» Как же малы ваши свет и окошко, вернее, щелочка, через которые вы смотрите на мир! И это в то

Об этом и ведут разговор читатели, наиболее интересные письма которых мы выбрали из огромной редакционной почты. Письма эти можно разделить на несколько категорий. Едва ли не самую многочисленную составляют письма-размышления людей, уже достаточно прочно стоящих на ногах, знающих цену и труду и знаниям. Их жизненный опыт, очевидно, может быть полезен многим из тех, кто еще только начинает самостоятельную жизнь...

время, когда обществу нужны настоящие рабочие, такие, как Сергей П., а не люди с жаждой самолюбия и честолюбия. Вот так, Олег! Пока не поздно, забудьте ваших мнимых друзей и ищите их там, где будет ключом настоящая, рабочая жизнь. Вот тогда вы будете настоящими мужчинами.

Татьяна ЧАЛАЕВА,
рабочая, г. Осинники,
Кемеровской области

Век наш часто называют атомным или космическим, и это накладывает на молодежь обязанность постоянно совершенствовать свои знания. Я два года подряд был неудачником — не проходил в вуз из-за этих несчастных баллов. И тогда я избрал другой путь: по комсомольской путевке уехал на ударную стройку, там нашлись новые друзья, прошел через трудности, стал смотреть на жизнь иначе. Поступил в ГПТУ и окончил его с отличием. Шесть лет строил металлургические заводы в разных городах нашей страны и испытывал истинное удовольствие, видя плоды рук своих! Это незабываемо, и я был по-настоящему счастлив. Сейчас я служу в рядах Советской Армии...

Самое главное, чтобы жизнь твоя была красивой, чтобы нравилась профессия строителя, чтобы ты был любим в семье. Разве этого мало для счастья? Не хочу утверждать, что проживу и без высшего образования, но пока его отсутствие не привело меня в уныние. Десятиклассникам, не поступившим в вуз, хочу посоветовать не огорчаться: есть много выходов из положения, только надо уметь ставить перед собой цель и ждать.

Старшина Василий ГАРБАЛЬ,
Челябинская обл.

Здравствуйте, уважаемые товарищи! Никогда не вступал до этого в журнальные споры, но на этот раз не удержался: прошу слова!

Прочитал опубликованные вами письма, в которых выражены два в корне различных и противоположных взгляда на одну проблему. Но ведь должна же быть где-то «золотая» середина! Для одних провал на экзаменах — трагедия; другие, наоборот, в вузы не стремятся, выдвигая мотивировку, что на заводе они заработают больше, чем иной инженер. Третий трезво осмысливает провал, анализирует его, идет на производство, считая, что там они нужнее, или с новыми силами продолжают готовиться к экзаменам, чтобы поступить на следующий год. Я за третьих.

Государству нужны специалисты с высшим образованием, но ему нужны и молодые рабочие, которые придут на смену старым кадрам. Поэтому сейчас очень распространено такое мнение: «Любыми путями в институт». Словно на нем в самом деле «свет клином сошелся». Неважно в какой — важно поступить. Это неверно вдвойне. Я просто не представляю, что выйдет в дальнейшем из таких студентов.

Путь самообразования, на который предлагают вступить Сергей П., вещь, конечно, хорошая, но надо уметь ею пользоваться, правильно пользоваться! Развиваться всесторонне, а не читать то, что интереснее, что проще, что под руку попадается, что не надо осмысливать. А раз Сергей предлагает «проверяться в институт», чтобы не читать «инфантального Безухова», советую ему заняться романами Ж. Сименона — они ему принесут больше удовольствия. Нет, не за такими рабочими будущее! Но и не за такими «студентами», как Олег Янсон, который считает институт какими-то критерием, определяющим положение человека в обществе.

Хватит общих слов, расскажу о себе. Пишет вам солдат и... студент. Мать и отец у меня рабочие. После десятилетки поступил в Башкирский университет на филфак. Конечно, мать с отцом хотели, чтобы их сын стал студентом. Но при этом говорили: «Думай сам, куда пойти после школы — тебе жить». И когда я с треском провалился на экзаменах, отец спросил: «Чем думала заниматься? Куда пойдешь работать?»

Неудача меня разозлила, но не остановила. Подал документы на вечернее отделение и поступил. Как видите, у меня получилась «середина» — и завод и институт. Но не в этом суть. Главное, что меня волновало при поступлении в вуз, — правильно ли я

делаю, поступая сюда, а не в соседний институт. Не ошибся ли я в выборе профессии? Я об этом думал, поступая, думаю и сейчас, находясь на службе в армии.

Конечно, у «вечерников» свои проблемы. Меня, например, не устраивает то, что нам дают учебный материал в меньшем объеме, чем на дневном отделении. Самообразование?! Но при таком темпе жизни на него почти не остается времени. Но это уже другой разговор...

А пока я советую вам, мальчишки и девочки, неся заявление в приемную комиссию, еще раз подумайте: нужен ли вам именно этот институт и нужны ли будете (только по совести) вы как специалисты после его окончания, стоит ли поступать, что это даст вам и обществу?

Владимир АКУЛИННИКИН,
Карельская АССР

И есть сторонники Олега Янсона...

Я тоже неудачница этого года, как и Олег Янсон. Мне, как и ему, не хватило одного балла, чтобы стать студенткой мединститута. И поэтому мне очень и очень приятно настроение Олега. Настроение настроением, но микробиологом я все равно стану. Я уже начала подготовку к экзаменам. Только я хочу обратиться ко всем абитуриентам 1976 года. Ребята, если вы решили поступать в институт, проверьте себя вначале: любите ли вы по-настоящему свою будущую профессию, готовы ли бороться и не сдаваться перед всеми трудностями и преградами? И если вы твердо убеждены, что эта и только эта профессия ваша на всю жизнь, — поступайте, и удачи вам!

Вероника М.,
Башкирская АССР

Дорогая редакция!

Проблема, о которой пишут Сергей и Олег, очень мне близка. В этом году я окончил школу и, как большинство выпускников, решил попробовать поступить в вуз. Я выбрал финансовый институт, и не случайно. Моя мама по образованию инженер-финансист, и она сумела заинтересовать меня именно этой профессией, да я и сам с удовольствием и с некоторым успехом изучал в школе общественные дисциплины. Возможно, мне просто не повезло или я не сумел взять себя в руки перед всепроникающим взором экзаменационной комиссии. Одним словом, я провалился примерно так же, как те девочки и мальчишки, которых Сергей П. призывает не лить понапрасну слезы; а, подобно ему, идти на завод.

Конечно, это здорово — работать на заводе, чувствовать себя самостоятельным, сильным и небрежно рассказывать ребятам о своей «высокой для новичка зарплате». Приятно приносить матери заработанные собственным трудом деньги и давать вчерашним одноклассникам консультации по различным «вопросам жизни». Но имеет ли право Сергей П. говорить с пренебрежением о людях, которые всеми силами, порой в ущерб здоровью, стремятся овладеть знаниями? По-моему, нет. Разве плохо, когда человек в чем-то хочет достичь совершенства, когда он стремится к вершинам мастерства в избранной им профессии? А ведь для этого надо иметь прочные знания... К сожалению, не всем написано судьбы стать сразу после школы студентами. И потому надо помнить: никто в жизни не дается без труда, надо искать и бороться. Я вполне поддерживаю тех, кто, потерпев неудачу при поступлении в институт, становится продавцами или грузчиками, слесарями или токарями, как Сергей П. Только, по-моему, не стоит на этом успокаиваться. Думаю, вряд ли целесообразно «изобретать велосипед» и «открывать Америку» через нелегкий путь самообразования, к чему призывает Сергей. Работая на

заводе, Сергей имеет возможность, как многие его сверстники, учиться в вечернем институте и, окончив его, не только гордиться своей рабочей профессией, но стать хорошим специалистом и интеллигентным человеком.

Возможно, в моем письме не все гладко и правильно, но я и не стремился к этому. Пусть многие со мной не согласятся, и все же я считаю, что современному молодому человеку высшее образование необходимо. Только не для того, чтобы успокоить своих почтенных родителей и ублажить «гордых» девушек, которым стыдно дружить с ребятами-неудачниками. Это нужно прежде всего нам самим.

Я не могу определенно сказать, кем буду, еще не решил твердо, но бросать слова на ветер не хочется. И потому ко всему сказанному могу добавить: «Плачте, девочки, и плачьте, мальчишки, не поступившие в институты. Это наше первое поражение, и пусть оно не сломит нас». Андрей УБОГОВ, г. Москва

Есть в нашей почте письмо, которое стоит особняком и, как нам кажется, заслуживает внимания...

Я, к сожалению, не отношусь ко вчерашним десятиклассникам. После школы окончил культурно-просветительное училище и работал директором сельского Дома культуры. Дважды, в 1971 и 1973 годах, поступил в пединститут и оба раза неудачно. Уехал в Целиноградскую область, где и работал музыкальным руководителем в сельском Доме культуры. В этом году решил поступить в Челябинский институт культуры, на отделение духовых инструментов. Звично. К экзаменам готовился со всей серьезностью. Ну, думал, теперь моя очередь в институт. Но... напрасно я старался. На экзамен по специальности преподаватель сказал: «Поеzdайте домой, подготовьтесь получше, ждем вас на следующий год». Мне стало обидно. Ведь я проработал по специальности уже 7 лет. В нашем районе нет ни одного специалиста с высшим образованием. Так, спрашивается, как подготовиться получше, кто подскажет, кто даст стоящий совет? До Челябинска-то ехать 20 часов.

Я люблю свою работу. Сейчас руковожу эстрадным коллективом, духовым оркестром, приходится готовить еще и танцевальную группу. Но чувствую, что мало мне знаний, полученных в училище. Поеzdешь в районный отдел культуры, а там методисты только что окончили школу и ничего не знают. За 2 года в районе не было ни одного совещания клубных работников. Хочется провести интересный вечер, но ведь и для этого нужны знания, а их у меня мало. То, чему учили в училище, уже устарело. Так что, соглашайтесь, учиться надо!

Богдан БЯЛКОВСКИЙ,
Атбасарский район, з/с «Шуйский»

Вопросы, которые ставит в своем письме Богдан, действительно достаточно серьезные. Таких людей, как Богдан, влюбленных в свое дело, много. Они искренне хотели бы нести людям радость, отдавать свой опыт и свои знания другим. А знаний этих... не хватает. Думается, что преподавателям Челябинского института культуры, куда поступал Богдан, следовало бы не ограничиваться благими, но, увы, формальными пожеланиями, а постараться войти в его положение, вникнуть во все обстоятельства дела и оказать ему конкретную помощь.

**МЫ ПРОДОЛЖАЕМ
ОБСУЖДЕНИЕ ПИСЕМ
ОЛЕГА ЯНСОНА И СЕРГЕЯ П.
ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!**

Из окна детской комнаты милиции видна часть двора: спортивная площадка с поржавевшим от дождей турником, качелями и столбом гигантских шагов, от которого кто-то давно оторвал канаты. Подальше, за площадкой, — три металлических гаража, угол газона, стол-великан для любителей дворовой игры со странным названием «козел». Время было рабочее, дневное, и местные чемпионы интеллектуальной игры отсутствовали, уступив стол-плацдарм двум мальчишкам лет четырнадцати. Мальчишки о чем-то спорили, яростно размахивали руками, даже толкали друг друга, видимо, считая, что язык жестов убедительнее слов. Потом одному из них не хватило и этого языка, он выхватил из кармана джинсов блокнот, начал писать или рисовать что-то — быстро, а другой заглядывал ему под руку, смеялся.

— Кто это? — спросил я.

Таисия Николаевна посмотрела в окно, улыбнулась и сразу превратилась из строгого, даже чуть чопорного лейтенанта милиции в обыкновенную хорошенькую девушку, почти девчонку, ну, может быть, немного постарше тех ребят во дворе.

— Это Саша. Саша Рогов. Который рисует.

— Что рисует?

— Ой, он такой способный, он наверняка будет художником! — Она всплеснула руками и вдруг помрачнела: — Будет, если не сорвется.

— С чего вдруг?

— В семье у него неладно... Помните фильм «Мама вышла замуж»? — И, не дожидаясь ответа: — Так там все хорошо было, и отчим мальчишку полюбил, все время искал к нему подход, ну, вы же помните, а здесь — все наоборот...

Мальчишкам за окном явно надоело спорить, они вылезли из-за стола, побежали по площадке, по очереди подтянулись на турнике, помчались куда-то по своим неведомым делам — конечно же, важным и неотложным. А Таисия Николаевна все стояла у окна, смотрела на пустой двор, рассказывала...

...Саша совсем не помнил отца. Тот погиб, когда сыну исполнилось два года: разился во время испытаний нового самолета. От него в доме остались фотографии, многочисленные рисунки самолетов, коллекция старинных монет, которую, по словам матери, он начал собирать еще в детстве. А память? Да, память жила, но... Отец для Саши не был живым человеком — со своими привычками, манерами, голосом. Саша даже рук его не помнил: мал был, мал. Вот и стал он для сына просто символом, просто Пилотом, просто Отцом, которым можно и должно гордиться, даже хвастаться перед школьными товарищами, можно даже рассказывать о его подвигах, преувеличивать их, даже повесить над столом его фотографию, где он — в фуражке, лихо заломленной на затылок, и чуб — на лоб, и улыбка — в сто зубов, даже придумать ему характер, и привычки придумать, и слова какие-то особенные. Но — не помнить.

Мать понимала, конечно, что не хватает ей именно живого, реального отца, пусть не героя, не покорителя пространства, а обычного человека во плоти, доброго и чуткого, который мастерил бы с ним модели аэропланов, ходил по грибы, пел песни и, может быть, шлепал по заду, если сын этого заслужил. Не случайно же Саша в детстве так тянулся к сослуживцам матери, к мужьям ее подруг и к брату ее, который жил в Ленинграде и порой наезжал к ним погостить.

— Замуж бы тебе, — говорил ей брат. — Сашке мужик нужен.

— Ах, кто меня возьмет, — отмахивалась она, отшучиваясь, хотя и были претенденты, да все не те, не те. И боялась она, очень боялась, что Сашка не примет чужого человека, и себя боялась... Короче, привыкла одна, вернее — вдааем с Сашкой, и, пожалуй, удобно ей было так, убедила она себя в том.

Она и сейчас вспоминает, как тяжко было начать тот разговор с сыном, как откладывала она его со дня на день, а нельзя было больше откладывать, и она придумывала какие-то «главные» слова и «умные» аргументы, и проговаривала наедине с собой эти слова и аргументы, и за Сашку возражения придумывала — даже самые невероятные, самые нелепые. А все оказалось просто и легко.

— Саша, мне нужно с тобой серьезно поговорить, — сказала она сыну, а он оторвался от книги, засмеялся:

— Насколько серьезно?

— Очень-очень.

— Родительское моралит? Я же, по-моему, ни в чем не провинился, а?

— Ты — нет. Скорее я...

Он опять засмеялся, подсел к ней на диван, обнял за плечи:

— Я тебя заранее прощаю, наказывать не стану, мороженое куплю. Идет? — И посерезнел, спросил: — А что случилось?

Человек среди людей

МАМА ВЫШЛА ЗАМУЖ

Сергей АБРАМОВ

— Да ничего особенного... — Она помолчала и, вдруг забыв заранее заготовленную речь, бухнула сразу: — Что бы ты сказал, если бы я на старости лет вышла замуж?

Он встал, сунул руки в карманы тесных джинсов, прошелся по комнате, посмотрел на нее с хитрой усмешкой:

— Если на старости лет — был бы против. А сейчас... Да не тяни ты, мам, кто он?

— Сошинский. Ты его знаешь.

Он действительно его знал. И знал, вернее, догадывался, что мать явно неравнодушна к этому высокому элегантному человеку, частенько бывавшему в их доме. Пожалуй, он даже симпатичен был Саше — своей ироничностью, умением точно оценить событие или персону,

симпатичен и тем, что не лез в друзья к Саше, не хлопал его по плечу, не задавал глупейших вопросов про школу, не приносил в подарок детских конструкторов и не предлагал закурить. Сашу, впрочем, чуть-чуть уязвляла эта небрежность, но была ему вполне понятной: Саше четырнадцать только-только стукнуло, Сошинскому — за сорок, и приходит он к маме, с мамой и разговаривает. Пусть его.

— Благословляю, мам. Человек он вроде неплохой, а внешне — просто супермен из вестерна...

Она засмеялась облегченно, радостно засмеялась, будто камень с души упал:

— И любит он меня. Говорит, что любит.

— А жить где будете?

— У нас. Он комнату снимает пока. А через год ему квартиру завод даст, все-таки начальник цеха, шутка ли!

— Только мою комнату не отбираите,—пошутил сын.

— Что ты, что ты, Саша!—Она даже мысли такой испугалась.—Мы в большой поместимся прекрасно. А дадут ему квартиру, нам то есть, будем в трехкомнатной жить...

Евгений Антонович Сошинский переехал к ним через месяц после этого разговора. Утром он уходил на работу раньше всех, и Саша слышал сквозь утреннюю дрему, как ходит он по комнате, как журчит электрорйтвой, слышал приглушенный голос матери и короткие реплики Сошинского. Он вообще был немногословен—Евгений Антонович, приходил с работы позже матери, ужинал, что-то писал, считал на линейке, а чаще они вдвоем уходили в гости, в кино или в театр. Мать здорово изменилась теперь, и Саша с огорчением отметил, что не в лучшую сторону. Стала суевкой, нервной какой-то. Саша не спрашивал ее ни о чем, сидел в школе, по вечерам ходил в детскую студию живописи при Дворце пионеров, иной раз выезжал с ребятами на этюды за город. Странное дело: мать даже перестала интересоваться его успехами. Посмотрит дневник, распишется внизу—и ладно.

В субботу или в воскресенье они с мамой, бывало, шли пешком на Ленинские горы или ехали в Подмосковье, Витку Торцову с собой брали, а он фотоаппарат захватывал—красота! А теперь—нет. Теперь Евгений Антонович на эти прогулки вето наложил.

— Тебе уже четырнадцать, Александр,—сказал он.—Ты достаточно взрослый, чтобы понять: у матери появилась наконец собственная жизнь. Не мешай ей. Поехай сам.

Что ж, Саша и вправду был достаточно взрослым, чтобы понять это, понять и не приставать большие ни к ней, ни к Сошинскому. Обидно было только, что четырнадцать лет собственная жизнь матери не отделялась от жизни сына, а теперь, выходит, отделилась. Странно. Странно и грустно, хотя Саша считал себя сильным мужиком, а грусть—чувство слабого.

Мать говорила ему скороговоркой:

— Ты не обижайся на Евгения. Он дьявольски замотан, сам знаешь, только во мне видит отдушину. А тебя он любит, любит, он мне говорил, только суховатый он...

— Да не нужна мне его любовь,—грубо отмахивался Саша,—не маленький. Тебе хорошо с ним, этого достаточно.

А сам думал, что быть отдушиной—не такой уж почет, не такая уж радость. Знает ли это мать? Замечает ли? Может быть. Только явно не хочет знать, не хочет замечать, потому что вся ее поздняя любовь потеряет прочное, железобетонное основание, на котором она построила ее себе. Сама построила. Так захотела.

А Евгений Антонович по-прежнему не очень-то обращал внимание на Сашу: ну, живет парень, часто ужинают вместе, занимается чем-то в соседней комнате, в общем-то не мешает никому. Он пока никак не посыпал ни на комнату Саши, ни на его времяпрепровождение. Просто не интересовался он парнем. Плохо то, что мать понимала это, но ничего не могла сделать. Не с мужем, нет: что с ним сделаешь, взрослый человек, давно привыкший к холостяцкому одиночеству. С собой ничего сделать не могла.

Да, она прекрасно понимала, что может потерять сына, что, отдаляя его от своей жизни, она отдаляет его от себя самой, от матери, от друга. Но понимать—мало. А действовать она не могла, потому что интересы мужа лежали совсем в другой плоскости, а точнее, в другом мире, где, увы, не было места четырнадцатилетнему мальчишке.

Пожалуй, ей было труднее всех: делить себя пополам и со страхом сознавать, что никому не нужна половина. Любовь всегда немного эгоистична и не признает совпадений. Саша, впрочем, не предъявлял никаких претензий. Саша просто молчал. И это было для матери самым страшным.

— Ну, я скверная мать,—говорила она сыну,—мне не надо было выходить замуж. Я теперь совсем тобой не занимаемся.

А сын отвечал спокойно, даже слишком спокойно:

— Мною не стоит заниматься. Евгений Антонович прав: я не маленький. И не казни ты себя, пожалуйста. Ты вольна была поступить так, как тебе нужно. Тем более, ты советовалась со мной...

Она советовалась с ним. Она помнила об этом. Она хваталась за эту спасительную мыслишку, как за соломинку, не замечала, что слаба соломинка, не выдержит, оборвется.

А Евгений Антонович по праву чувствовал себя хозяином. Нет, он по-прежнему не посыпал на Сашину жизнь, не мешал ему, но в голосе его все больше и больше появлялось повелительных ноток. А выражений он не любил, не понимал, как можно возражать ему, умному, пожившему, умудренному опытом. Он говорил, например:

— Погуляй сегодня подольше, Александр. Сходи в кино или к товарищам.

— Зачем?—спрашивал Саша.—Я вообще-то хотел порисовать.

— Завтра порисуешь. А сегодня мне понадобится твоя комната: кое-кто придет, нужно поговорить, поработать.

Конечно, Саша мог бы плюнуть на этот приказ, не послушаться и уйти в свою комнату—в свою. Но он смотрел на мать и видел умоляющие глаза: не спорь, не возражай, стерпи ради меня. И кивал молча, уходил, гулял или сидел во дворе, дожидался, пока гости Сошинского выйдут из подъезда. А большой двор большого дома жил своей жизнью, не всегда контролируемой даже милицией, которая, как мы уже знаем, располагалась рядом. Да и что можно проконтролировать? Компанию доминошников? Отдыхают люди после работы. Или большую компанию ребят в беседке? Что ж, подойдет участковый, послушает песню под гитару, поговорит и отойдет. К чему придаться, если внешне все спокойно, если дракой и не пахнет, и скандала не ожидается, и поллитровки надежно спрятаны в карманах или в кустах?

Нет, Саша не стремился в эту компанию, не собирался делить ее тусклые радости, да и никто из ребят на том не настаивал. Сидит парень и пусть сидит. А он к тому же рисует здорово. Шаржи рисует, Кольку нарисовал—обхожающийся. Думали, обозлится Колька, наломает бока комсомольцу, а нет, не наломал. Сложил листок с рисунком, спрятал в карман, сказал:

— Здорово мальчишь, Кукрыникса! С тобой можно деньги заколачивать. Где-нибудь на юге, на пляже. Рванем туда, кореш?—И захохотал заразительно, потом оборвал смех, сказал:—А если кто тебя обидит, мне скажи. Понял?

Саша вряд ли придал этому эпизоду большое значение, но похвала была ему приятна. И он с охотой продолжал рисовать всякие смешные картинки, когда приходилось ему сидеть во дворе. Но в приятеля не набивался. Зачем? Ведь у Саши был верный друг Витка Торцов, а новых друзей он не старался искать. Но с каждым днем ему все меньше хотелось оставаться по вечерам дома, слышать хозяйский голос Евгения Антоновича, а друг Витка, случалось, был занят делами домашними или школьными...

В тот памятный вечер Саша пришел из школы поздновато, уже после семи: делали стенгазету. Матери дома не было, а в его комнате сидел Евгений Антонович и перебирал монеты из старой коллекции отца.

— Здравствуй, Александр,—сказал он, не отрываясь от своего занятия.—Ужин в кухне на плите. А я тут твою коллекцию растеребил: интересные экземпляры есть, знаешь?

— Знаю,—Саша насторожился: к чему бы этот разговор?

А Евгений Антонович закрыл аккуратно коробку, положил в ящик стола, улыбнулся:

— У меня шеф, главный инженер, монеты собирает. Так я у тебя пятак забрал сегодня утром, ему подарил. Он счастлив был до умопомрачения.

Саша почувствовал, как что-то натянулось в груди.

— Какие монеты?

— Две допетровские, царя Алексея Михайловича, помоему. Еще две какие-то—не помню. И эту грязненькую, скифскую, что ли.

— Скифскую? Кто вам дал право?—Он шагнул к Евгению Антоновичу, скзал кулаки.

Тот отступил, посмеиваясь, загородился стулом.

— Ну-ну, ты что? Умерь пыл, юноша. Я же для дела. Подумашь, монетки!

— Это же отец сбирал! Это же его лучшие экземпляры! Как вы могли!—Он не помнил уже, что делает, бросился на Евгения Антоновича, оттолкнул его, выхвалил из открытого ящика коробку, швырнул в отчима—зазвенели монеты, посыпались, покатились по полу.—Берите все! Хватайте! Гады!—Упал на тахту, заплакал в голос, не сдерживая себя.

Чьи-то руки попытались его повернуть, тянули за плечи. Он поднял мокрое от слез лицо, увидел встремленные глаза матери, закричал со злостью:

— Пожалеть пришла?

— Сашенька, Сашенька,—торопливо говорила она.—Успокойся, Сашенька. Ведь он не нарочно. Ведь он же не знал... Ведь еще много осталось.

— Много?—Саша вскочил на ноги, скзал ладони вместе: они сильно тряслись, и он не хотел, чтобы мать это видела.—Он все заберет. Дай только время.

— Думай, что говоришь,—бросил Евгений Антонович.

— Я думаю. Я давно думаю. Все берите, все. Но зачем же отцовское?

— Да что ты заладил: отцовское, отцовское. Ты же не знаешь его...

И после этих холодных слов Сашиня злость исчезла куда-то, стало легко и пусто... Саша вытер лицо рукавом ковбойки, сказал совсем спокойно:

— Не знаю. Верно,—поворнулся, пошел к двери.

— Куда ты?—крикнула мать.

Саша не ответил, хлопнул дверью, сбежал по лестнице, выскоцил в темный двор, пошел к беседке, откуда доносились стонущие аккорды гитары и негромкие слова «жестокого романса».

— Привет,—глухо сказал он, остановившись у входа.

Петя не перестали, кто-то кивнул ему, кто-то тоже бросил короткое: «Привет!», только рыжий Колька, тот самый, что звал его на юг, посмотрел внимательно, сказал:

— Ша, парни. У мальца неприятности. Так, Сашок?

Саша кивнул. И вдруг эти ребята с гитарой показались ему добрыми и отзывчивыми, и он шагнул к рыжему Кольке, сел на грязный дощатый пол, бросил хрюплю:

— Мура все. Заживет.

— Точно,—хорохотнул Колька,—нет такой раны, чтоб не зажила. Да и лекарство от нее имеется,—он протянул в темноту руку, и кто-то вложил ему в ладонь почтную бутылку водки.—Вылей, Сашок, это лечит лучше антибиотиков.—Налил полный стакан, протянул:—Пей.

Саша никогда еще не пил водки. Ну, иногда—вино на днях рождения у мамы или у Витьки, слабенько винцо, чисто кружаш голову. Но сейчас он, не дрогнув, взял у Кольки стакан, задержал дыхание, залпом выпил водку, только передернулся от горечи.

— Ну, дает!—восхищенно сказал Колька, похлопал Сашу по спине:—Настоящий мужик, учиться у него.

Саша чувствовал необыкновенную легкость, голова кружилась, и плыли перед глазами зажженные окна, расплывались качались.

— Еще плюсни.—Он протянул Кольке стакан.

— Хватит.—Колька забрал стакан, передал его кому-то.—У нас еще дело есть. Ты ведь свободен сегодня?

— Конечно. Я теперь всегда свободен.—В тот момент ему думалось, что так и есть, что никому он не нужен, кроме этих чудесных ребят, кроме рыжего Кольки—славного парня. А мать? У матери супермен есть, а Саша ей только в тягость...

— Прекрасно.—Колька встал.—Пошли, Сашок, поможешь мне.

Они шли куда-то—Саша не очень-то хорошо соображал после выпитой водки, потом где-то остановились, подождали еще двоих. Те двое о чем-то шептались с Колькой—Саша не прислушивался. Наконец двинулись дальше.

Минут через двадцать все остановились у глухого деревянного забора, за которым чернел дом. Или там уже спали, или хозяев просто не было дома. Колька прислонил Сашу к забору, сказал:

— Мы тут к одному дружку зайдем: он нам кое-что должен, все забывает отдать. А ты постой, подожди нас. А если кто мимо пойдет, свистни. Свистеть умеешь?

— Умею. А зачем свистеть?

— Чтобы свидетелей не было. Дружок у нас нервный, склонный, зверт ненароком. Жаден он до ужаса: ему лишь бы долг не отдать. А это нечестно. Нечестно, а, Сашок?

— Нечестно,—легко согласился Саша.

— И я так думаю. Ну, счастливо оставаться...

Они толкнули калитку, вошли в сад, а Саша остался стоять у забора. Он медленно трезвел, соображал, что не на свидание с другом отправился Колька с партнерами. Непохоже на то. Уйти бы... Но ведь он обещал! И Саша стоял, переминался с ноги на ногу. Вдруг в конце улицы увидел фары автомобиля. Он сунул в рот два пальца, свистнул и побежал прочь от забора, от этих ослепительных фар, которые все приближались. Услышал позади топот, обернулся: его нагонял Колька.

— Беги, Сашок, милиция!

Но фары были уже совсем рядом, осветили и Сашу и Кольку, и бежать было некуда...

...Таня Николаевна отошла от окна, села за свой стол, снова превратившись в строгого лейтенанта.

— Статья сто сорок четвертая?—спросил я.

— Изучили уголовный кодекс? Похвально. Только к Саше мы ее не применяли. Зачем? Запутался мальчик, не знал ни о чем. Я с ним не раз говорила: парень он чистый, искренний, добрый.

— Как же он дальше жить будет?

— Трудно сказать. Хочет уйти из школы, поступить в художественно-промышленное училище. Мы с ним уже были там, показывали его работы. Говорят, есть талант.

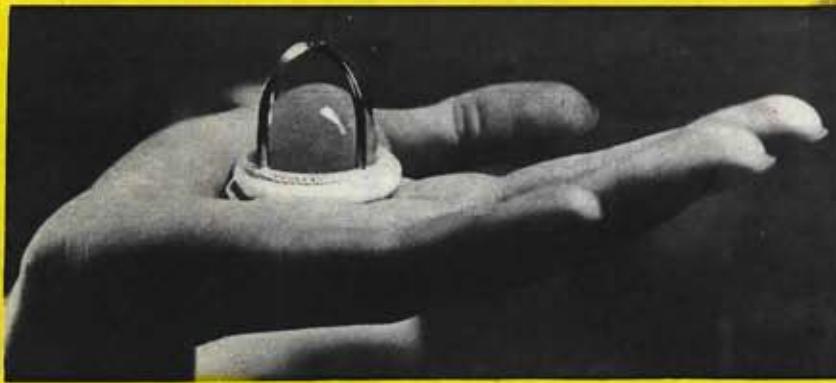
— А дома?

— Что дома?—Таня Николаевна помрачнела.—Плохо дома. Мать чуть с ума не сошла.

— А муж ее?

— Считает, что он здесь ни при чем. Чужой он. Даже жене своей чужой...

...Я вышел из отделения милиции, пошел по двору к доминому столу, где час назад сидели Саша и его приятель Витка. У скамейки валялась смятая страница блокнота. Я подобрал ее, развернула. Черным фломастером на ней был нарисован толстый человечек, зажавший в кулаке большую ромашку. Человечек был смешной, а улыбался почему-то невесело...

Наука: медицина

сердц,

СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ:

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА ПЯТИЛЕТКИ ЧИСЛО БОЛЬНИЧНЫХ КОЕК В СТРАНЕ УВЕЛИЧИЛОСЬ НА 274 ТЫСЯЧИ;

В УЧРЕЖДЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПРИШЛИ РАБОТАТЬ 182 ТЫСЯЧИ МОЛОДЫХ ВРАЧЕЙ И ПРОВИЗОРОВ, 530 ТЫСЯЧ СРЕДНИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ.

ОТМЕЧАЯ ОДНУ ИЗ ГЛАВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ СКАЗАЛ: «НАУЧНЫЙ ПОИСК И НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ЗАБОТА О БЛАГЕ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТЕСНЕЕ ВСЕГО ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ, ПОЖАЛУЙ, В МЕДИЦИНЕ, В ЗДРАВООХРАНЕНИИ».

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ РАССКАЗ ОБ ИНСТИТУТЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ХИРУРГИИ ИМЕНИ А. Н. БАКУЛЕВА, МЕДИЦИНСКОМ ЦЕНТРЕ, ВСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРОГО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЯРЧАЙШИЙ ПРИМЕР ИМЕННО ТАКОГО ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ.

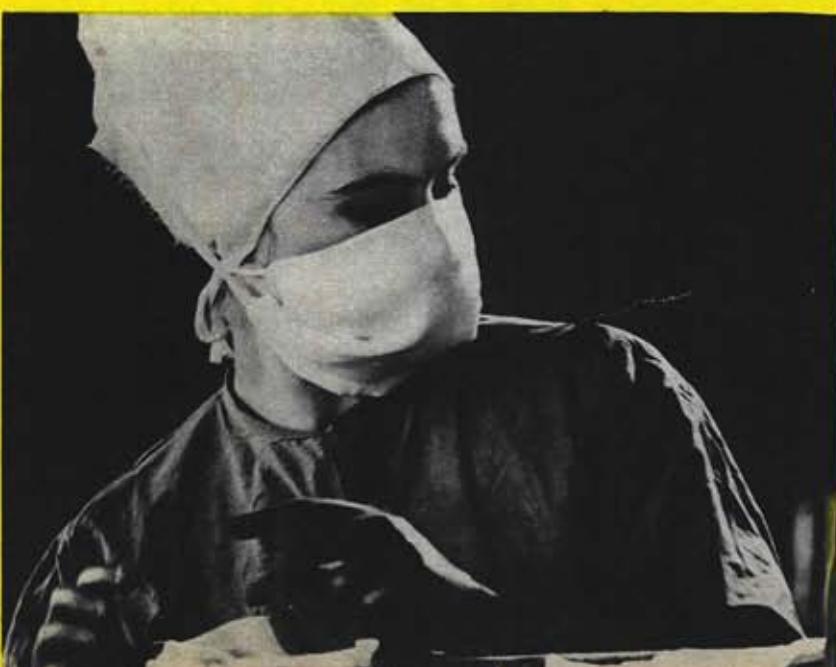
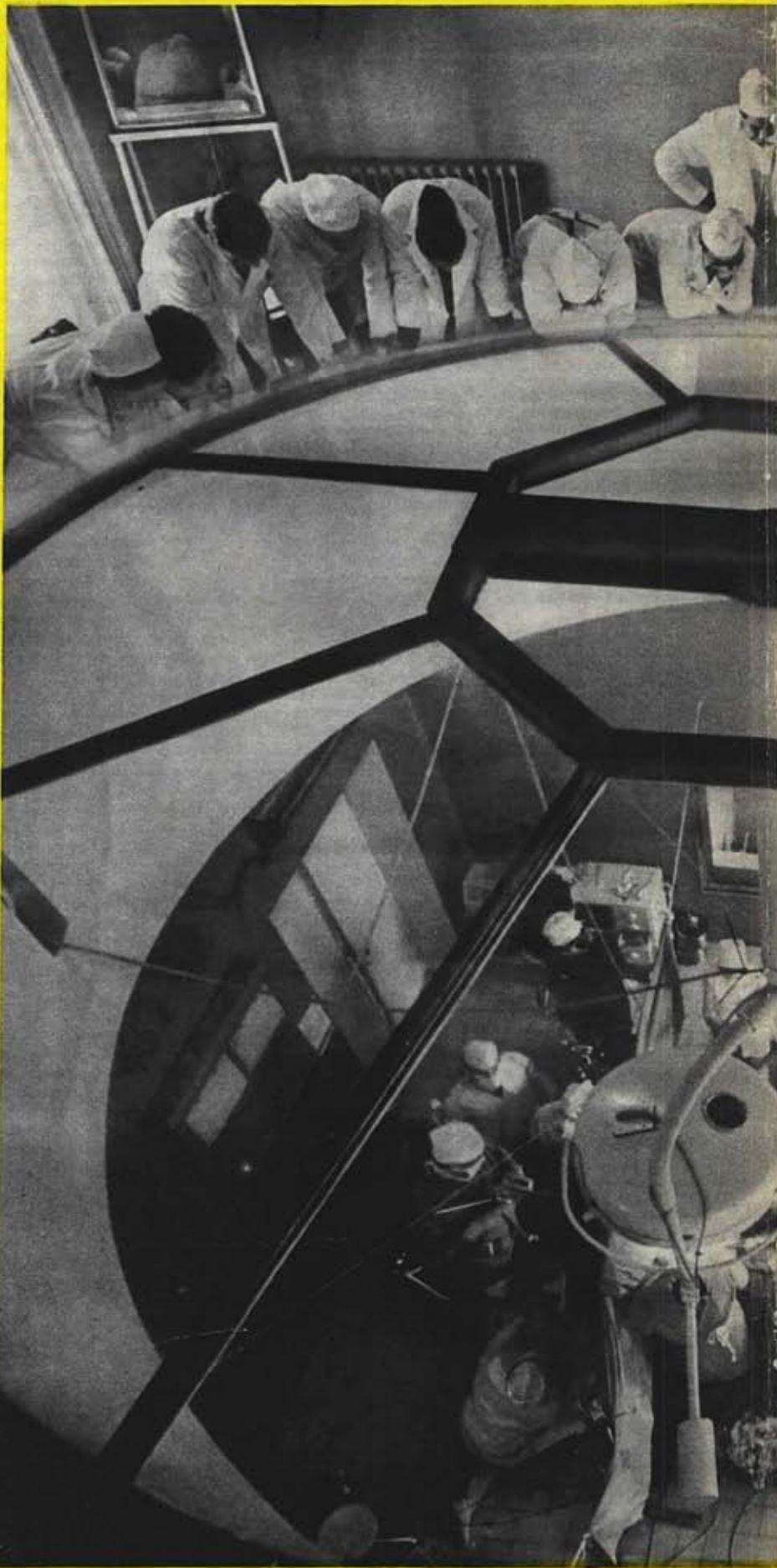
Статистика утверждает, что ежегодный прирост коронарных больных в мире составляет около 10 миллионов человек. Статистика утверждает, что болезням сердца подвержены по преимущественно мужчины, преимущественно северяне, преимущественно курильщики, преимущественно люди, психически ненравновешенные, преимущественно те, кто чаще испытывает отрицательный стресс, преимущественно... и так далее. Поисками панacea от инфаркта, этого наиболее массового недуга человечества, заняты тысячи клиник, лабораторий, энтузиастов-профессионалов и любителей всего мира. Авторитетные и менее авторитетные издания, специальная и массовая периодическая печать регулярно посвящают вопросам профилактики и лечения различного рода сердечных заболеваний огромное количество статей, предлагая множество способов уберечься от инфаркта. Как-то: финский душ по утрам, отказ от жирной пищи, алкоголя, кофе, телевизора, курения, телефона, бег на длинные дистанции, размеренный образ жизни, положительные эмоции, горный климат, мумиё—словом, беспредельное число средств, которые не дадут вам умереть от инфаркта.

Но странная вещь, у абсолютно здоровых людей вдруг начинает болеть сердце только потому, что они стали частыми визитерами кардиологов. Им «показалось», и они пошли к врачу. Специалисты ясно дали понять, что они здоровы, а они

не поверили и пошли к другим. Так до тех пор, пока электрокардиограф не зафиксировал отклонения от нормы. К сожалению, так бывает. И медики знают природу подобных заболеваний как психическую.

Бывает и обратное. Коронарным больным делали скальпелем два элементарных надреза на груди, а затем говорили, что они благополучно перенесли сложную операцию на сердце. Больным становилось лучше действительно, ибо они были абсолютно уверены, что теперь их сердце в порядке. Правда, на Западе, где пользовались таким вот хирургическим внушением, не очень охотно сообщали о том, насколько продолжителен его эффект. Как бы там ни было, и этот метод можно причислить к числу гуманных, если он дарует еще три—пять лет жизни больному.

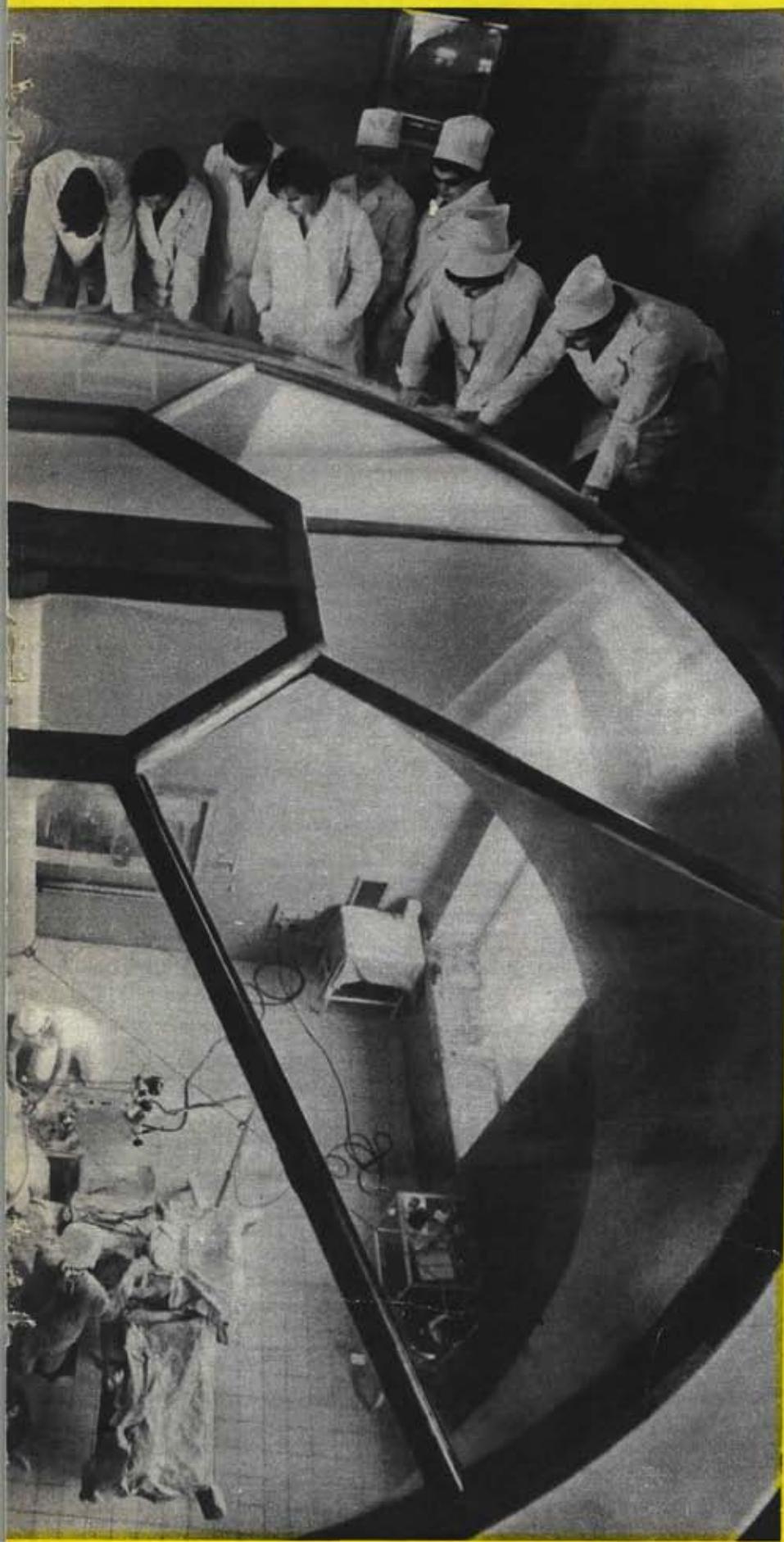
Время от времени мир потрясают сенсационные сообщения о грандиозном успехе врачей какой-либо страны. Вспомните эксперименты Барнарда, Колесова, Демихова, французских, американских, японских врачей. Иным из этих экспериментов суждено было потом стать методами лечения, иным так и остаться экспериментами. Потому что внезапная удача оказывается случайной, потому что у операций на сердце слишком много сопутствующих, трудноразрешимых проблем. И тем не менее наука о лечении сердечных заболеваний движется вперед, через поражения и победы, удачи и ошибки, через тысячи экспериментов к надежным эффективным методам. И наш рассказ—об одном из передовых центров этой науки: об институте сердечно-

СТАРШАЯ ОПЕРАЦИОННАЯ СЕСТРА.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены».

е на ладони

ТИХО! ИДЕТ ОПЕРАЦИЯ.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АМН СССР ПРОФЕССОР В. И. БУРАКОВСКИЙ.

сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева. ...Как же это начинается? Чаще всего человек ощущает резкую боль в груди, ему трудно дышать, боль скользит к левому плечу, к ключице, падает вниз, плохо поддается локализации. Человек обливается потом, его сердце сбивается с ритма. Врач диагностирует ишемическую болезнь, предвестницу инфаркта миокарда. Большой проходит детальное обследование, вживается в свой недуг, начинает смотреть на мир глазами «сердечника». Лечащий врач, который еще несколько дней назад не подозревал о существовании капитана второго ранга Быкова, ныне кардиологического больного палаты № 2, уже знает, что дочь Быкова поступает на юридический, что Быков пьет только сухое вино и крепкий чай, что Быков любит читать английские детективы, что у него были неприятности по службе, что жена Быкова приехала в Москву вслед за ним и живет в гостинице «Алтай». И еще очень многое, что вольно или невольно узнает человек, которому вверяет жизнь другой человек.

Быков тоже теперь знает, что его лечащий врач болеет за ЦСКА, что вступил в кооператив на двухкомнатную, что курит только «Яву», что ему не удалось податься на приложение к «Огоньку» и так далее. Таково необходимое условие их взаимоотношений. Условие полной откровенности и взаимного доверия, без которого невозможно найти единственно верное решение. Операция, которая ему предлагаются, пока еще сопряжена с немальным риском. Но без нее вероятность смертельного исхода еще больше. У Быкова тяжелейшее поражение сердечных сосудов.

Это значит: какой-то из участков сердечной мышцы, не получивший достаточного количества кислорода, постепенно омертвевает. Причина, как правило,—атеросклероз венечной артерии, происхождение которого до сих пор одна из загадок медицины. Развитие атеросклероза приводит к тому, что стени сосудов утолщаются и прерывают доступ крови и кислорода в мышцу. Так вот, хирурги должны исправить закупоренный сосуд, открыть доступ кислорода к пораженному участку. В зависимости от величины пораженной кислородным голоданием зоны инфаркты—следствие коронарной болезни—бываю небольшими или обширными. Впрочем, плох и тот и другой. За небольшим инфарктом, как гонщик за лидером, часто идет более тяжелый.

Быков должен решить, у него есть для этого несколько дней. «Да» или «нет». Или он согласен на операцию, или... Никакого нажима, человек в его положении должен решить сам.

Я спросил одного из хирургов коронарной группы, что он предпочел бы, оказавшись на месте больного. «Я бы привел в порядок свои дела и... испытал единственный шанс».

Коронарная группа. Ее еще называют в институте «командой». И, как у любой команды, у нее есть капитан, профессор Владимир Семенович Работников, хирург огромного опыта, думающий, требовательный, очень организованный. Есть и тренер, вернее «играющий тренер», но о нем речь впереди. Создание группы было продиктовано жизнью, точнее, ситуацией, сложившейся в коронарной хирургии. Где было много смелых экспериментов, но не было твердого, результативного метода. Не было тогда. Состав группы может меняться, в ней много молодежи, основное звено неизменно: Владимир Работников, Эдуард Казаков, Давид Исселиани, Виктор Керцман. Дело, которое они начали в очень тесном содружестве с терапевтами, требовало полной самоотдачи, знаний, практики. Каждый из тех, кого я называл, полностью отвечает этим требованиям. Плюс к этому Казаков очень точный, внимательный оператор. Исселиани—прекрасный диагност, аналитик, к тому же председатель институтского совета молодых ученых, Керцман—хирург и реаниматолог. Работников—то, и другое, и третье, кроме того, он аккумулирует в себе множество идей, но не таит их, напротив, раздает направо и налево, обладает огромной профессиональной и просто человеческой эрудицией, блестящий собеседник. Ему немно-

гим более сорока, остальные значительно моложе. Они давно сработались между собой, знают сильные и слабые стороны друг друга, умеют постоять за себя и свою идею. А это—качество немаловажное. Особенно в диспутах с теми, кто считает, что без крайней необходимости оперировать на сердце не нужно, что до последней возможности надо поддерживать больного терапевтически. Работников и его группа убеждены, что «идти в сердце» надо—чем раньше, тем лучше: во-первых, в начальной стадии болезни оно сильнее, а значит, больше шансов, что сердце выдержит хирургическое вмешательство, во-вторых, никто не может сказать, когда наступит та самая крайняя необходимость, дожидаясь которую можно потерять больного.

Работников не был первооткрывателем аортокоронарного шунтирования, ряд советских и зарубежных хирургов почти одновременно выполнили подобные операции с далеко не одинаковыми результатами. Метод, тогда еще в стадии эксперимента, был вписан в анналы сердечной хирургии, и не больше. Слишком хлопотным, трудоемким, рискованным казался он пионерам. Работникову и его коллегам предстояло отшлифовать метод, отработать технику операции, что было несравненно труднее, чем добиться одноразового успеха. Он взялся сам и увлек других. А руководил им, направлял его членкорреспондент АМН СССР профессор В. И. Бураковский, которого называют «играющим тренером», потому что ни одна серьезная операция не обходится без него, его рук и мысли. Удивительно точных рук и смелых, неожиданных, ярких мыслей. Он распаковывает идеи, контролирует их воплощение, воплощает сам.

От всех предыдущих метод аортокоронарного шунтирования отличался простотой решения. О том, что он очень сложен технически, говорить не приходится. Но пока это единственно верный и наиболее надежный хирургический путь возвращения к жизни тяжелых больных. Итак, представьте ситуацию: перед строителями железнодорожной магистрали встало непредодолимое препятствие, скажем, обвал. Трасса нужна срочно. Что делать? Обойти препятствие и тем самым соединить важнейший объект с пунктами снабжения. Потребуются дополнительные железнодорожные пути. Не страшно, резервы есть.

Эта аналогия, может быть, не очень удачна, зато точна по смыслу. Судите сами, непреодолимое препятствие—коронарный сосуд, закупоренный пробками. Смысль аортокоронарного шунтирования в том, чтобы, экспроприировав у организма больного одну из подкожных вен, ну, допустим, с бедра, использовать ее в качестве обводной магистрали от восходящей аорты к коронарной артерии, минуя ее пораженный участок. Кровь, несущая кислород, вновь начинает питать сердечную мышцу. Теоретически, казалось бы, все просто. Повторяю, техника операции предельно трудна. Вернее, один из ее этапов: наложение анастомоза—вшивание вены в артерию и аорту.

Несложно выделить подкожную вену, к слову сказать, для организма это абсолютно безвредно, кровь мгновенно находит другой запасной путь по так называемым коллатеральям. Относительно несложно войти в сердце, найти, сверившись с данными, полученными способами контрастного исследования, пораженный участок артерии, вскрыть ее, перевести организм на искусственное кровообращение. Дальше—уже волшебство, филигранное рукоделие. В сосуд, диаметр которого редко превышает 2 миллиметра, надо герметически плотно вшить вену, диаметр которой немногим больше. И все это в сердце, точнее, в его левом желудочке, пораженном инфарктом особенно часто, которое у здорового человека чувствительно к малейшим механическим повреждениям, а у больного, перенесшего инфаркт, оно уже разрегулировано, неадекватно к раздражениям, значит, опасность возрастает во множество раз.

Прежде чем пробовать анастомоз в человеческом сердце, Работников и его коллеги тренировались на муляжах, отрабатывали технику, хронометрировали время, за-

трачиваемое на этот важнейший этап операции. Его предстояло свести до минимума: любой, самый совершенный аппарат искусственного кровообращения не в состоянии надолго заменить естественный процесс перекачки крови безболезненно для организма. И еще нужно было огромное самообладание, вера в конечный успех, чтобы не пасть духом после первых неудач. А они были, и тут уж ничего не поделаешь, такова природа любого трудного поиска.

Послеоперационный период—ахиллесова пятя всех тяжелых больных. Самое блестящее хирургическое вмешательство—полдела, если не треть. Ослабленный организм больного, переведенного в реанимационный блок, больше, чем когда-либо, подвержен инфекции, отрицательно реагирует на любые, пусть даже самые незначительные внутренние и внешние раздражители, отклонения. Вот когда дает себя знать множество доселе скрытых недугов, казалось бы, совсем не имеющих отношения к операционной области. Выходить больного—такова задача хирургов, реаниматоров, терапевтов. Выходить во что бы то ни стало. От постели послеоперационного больного не отходит врач, ни на секунду не прекращают работу высокочувствительные приборы, контролирующие деятельность организма. Никто из врачей, ответственных за жизнь больного, не уходит домой, пока есть опасность.

Да, так все и было. И день за днем группа Работникова продвигалась все дальше. Аортокоронарное шунтирование, двойное АКШ, двойное АКШ и одновременно резекция аневризмы. Десять больных, двадцать, пятьдесят, сто. И сто раз вместе с ними переживают смерть те, кто взял на себя ответственность за их жизни и будет делать это еще сто раз и больше. Столько, насколько хватит их самих.

...В том, что возглавил лабораторию гипербарической оксигенации, это абсолютно неизведанное дело, не кто-нибудь, а Лео Бакерия, ныне один из самых молодых докторов наук института, есть, на мой взгляд, определенная закономерность. Вся предшествующая жизнь его состояла главным образом из того, что он сам находил для себя дела, подобные этому, либо эти дела находили его. Наукой занялся на третьем курсе. Работал санитаром на «Скорой», с утра до ночи пропадал в клиниках. К окончанию института уже имел 10 печатных работ, в основном по хирургии. Отличная защита диплома дала право выбрать докторскую тему и остаться на кафедре.

Он выбрал оперативные вмешательства в условиях повышенного давления и охлаждения—гипербарическая оксигенация. Но сначала надо было спроектировать барокамеру. Самому. Идея захлестнула других, появились помощники, вернее, сподвижники—студенты первых курсов, оставшиеся верными Бакерии и идеи по сей день. Сейчас они уже оставленные научные сотрудники его лаборатории. Тогда они начинали с того, что взяли обычный автомобиль, переоборудовали его в экспериментальную барокамеру и разработали методику дистанционного выключения сердца. Попробовали установку на животных. После первой настоящей удачи заняли до стипендии на шампанское, и Бакерия произнес тост за всех присутствующих, в том числе и за первую барокамеру, имевшую тогда весьма непрезентабельную внешность. Она и сейчас стоит в его лаборатории не только как реликвия, но и как подспорье в работе.

Научным руководителем его кандидатской диссертации был академик В. В. Кованов, оппонентом—В. И. Бураковский. И тот и другой признали высокий уровень научной работы, проведенной Бакерии. Кто-то из авторитетов назвал ее весьма интересной, но далекой от ближних проблем хирургии, делом для завтрашнего. Бураковский пригласил Лео на заведование тогда еще не существующей лаборатории. Это было в 1968 году. 29 декабря 1970 года Бураковский и Бакерия оперировали в настоящей барокамере одиннадцатимесячную девочку с тяжелейшим врожденным пороком сердца. Четверо суток с момента операции ни тот, ни другой не отходили от

больного ребенка. Девочка осталась жить. Так наступил день завтрашний. Сейчас в активе Бакерии и его единомышленников более 100 успешных операций.

Что же представляет из себя сам метод? Оперировать можно только на «сухом» сердце. Пережав двенадцать сосудов, выключив тем самым весь кровоток, можно 3 минуты работать на сердце. Только три минуты и не больше, потому что прекращение доступа кислорода к тканям пагубно влияет на организм. Клетки начинают умирать от кислородного голода. Остановка кровообращения в сочетании с холодом позволили увеличить время оперативного вмешательства до 6 минут. Но и этого катастрофически мало для того, чтобы исправить серьезный порок. Выход? Насытить организм кислородом в период операции. Сделать это можно, создав повышенное атмосферное давление в помещении операционной. Вот тут-то и нужна барокамера. Доводя внутри нее давление до трех и более атмосфер, хирурги создают зону повышенного кислородного наполнения. В условиях барокамеры организм больного с остановленным кровообращением продолжает получать кислород в количестве, достаточном для поддержания жизнедеятельности клеток и тканей.

Хирург, оперирующий в барокамере, испытывает примерно то же, что и водолаз на больших глубинах. Поэтому к работе в ней допускается не каждый. Любое движение без привычки дается с трудом, резь в ушах, ощущение головокружения, слабости. Нужна длительная тренировка и абсолютное здоровье, чтобы преодолеть высокие физические нагрузки, возникающие при повышенном давлении и декомпрессии. Через все это пришлось пройти Бакерии и его коллегам. Сейчас они, по собственному выражению, чувствуют себя в своей «бочке как рыба в воде...

...Представьте себе, что, почувствовав боли в сердце, вы идете к врачу и выясняете, к великому сожалению, что ваше сердце, увы, пора менять, как приходится менять автомобильный двигатель, честно проживший свой век. Делать нечего, вы направляетесь в ближайший специализированный магазин и подбираете себе сердце соответствующего размера и даже, если хотите, фасон. Потом вам его быстренько вшивают, и вы вновь бодры и здоровы. Абсурд? Не совсем. Пусть не скоро, пусть не в магазине, пусть не вам, а вашим детям, внукам, дожившим до преклонных лет, но наступит время, когда врачи предложат сменить сердце с той же простотой, с какой предлагают сейчас сменить разрушенные зубы на искусственные. Ибо, какой бы чувствительностью ни обладало сердце, оно в принципе всего лишь мотор с клапанами и приводами. Главное в решении проблемы искусственного сердца—преодолеть барьер несовместимости, то есть найти такой материал, который прижился бы в организме человека. Такой материал будет найден.

В одной из лабораторий мы видели стенд, на котором проходили испытания экспериментальные клапаны, созданные сотрудниками лаборатории. Полностью имитировалось артериальное давление, давление при открытии и закрытии клапанов, в различных режимах работы сердца: «человек отдыхал», «человек работал», «шел», «бежал», «смеялся», «огорчался» и так далее. Различные по размеру клапаны представляли из себя довольно простую конструкцию—шарик небольшого диаметра, заключенный в каркас, который опоясан кольцом; нержавеющая сталь высокой чистоты полирована, селиконовый катушка, второпласт. Сталь нетрамбогенна, но тяжела. Ученые ищут ей замену. Здесь же проходят испытания сосуды из лавсана и фторлона, необычайно легкие и пластичные.

А потом мы держали на ладони сердце. Искусственное. В мельчайших деталях повторяющее настояще, человеческое: те же сосуды, предсердия, контур, вес. Но не столь хрупкое и ранимое. Казалось, оно должно вот-вот забиться. Но оно было мертвое. Еще не настало его время. Настало. Да, кстати, о нашем пациенте: взвесив все «за» и «против», Быков согласился на операцию...

Книги, о которых говорят

Валерий ГАНИЧЕВ

СУД НЕОТВРАТИМЫЙ

далекое ангарское село Атамановка салютовало в честь Великой Победы. Это был не громоподобный державный церемониал, но все-таки «пальба», какой Атамановка сроду не слышала.

Наверное, по всей стране в этот день раздавались такие беспорядочные, совсем несмертельные выстрелы. Это был торжественный и скорбный салют.

«Бабы бросились друг к другу, закричали, заголосили, вынося на люди и счастье и горе и вмог отказалось, надсадившиеся терпение; забегали, засновали ребяташки, оглушенные новостью, которая в них не амблаялась, была больше всего, что довелось им до сих пор испытать...» Люди достали и оделись в лучшее, что хранили годами, ребяташки тут и там поднимали над воротами, над избами самодельные флаги...

Окинь единим взглядом тогда Россию—она вся покрывалась кумачом тяжелых заводских знамен, полинялых на ветру сельсоветских флагов, узеньких пионерских вымпелов. Не было человека и в Атамановке, который не радовался бы счастью, не стремился поделиться известием.

И когда кто-то усомнился в новости, уже изрядно выпивший нарочин из соседней деревни с трудом поднялся, и в глазах его блеснули слезы: «Я придумал?.. Кто посмеет, чтобы привыдумать! Вы соображаете, о чем говорите?.. Да у кого зла хватит, чтобы придумать?..» Тогда зашумели, попросив прощения за напраслину у нарочинного, а сообщив новость последнему, не ведавшему ее дедушке, все повернули и сами: кончились войны. И только вдовы с тревогой думали о том, что теперь ясней, резче, безжалостней обозначится счастье одних и несчастье других. Бесстрастно, как на счетах, перечисляют тех, кто вернется с фронта, бухгалтер Иннокентий Иванович. Их немногого. Всего шесть человек. Не только Западная Россия, Белоруссия, Украина, где прошел каток войны, но и далекая Си-

бирь «обезлюдела мужиками». Вернувшись в деревню без руки, еще до победы, Максим Вологжанин (сцена его возвращения—одна из самых волнующих в повести) первым во вседеревенском застолье по праву произносит горькие, прочувствованные слова: «Много у нас потеря. Там, где прошла война, земля приподнялась от могил. Земли стало больше, а рук меньше... Ни за что бы нам не выдержать без вас, кто оставил здесь. Потом что мы тоже...» Наша Атамановка тоже маленько подмогла. И мы там воевали, и вы здесь работали. Поднимемся, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день и на веки вечные запомним его. Не было еще такой войны, и не было, выходит, такой победы. Отметим, люди!»

И только за рекой, за Ангарой, в зимовые сидел человек, который не мог разделить радость с людьми. Андрей Гуськов лишил себя этой радости, отстранился от людей и, хотя всеми силами стремился спасти свою жизнь, был уже обречен на умирание.

Его отчуждение началось с того самого момента, когда, возвращаясь из новосибирского госпиталя, он вопреки предписанию сел на поезд, идущий в обратную сторону от фронта. В Иркутск, к своим, ненадолго... «Ведь не железный: больше трех лет войны, сколько можно. Сколько мог, я дюжил. Я же не сразу. Я принес свою пользу...» Но с каждым километром, приближаясь к дому, он все больше отдалялся от тех людей, к которым ехал.

Поэтому-то дрогнул он и не попал сразу к своим, прибыв в Иркутск, откуда уже рукой было подать до деревни, жены Настены, матери, отца, всех односельчан. И в этом отступлении ради жизни он идет к тому гибельному состоянию, когда «во всю близь, во весь рост перед ним стояла смерть, зашедшая на этот раз для верности со спиной, чтобы не смог уйти».

Он, радуясь, что спасся, вдруг все больше понимает, что бесмысленно его движение к родным и близким. Он не нужен им в этот миг, когда все едини в горе и надежде. Начинается его отход от человеческого, от того, что было в нем раньше.

Из трясины безвыходности и от неминуемой кары может спасти, кажется, только другая воля или чья-то высшая добродетель. Она как будто и является в лице Настены. Да разве и не есть его Настена так же, как вдова Надька, досрочно обретшая живого мужа Лизы и все атамановские бабы, святая великомученица! Не бесстеснностью своей и вегетарианской правед-

ностью святы они. Все могут перенести, из беды выловить, на гибель пойти из-за родных своих. Гоголевской возвышенностью проникнуты слова Максима Вологжанина, обращенные к ним: «Что говорить?! Ни за что бы нам не выдержать без вас, кто оставил здесь. Потом что мужик воюет, а баба кормит, мужик ненавистью на врага исходит, а баба за тыщи верст сердце его собой да семьей мягчит, чтоб не взялось оно камнем. Ни черта бы мы без вас не сделали...»

Может быть, Настена и оживит Андрея своей любовью, своей многотерпимостью и податливостью? Он надеется на это и хочет переложить на нее весь груз гражданской ответственности—ведь для нее вернулся же.

Настена, своим женским естеством чувствуя катастрофу, пытается очеловечить его, отогреть, безропотно взваливая на себя непомерную тяжесть соблазнования. Но вся ее жизнь, ее нравственная чистота и совестливость, ее соединимость со всеобщим делом отторгают это воровское, потавленное и «заяланное» счастье. «Что я, не работала всю войну, не старалась? Меньше других силушки отдала, чтоб наступил этот день?»—думает она в День Победы, «возвращая себя к людям». И эти переходы из одного состояния в другое подтачивают и испепеляют ее. Чувства ее, привыкшие к жизни простой и понятной, были надорваны.

Гуськов, понимая, что в этом мире у него нет больше шансов для оправдания, хочет дать жизнь новому существу, надеясь увидеть в нем смысл для продолжения своего существования. «Ребенок—все наше спасенье. Ты тоже в этом деле можешь не маленько заяляпань. А ты совестливая—тебе не спокойно. Родишь—будет легче».

Но отношения с обществом, с совестью нельзя урегулировать за счет других. Кара неминуема. Андрей звереет все больше. Его первые волчьи завывания кажутся нелепыми, но зверская расправа с теленком уводит от человеческого все дальше в дикость, когда даже корова глядела на него с ненавистью. Только недавно, кажется, ластился он к Настене, к будущему ребенку, а уже в предпоследней встрече исступлению кричит: «Больше сюда ты не показывайся, все равно ты меня не увидишь. Но запомни еще раз: скажешь кому, что я тут был,—достану. Мертвый приди и требуй».

«А дальше все покатилось, как под горку, и под горку круто». Нарыв лопнул, «а прило-

жить к ране нечего». Вся испепленная, едет Настена в свой последний смертельный рейс. «Стыдно... Почему так истощено стыдно и перед людьми и перед собой? Где набрала она вины для такого стыда? Что теперь с ним делать?» Стыдно... Всякий ли понимает, как стыдно жить, когда другой на своем месте сумел бы прожить лучше? Как можно смотреть после этого людям в глаза? «И тихо, осторожно, храня последнее дорогое, свой плод, перевалилась в воду, где у самого дна всплынула спичка». Гуськов бежал. Настену похоронили. «После похорон собирались бабы у Надьки на неудренные поминки и всплакнули: жалко было Настену»...

О чём же все-таки эта печальная и грустная повесть? О дезертире, катастрофе сочувствия, о страхе и подлости? Нет. Она о грозной войне, о ее трагедиях, о

великом подвиге советского народа, о неизбежности расплаты по счету Славы и по счету Позора, о святости нашей трудной Победы.

Может, и остался физически жить Гуськов, и существует он в лице неприметной, «застиранной». Может, живет и кто-то другой, отступивший от правого дела. Не завидуют они сами себе, просыпаясь в липком поту от сознания грязности и подлости своей, от разумения того, что несут они смерть близким и обрекают на гибель свой будущий род. И стучит им в виски отработанная, черная кровь, и бьется истрепанное в корках сердце, и зловещей тенью встает перед ними укор совести, прошитой гнилыми нитками подлости.

И кажется, нет большей кары, чем уготованная им,—жить и помнить о совершенном отступничестве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

- 1961 г. В альманахе «АНГАРА» (№ 1) опубликован первый рассказ Валентина Распутина «Я ЗАБЫЛ СПРОСИТЬ У ЛЕШКИ...».
 1966 г. «КРАЙ ВОЗЛЕ САМОГО НЕБА». Книга очерков и рассказов. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство.
 1967 г. «ЧЕЛОВЕК С ЭТОГО СВЕТА». Рассказы. Красноярское книжное издательство.
 1968 г. «ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ». Повесть и рассказы. М., «Молодая гвардия».
 1971 г. «ПОСЛЕДНИЙ СРОК». Повести и рассказы. Библиотека «Молодая проза Сибири». Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство.
 1972 г. «ВВЕРХ И ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ». Повести. М., «Советская Россия».
 1975 г. «ЖИВИ И ПОМНИ». Повесть и рассказы. М., «Современик». В 1976 г. в издательстве «Молодая гвардия» выйдет однотомник В. Распутина, куда, кроме ранее опубликованных, войдет новая повесть.

ПИСАТЕЛЬ ВАЛЕНТИН РАСПУТИН.

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

P

ебята разошлись по своим делам, в нашей комнате было непривычно тихо. Я придвигнул к себе телефонный аппарат и набрал Варин номер.

— Здравствуй, Варенька... Я тебя ужасно хочу увидеть...

— И я...

— Варюша, у нас сегодня дела есть, если оно не получится, я освобожусь рано, и мы весь вечер будем вместе... Ты ведь с полуночи дежуришь?

— Да. А если получится?

— Тогда не знаю. Дня три меня не будет, если получится...

— А как ты больше хочешь: чтобы получилось или сорвалось?

— Не знаю, Варюша... Мне хочется и того и другого...

— Но так ведь не бывает...

— Не бывает. Дождись меня, Варюша,—сказал я неожиданно упавшим голосом.

Она помолчала, что-то негромко шуркало в трубке, будто мыши скребли где-то под землей провода, потом она спросила:

— Ты расстроен? Или волнуешься?..

— Нет, не расстроен я и не волнуюсь. Я все время о тебе думаю. Я не успел тогда тебе сказать очень важную вещь...

— А сейчас?..

— Нет, по телефону нельзя о таком говорить. Я хочу твои глаза видеть...

— Вот и скажешь сегодня, если сорвется. Или через несколько дней.

— Да, но мне хочется поскорее...

— И мне хочется скорее. Я тебе не рассказывала про Ветлугину?

— Нет...

— Мы с ней учились в школе. Она была голенастая, некрасивая, в очках. Зимой она ездила за город, собирала голые, замерзшие прутья и ставила их дома в бутылки, банки, и среди снегов и морозов у нее распускались зеленые листочки. В феврале в комнате пахло топилиным медом. И еще у Ветлугиной была собака—дворняга Пунька, ее убило осколком, когда мы дежурили на крыше во время налетов. Пунька лежала у нее на коленях, и Ветлугина горько плакала. Я ее тогда считала придурочкой: столько горя кругом, а она из-за дворняги плачет. И что?

— А теперь я ее понимаю, я теперь знаю, почему она плакала. Я ее вообще только сейчас стала понимать...

— Вы с ней раздружились?..

— Ее под Секешфехерваром убили... Она мне часто снится, будто хочет объяснить то, что я тогда не понимала. Я тебя люблю, Володенька...

И снова справки—работницы железнодорожного наркита по имени Аня или чем-то похожие на нее.

— Анна Кондырева, официантка, 24 года... Анна Ерофеева, шеф-повар, 28 лет... Анна Букс, уборщица, 19 лет... Анна Дьячкова, 24 года, завпроизводством...

Не знаю, была ли среди них интересующая нас Аня, но тех, что там были, я запомнил.

Около трех за мнай зашел Жеглов, он где-то добыл талоны на спецпитание, и мы с ним отправились в столовую, где обед нам дали прямо царский: винегрет с кильками, флотский борщ со свиным салом и гуляш с пшеничной кашей. И кисель на третью. А перед тем Жеглов заглянул на хлеборезку и долго любезничал с Валентиной Бахмутовой, улыбался ей и так далее, ну, она ему и отжалела еще полбуханки белого хлеба. Так что отбедали мы с ним знатно. Жеглов посмотрел, как я упираюсь в обе щеки, пощеккал языком:

— Ну и нервы у тебя—позвидуешь! Мне и то в горло кусок не лезет, а тебе хоть бы хны...

— Вижу я, как у тебя кусок не лезет—тарелку мыть не надо...

Мы с ним шутили, посмеивались, а меня все время мучило желание сказать ему, что, если, не дай бог, конечно, что-то случится со мной, чтобы он о Варе позабылся. Ничего и не должно случиться, все-таки я не Вася Векшин, да и урок пошел мне впрок, но все-таки беспокоился я немножко за Варю, хотелось мне хотя бы что-нибудь для нее сделать. И все же не стала я ничего говорить Жеглову, он ведь мог подумать, что я сильно дрейфлю.

Всегда мы с ним из-за стола, и он сказал:

— Хорошо мы посидели с тобой на дорожку...

— Да, хорошо,—сказал я.

— Значит, когда с ней расстанешься, ты на Петровку не ходи—они за тобой протопатят могут, ты ведь «хвоста» за собой еще чувствовать не умеешь...

— Хорошо. Я в кино пойду. В «Повторный». Оттуда из автомата позвоню...

— Договорились. О месте второй встречи ты не спорь—пускай они сами назначают: им это будет спокойнее, а мы посты наблюдения подтянуть успеем...

Я хотел попрощаться с ребятами, но Жеглов сказал:

— Не надо церемоний. Такие дела тихо делают. Поехали, Копытин уже ждет нас.

Мы спустились во двор, где Копытин на корточках сидел около «фердинанда» и, что-то рассматривая под ним, недовольно качал головой.

— Поехали, отец, некогда на резину жаловаться...

Молча доехали мы до Камерного театра, Копытин свернулся в тихий переулок и затормозил. Я достал из карманов милицейское удостоверение, комсомольский билет, паспорт, жировки за квартиру, записную книжку, немецкую самописку и свою верхнюю, уже потершившуюся до белого стального блеска «ТТ». А больше у меня ничего не было. Протянул Жеглову, он это все распихал у себя, а мне дал носовой платок Фокса с завернутой в него запиской и справку об освобождении, где было сказано, что мне изменена мера пресечения на подписку о невыезде.

— Все, время вышло, иди. И не волнуйся, мы с тебя глаз не спустим. Ни пуха ни пера тебе...

— Иди к черту...

— Шарапова!—окликнул меня Копытин.

Я обернулся. Он не знал, куда и зачем я ухожу, но он ведь столько лет здесь крутил баранку!

— На тебе, защемит коли, потяни—легче на душу станет,—и отдал мне свой кисет с самосадом.—Там и газетка внутри имеется...

— Спасибо, Копытин. Может быть, сегодня вечером верну твой кисет...

— Дай-то бог...—Он щелкнул своим костылем-рукостью, и я выскочил на улицу.

Я шел по пустынному, залитому серым осенним дождем Тверскому бульвару, и сумерки сочлились из грязного тумана, повисшего на голых руках ветках совсем уже облетевших деревьев. И старался изо всех сил не думать о Варе, вдруг сердцем открывшей для себя голенастую, некрасивую девочку Ветлугину, лежащую в тысячах километров отсюда под деревянной пирамидкой с красной звездочкой. Кем ты была на фронте, добрая душа, плакавшая над убитой собакой Пунькой? Связисткой? Саннинструктором? Наблюдательницей ВНОС? Техничкой в БАО? Зенитчицей? Машинисткой в штабе?.. Ах, бедные, сколько нечеловеческих тягот вам достались! Я хотел представить себе лицо Ветлугиной, но перед глазами, как в замедленном кино, проплывали только лица Ань, которые я так тщательно запоминал сегодня—молодые, потрепанные, красивые, отвратительные,—а лица Ветлугиной я представить не мог...

Я прошелся пару раз около памятника Тимирязеву, который успели поставить на место после того, как его сбросило взрывной волной от полутонной бомбы. Только треснувший цоколь был вымазан цементом. Глазами я старался не рыскать по сторонам, а только глядел на памятник, будто ничего интереснее для меня вокруг не было. И все-таки вздрогнул, когда похлопали меня по плечу сзади и голосок с легким хрипотцой спросил:

— Алё, это ты меня спрашивал?

Я повернулся не спеша и увидел хорошенькую мордашку лет двадцати двух, лицо удлиненное, белое, чистое, лоб узкий, переносье широкое, нос короткий, вздернутый, треугольной формы, губы пухлые, подбородок заостренный, уши немного оттопырены, рост средний, волосы светлые, крашеные, особых примет не заметно, и прежде, чем заговорил, уже знал, что в просмотренной мной картотеке ее не было. Наверняка не было.

— Не знаю, может быть, и тебя, если ты Аня...

— Я-то Аня, а ты что за хрень с горы?

Глазки у нее были коричнево-желтые, веселые и нахальные. Я повернулся, отошел к скамейке, уселся, положил ногу на ногу, закурил свой «Норд», так что и ей пришлоось хочешь не хочешь садиться на мокрую, холодную лавку.

— Тебе бабка Задохина передала, зачем я звонил?

— Ну, допустим, передала. И что из этого?

Я старался в лицо ей не смотреть, чтобы совсем успокоиться и найти свою игру. И, кроме того, что-то в ее поведении меня отталкивало; она ведь не артистка, ей никогда в жизни так не наиграть веселого равнодушия. А это рвало мой план. Допустим, я ошибся в своих расчетах,

и Аня не так уж сильно волнуется за своего распекенного Фокса. Но тогда бы она ни за какие коврижки не вышла на встречу со мной...

— Значит, штука такая: Фокса твоего прищучили впервые.

— А тебя, мусора, попросили передать мне об этом?—спросила она и улыбнулась, и во рту у нее тускло блеснули две стальные «фикссы». И сизый их блеск меня тоже насторожил.

— Мне чхать на то, что ты там бормочешь или думаешь. Но мы с Фоксом три дня на одних нарах валялись, и он меня попросил помочь. Вот я и мокну здесь с тобой, дурой...

— Ты не собачься, а дело говори, если звал. Мне тоже нет интереса здесь сыреть с тобой,—сказала она, зябко передернув плечами: от холода она постукивала ногами в резиновых ботинках-полумерках, старые эти ботинки на знаменитой подруге Фокса мне и вовсе не понравились.

— Записку он передал со мной.—Я протянул ей скатанную в толщину спички бумагу и носовой платок Фокса. Она жадно схватила записку и тут же стала разворачивать, а носовой платок механически вернула мне. Она не знала этого яркого шелкового платка с вензелями по углам.

Про себя я тихонечко засмеялся, хотя и сам не знал, радоваться или огорчаться своей первой удаче. Я их раскопал. Я не случайно не признал в этой красульке ни одной из этих Ань, которых я запоминал по фотографиям. Со мной рядом сидела на мокрой бульварной скамейке не Аня. То есть, может, и Аня, да не та. Конечно, «подсадная». Это какая-то воровская подружка, которая при них толком знать ничего не знает и которую запустили ко мне для проверки. И сейчас мне в спину наверняка смотрит не одна пара глаз, ждут с нетерпением, не буду ли я хватать и волочь в острог эту козу, уверенный, что мне удалось зацепить настоящую Анию.

Ну, что же, это уже хорошо.

— Тут написано, что шлет он живой привет—на словах, значит, скажешь?—спросила недоверчиво «Аня».

— Скажу,—кинулся я.

— Так говори, не телись...

— Ты, никак, грамотная? Ты там все прочитала?

— Все!

— Не видать, чтобы ты все прочитала. Там написано: обувь, однень, накорми и будь с ним ласкова! Понимаешь, ласкова?

— Не время сейчас тут ласкаться. Потом, вечерком, я тута приласкаю...

Я посмотрел на нее с усмешкой, цыкнул слюной метра на два сквозь зубы, засмеялся:

— Видел я твои ласки на бумаге. Фокс сказал, что, коли доставлю тебе записку, а главное, объясню на словах, что и как у него с мусорами на киче происходит, то получу за это пять тысяч. Вот мне какая ласка нужна! С пятью кусками меня и так кто хошь приласкает...

Глазки у нее от этого стали еще хитреи:

— Пожалуйста, получишь ты свои пять кусков. Расскажи, что там и как, а вечером получишь...

— Иши, какая ты ушлай! Может, ты мне их через бабкин телефон переведешь? Паскудный вы народ, бабы! Там твой мужик парится, а ты несчастные пять кусков жмешь, жизнь его под корень сводишь...

— Да иди ты... Тоже мне поп нашелся стыдить меня! Нет у меня с собой денег! Домой съезжу и привезу тебе, ужришь!..

— Во-во! Поехай домой, возьми деньги и приезжай снова. И запомни: Фокс мне сказал, что шансов у него для на два—на три осталось, потом переведут его в Матросскую Тишину, и тогда хана! А сейчас еще остается шанс выскочить. На тебе его платок, он мне зачем-то велел отдать обязательно! И вали за деньгами, я сюда через два часа снова подгреблю...

На ее маленьком лобике четко обозначилась сиротливая морщинка—она думала, ей надо было принять решение, или, может быть, вспомнила она запасной вариант, которым бандиты должны были обязательно ее снабдить.

— Мне далеко надо ехать,—сказала она наконец.—Давай так договоримся: встретимся с тобой на Первой Мещанской, угол Банного. Там еще булочная есть. Вот около этой булочки в польском. Сделано?

— Мне туда тоже далеко... отсюда. Да черт с тобой! Только гляди, без фокусов—я деньги вперед пересчитываю, ты не думай, не лопух...

Она кинула и ухмыльнулась, и мне показалось, что в сизой ее стальной ухмылке было злорадство.

— До вечера, пока,—махнула рукой и пошла в сторону Никитской. И ни одного из наших я поблизости не видел. А ведь где-то здесь был и Жеглов, и Пасюк, и Коля Тараскин, но я их никого не видел.

Пошел в кинотеатр повторного фильма. В четыре тридцать там шла картина «Светлый путь», я взял билет и вошел в вестибюль. И еще в кассе заметил, что около меня встает парень в сапогах-гармошках, штанах с напульсником и косынкой чечечкой из-под модной «малокопечки»—крохотной кепчинки с узеньким козырьком и пуговицей в середине.

Я добросовестно осмотрел фотографии всех киноартистов, которые были размещены в вестибюле, и, переходя от стены к стене, углом глаза видел, как рядом мелькает «малокопечка». Потом спустился на первый этаж, и в уборной рядом со мной уже ныряли среди лиц и спин косая чечечка над юркими мышными глазками. И недалеко от автомата в упор меня колынули этот настороженный взгляд. Ну, что же, значит, и они решили меня не отпускать, и мое предположение оправдано. Я бесцельно покрутился еще несколько минут—надо было дать Жеглову доехать до места. И автомат был, как назло, не в будке, а просто висел на стене. Пошарил я в кармане, нашел пятнадцатикопеечную монету, юркнула она беззвучно в щель, и, прикрывая на всякий случай диск ладонью, набрал я на номер. А за спиной все ошивались молодец в «малокопечке».

Один только гудок раздался в трубке, и Жегловский быстрый баритончик плюснулся мне в ухо:

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Слушаю!
— Мания? Это Мания? — неспешно начал я.— Мания, это я, Володя...

— Шарапов, слушаю тебя, говори...

— Да как же я теперь приеду, когда у меня права забрали?

— Они что, рядом с тобой? Шарапов, ты знаешь, что за тобой «хвост»?

— Так я об этом и толкую! Никак мне теперь без прав. Но, я думаю, числа, может быть, девятнадцатого или двадцатого выберусь я к вам...

— Володя, тебе назначили встречу между семью и восемью вечера? Я тебя правильно понял?

— Ну, конечно, не от меня же это зависит. Я точно так и постараюсь. Где-нибудь посередине...

— В девятнадцать тридцать? Правильно, Володя? Я тебя понял?

— Ну, конечно, ты ведь баба сознательная. За это и ценю тебя...

— Сориентируй по месту!

— А чего там! От моего дома прямая дорога, чешу себе по солнцу — и привет!..

— На Сретенке? — быстро спросил Жеглов.

— Не-а... От колхоза нашего асфальт идет...

— От Колхозной площади? На Мещанке?... — Я чувствовал, что Жеглов просто дрожит на том конце провода.

Зазвонил первый звонок, открылись двери в зал, надо было кончать.

— Ага, конечно. Как на большак выедешь, там уже не съешьсяся. Пятый поворот, коли память не сшибает...

— Угол с переулком?..

— Ага, бог даст, и я к вам приеду, Мания...

— Переулок Астраханский? Капельский?...

— Нет, Мания, не смогу, попозже...

— Банный?..

— Это точно! Там и для детишек с хлебушком будет посободнее...

— Ты про булочную на углу говоришь? — надрывался,

выходил у телефона Жеглов.

— Верно, Мания. А? Да в кинишку намылился сходить, времени у меня теперь навалом. Ну, прощевайтесь там, деток своих целуй. А я постараюсь выбраться к вам...

И повесил трубку, обернулся — юркнула в толпу, затерялась коричневая кепочка. Разговор он весь слышал.

В зале этот поганец тоже сидел все время за мой спиной, ряда на два подальше, и его присутствие меня невольно нервировало. Почему-то все время стоял у меня перед глазами прибитый ножом к лавке Вася Векшин. На экране пела, плясала, стреляла глазками Любовь Орлова, двигалась она своим замечательным путем от девчонки-замараши до знатной стахановки, но, честно говоря, ничего я не запомнил из этого фильма, потому что не до него мне было. В зале было душно, плавал кислый запах мокрого скунса, пота и гуталина, люди вокруг меня хохотали и топали ногами, а я сидел и думал о том, что дело, похоже, не сорвалось, и сегодня уж, конечно, мы с Варей не увидимся, а с двадцати ночи у нее дежурство — ей три посто-смены осталось до демобилизации, и если сегодня у меня все пройдет благополучно, то, может быть, на этой неделе эта история закончится, и мы с Варей пойдем в засг, а потом устроим свадьбу, позовем Жеглова, всех наших ребят, Бариновых подруг — это будет замечательный праздник. Только бы с этими проклятыми выപызнями закончили!

К концу картины, когда все дела у Любови Орловой совершенно наладились и ее любимый инженер тоже понял, какая она замечательная, мне уже стало совсем невмоготу от напряжения, ожидания, неизвестности. Это как перед атакой — уж лучше бы команда, и через бруствер — вперед! — чем это невыносимое тоскливо-ожидание, когда знаешь, что ровно через час уже все будет решено, но неизвестно только как. Ах, Вася, Вася, как ты томился этот час!

Праздник, радость, свадьба, ордена, конец фильма! Зажегся свет, и народ ручьями потек между стульями на выход. Я уже не оглядывался, точно зная, что «малокопечка» где-то на пятках у меня сидит.

Мокрая темнота совсем заволокла город. И фонари не разгоняли мрак, а мутными молочными пятнами высвечивали узкие пятяшки вокруг столбов, и все было заштриховано косыми струями унылого ноябрьского дождя. Народу в троллейбус натолкалось до упора, двери не запирались, и люди гроздьями висели на подножках, надрывались кондукторы, требуя войти в вагон, да мы бы и сами вошли, коли место нашлось бы — за одну остановку меня на ходу промочило насекомый. И «хвост» перестал стесняться, он висел прямо рядом со мной, держась за чью-то спину, и, признаться, было у меня желание навесить ему

такого пендаля, чтобы он до следующей остановки катился на пятой точке...

Пересел на Колхозной площади, тут было чуть свободнее, чем на кольце, и когда меня особенно сильно шпыняли, я думал с усмешкой, что, наверное, люди создали бы мне получше условия, кабы знали, из-за какого дела толкаю я здесь в час «пик»...

Остановился я у освещенной витрины булочной, тут был козырек, под которым обычно выгружают хлеб. Вот там я и спрятался от холодных струек, заливавших спину ледяной щекоткой. Огляделся — Ани еще не было. Только стоял у тротуара хлебный фургон, из которого два мужика вытаскивали пустые ящики. И пропал мой «хвост», хотя я видел, как он спрыгнул вслед за мной с подножки. Я взглянул на часы: девятнадцать тридцать две. Еще несколько минут, и все решится: правильно мы продумали или они раскусили нашу хитрость. И в этот момент увидел идущую ко мне женщины.

Она была высока, стройна, в красивом светлом пальто. Туфли у нее были загоричные, на рифленом каучуке. И зонтик. Протянула мне руку, как старому знакомому:

— Здравствуйте, вы от Евгения Петровича?

— Здравствуйте. — Я и не скрывал интереса, с которым глядел на нее. И руку ее задержал на мгновение дольше, ощущая на ее пальце кольцо с камнем «розочек». Я даже приподнял на свет ее руку и откровенно посмотрел на кольцо.

Она выдернула руку и зло спросила:

— Вы что?

— А ничего. Мне Евгений Петрович первым делом велел передать вам, чтобы вы это кольцо как можно глубже упрятали. В розыске оно, по «мокрому»...

Это было кольцо Ларисы Груздевой — я не мог ошибиться, десятки раз я видел его описание в деле.

— И для этого он прислал вас? — спросила она с усмешкой.

— Нет, он меня прислал, чтобы я объяснил, как его с нар вытащить. А вы тут меня за дурака держите, театры всякие, концерты разыгрываете! Подсыпаете дуру какую-то! Что же, вы думаете, мне Фокс не объяснил, какая вы из себя, коли посыпал меня на встречу?

— А почему же он вас к бабке направил, а не ко мне?

— Ха! Мы с ним не в парке Горького на лавочке расстались! Он тоже против меня опаску имел: а вдруг

меня менты расколют? А вдруг я и сам настучу? Так прямо к вам в теплую постель их и доставлю. Надо думать, он этот резон имел. А там, бого ведает, что он думал—вы-то знаете, мужик он непростой...

— Так что же он сказал вам? Что вы должны передать мне?

— Инструкцию. Так он и сказал—инструкцию. Это, говорит, будет у тебя единственный в жизни заработка такой: запомни от слова до слова, передай и получишь пять кусков.

— Что-то былое дорого за такую работу...

— Ему-то там, на киче, это не кажется дорого. Тем более что речь о шкуре его идет. «Вышак» ему ловится...

— Хорошо, я слушаю вас...

— Денежки пожалуйте вперед. Дружба дружбой, как говорится, а табачок...

Она открыла сумку и протянула мне завернутую в газету пачку. Я стал разворачивать сверток, но она сердито зашипела:

— Перестаньте! Там ровно пять тысяч. Говорите...

Я помялся немного, потом махнул рукой:

— Смотрите, на совесть вашу полагаюсь. Мне ведь тоже рисковать, с МУРом взяться нехочта...

— И попробуйте навратить только!

— Зачем же мне враты!—Я огляделся, в переулке никого не видать, только неподалеку возились со своими ящиками грузчики около хлебного фургона, и я подумал, что это, наверное, наши ребята меня здесь прикрывают. Правда, это мне не понравилось: грубо, они совсем рядом стояли, и раз за Аней бандиты присматривают, то и их наверняка засекут.

— Значит, Фокс так сказал: его в МУРе колют по поводу ограбления продмага и убийства сторожа. Дела его неважные: там на «карлсе» отпечатки его остались... Содержат его пока на Петровке, на той неделе должны перевести в тюрьму, в Матросскую Тишину, а там уже хана—из тюремы не сбежишь.

— А с Петровки сбежишь?—спросила она, глядя на меня в упор своими черными, чуть раскосыми глазами. И ноздри у нее тоненько дрожали все время. Я уже вспомнил ее по справке, ребята точно отобрали—да разве угадаешь, кто именно нам нужен, какая именно Аня в списке нас интересовала. Анна Петровна Дьячкова, двадцать четыре года, заведующая пунктом питания на Казанском вокзале, незамужняя, несудима, характеристизуется по службе положительно...

— И с Петровки не сбежишь. Но если на следственный эксперимент его повезут из тюремы, то там конвой другой. А с Петровки его оперативники повезут—те ловить мастики, а насчет охраны они, конечно, попушистее. Их там всех можно заделать,—сказал я, понижая голос и наклоняясь к ней.

— Это как же?

— Ну что как, как? Что вы, маленькая? Пиф-паф, и в дамки!

— А какой следственный эксперимент?—спросила она недоверчиво.

— Ну, сделает он признание, так, мол, и так, я убил сторожа и хочу на месте показать, как это все происходило. Поскольку он сидит в полной несознанке, оперативники обрадуются, захотят побыстрее закрепить его показания и повезут туда обязательно...

— Что еще сказал Евгений Петрович?

— Ну, детали всякие, как это сделать. И еще он велел, чтобы вы горбатому сказали: если его у муроцев не отбьют, он на себя весь хомут тянуть не станет—сдаст он его самого и людей его сдаст...

— Понятно... понятно...—протянула она и вдруг громко сказала:—Вы поедете со мной и расскажете про все эти детали, что надо делать...

— Нет,—покачал я головой.—Такого уговора не было, я и Фоксу сказал: постараюсь бабу твою разыскать и все обскажу, а нигдеходить с вами я не собираюсь и в дела ваши встремлять не хочу...

— А тебе, мусор, никто и не спрашивает!—раздался тихий голос за моей спиной, и в бок мне вонкнулся пистолетный ствол.—Сядись в машину...

Я повернулся слегка и увидел грузчиков фургона: один жал мне ребро пистолетом, а другой стоял, на шаг отступа, и руку держал в кармане.

Ах, глупость какая, вот ведь почему пропала «малокопечка», он меня сдал с рук на руки. Может быть, Жеглов об этом и раньше бы догадался, а у меня, видать, еще опыта малоувато. Я тупо смотрел на них, стараясь сообразить быстрее, что мне делать, и ничего путного не приходило в голову. Их тут все-таки двое с пушками, и даже если я затею с ними визирь и наша засада, которую я сейчас и не видел, придется мне помочь, то бандиты все равно успеют меня срезать, и главное—совершенно бесполезно, бессмысленно, мы ведь все равно еще не уцепили кончик! Допустим, их тоже застрелят или похвалят—что толку, это, возможно, пустяковые людишки, уголовная шушера...

И я начал быстро бормотать:

— Граждане, товарищи дорогие, что же это такое деется? Я вам доброе хотел, а вы...

— Заткнись!—скрипнул зубами бандит, лицо у него было совершенно чугунное, серое, ноздреватое, ну, просто ни одной человеческой черточки в нем не было, будто господь бог свялял его из всяких пакости, увидел брак и выкинул на помойку, а он, гад, все равно ожидал и бродил среди живых, теплых людей, как улья. Ткнул он меня сильнее пистолетом и сказал:—Сядись быстро в машину!

Эх, чего же мне на фронте не довелось только увидеть, чего я не вытерпел, каких страхов не набрался, а вот никогда у меня не было такого ощущения, что смерть совсем рядом. Он мне сам казался похожим на смерть, и воняло от него смрадом.

И я шагнул к хлебному фургону. Второй бандит прыгнул за руль, вместе с ним в кабину села Аня, а чугунный мерзавец влез за мной в кузов и захлопнул складные дверцы.

Не успел я еще сесть на ящик, как фургон покатил.

Сначала я пытался считать повороты, чтобы как-то ориентироваться; мне казалось, что машина идет куда-то в сторону Каланчевки, потом он стал крутиТЬ, разгоняться, тормозить, где-то посреди улицы развернулся, мотало нас на колдобинах и ухабах, и снова зашуршал под колесами асфальт, глухо пророкотали рельсы на переезде, по стуку судя, это были железнодорожные, а не трамвайные рельсы, и где-то совсем рядом засвистела электричка, потом мы долго стояли, тяжело прошумел шатунами, натужно вздыхая, паровоз, и снова начались ухабы и тряска неровной дороги, и опять зашелестел асфальт, и мне пришло в голову, что они нарочно кружат, проверяя, нет ли за фургоном слежки. Ехали то быстро, то медленно, потом остановились и снова поехали. И когда фургон затормозил и распахнулись снаружи дверцы, я даже приблизительно не представлял себе, где мы находимся.

Шофер спросил:

— Завязать ему глаза?

А Чугунная Рожа засмеялся:

— Зачем? Он никому ничего не разболтает...

Мы стояли во дворе скособченного двухэтажного домика, замкнутые квадратом высоченного дощатого забора. Я подумал, что с улицы через этот забор крышу фургона, пожалуй, и не увидишь. Ну, ничего, покузырькаемся еще немного. Я как-то не хотел верить, изо всех сил отогнал от себя мысль, что ребята, которые должны были «обеспечивать» меня, могли совсем потерять след фургона...

И хотя Чугунная Рожа уже объяснил мне насчет моей судьбы, я надеялся выкрутиться. Ведь если бы они меня раскопали или совсем не поверили, ни к чему им было бы катить меня по всему городу. Стрельнул на месте или ткнул заточкой—и все, большой привет! А они меня привезли сюда, значит, пока еще план мой окончательно не завалился, игра продолжается...

Я бы, наверное, чувствовал себя много скучнее, если бы знал, что у Ростокинского переезда машина службы наблюдения потеряла из виду хлебный фургон окончательно, и Глеб Жеглов бьется на Петровке, стараясь задержать операцию по прочесыванию каждого дома в зоне Останкино—Ростокино и в то же время выясняя, где может находиться хлебный фургон номер МГ 38-03...

— Давай, Лошак, веди его,—сказал Чугунная Рожа шоферу.—Я оглянулся, не рыхают ли окрест легавые?

Лошак подтолкнул меня в спину, не сильно, но вполне чувствительно, и я сказал ему:

— Не пихайся, гад!

А впереди пошла Аня, она шла через темные сени и длинный кривой коридорчик уверенно—не впервой ей здесь бывать. Дернула на себя обитую мешковиной дверь, и свет из-под морковно-желтого абажура плеснулся в глаза, ослепил после темноты.

Прищурясь, я стоял у порога, и билась во мне судорожно мысль, что если хоть один муроцев вошел в их логово, то, значит, конец им! Даже если я отсюда не выйду, а выволокут меня за ноги, тоже счет будет неплохой: шофер Есина уже застрил Жеглов, Фокс сидит у нас, и здесь их набилось пятеро. Я бодрил себя этими мыслями, чтобы вернулась хоть немножко ко мне уверенность, и повторял про себя главное разведческое заклинание: «Семи смертям не бывать...»—и осматривал их в это же время, медленно обводя взглядом банду, и делал это, не скрываясь, поскольку и они все смотрели на меня с откровенным интересом.

Вот он, карлик. Не карлик, собственно, он горбун, истерханный, поношенный мужичонка с плоским лицом, в вельветовой толстовке и воленках. На коленях у него устроился белоснежный кролик с алыми глазами и красной точкой носа.

И здесь же старый мой знакомый—«малокопечка». Кепку свою замечательную он уже снял и сидел за столом очень гордый, довольный собой, щерился острыми мышевиными зубами.

— Что ты лыбишься, как параша?—сказал я ему.—Дурак ты! Был бы на моем месте мусор, ты бы уже пойдня на нарах куковал! Я тебя, придурка, еще в кино срисовал, как ты вокруг меня ошивался...

Он вскочил из-за стола, зеворвал, слюной забрызгал, длинно и нескладно стал ругаться матом, размахивая руками у меня перед носом.

— Да не шуми ты, у меня слух хороший!—сказал я ему.—И слюни подбери, мне после тебя без полотенца не утеряться...

И горбун наконец раздвинул тонкие, змеистые губы:

— Сядь, Промокашка, на место. Не мельтай...—И этот типчик мгновенно выполнил его команду.

Лошак прямо от двери прошел к столу и сразу же, не обращая внимания на остальных, стал хватать со стола куски и жадно, давясь, жрать. Пожевал, пожевал, налил из бутылки стакан водки, залпом хлобыстнул и снова вгрызся в еду, как собака, желваки комьями прыгали за ушами.

Вошел в комнату Чугунная Рожа, уселился верхом на стул и тоже стал меня разглядывать. А я все еще стоял у порога и думал о том, как бы я с ними со всеми здесь разобраться, будь у меня в руке автомат мой ППШ, и еще бы хорошо пару лимонок. Они ведь такие сильные и смелые, когда против них безоружный или если их всемеро больше. Ах, как бы хорошо было—гранату на стол, сам на пол, за буфет, и длинной очередью—снизу вверх, скобу набок!

Я бы и Анию их прекрасную не пожалел—такая же сволочь, бандитка, как они все. Это через нее сбывали они на пункте питания награбленное продовольствие! Десятки тысяч наворовала вместе с ними, а кольцо с убитой женщиной на пальце нацепила. Она в угол, около буфета стояла. Посмотрел я на нее и увидел, что кольца на пальце нет, и от этого чуть не заорал—значит, поверила, зацепил я ее, гадину!

Слева от горбuna сидел высокий, красивый парень, держка в руках гитару. Один глаз у него был совершенно неподвижный, и, присматриваясь к его ровному, недвижимому блеску, я понял, что он у него стеклянный, и, помимо воли, в башке уже крутились какие-то неподавля-

ющие мне колесики и винтики, услужливо напоминая строчку из сводки-ориентировки: «...разыскивается особо опасный преступник, рецидивист, убийца—Тягунов Алексей Диомидович... особые приметы—стеклянный протез глазного яблока, цвет—ярко-синий...»

И спина ко мне в торце стола сидел еще один бандита, плечистый, с красным стриженым затылком. Он мельком посмотрел на меня, когда мы только ввалились, и отвернулся, а я его соплему с темноты и не разглядел. А он, видимо, особого интереса ко мне не имел, сидел, курил самокрутку, плечами метровыми пошевеливал.

Долго смотрел на меня горбун, потом засмеялся дробненько, будто застежку «молния» на губах раздернул:

— Ну, что ж, здравствуй, мил человек. Сядись к столу, посидяд с нами, гостем будешь...—И сам кролика за ушами почесывает, а тот от удовольствия жмурится и гудит, как чайник.

— В гости по своей воле ходят, а не силком тягают, «пушкой» не заталкивают,—сказал я недовольно: мне к нам листаться нельзя было, с ласкового тела уголовник две шкуры снять постараюсь.

— Это верно,—хмыкнул горбун.—Правда, если я в гости зову, ко мне на всех четырех поспешают. И ты сядись за стол, мы с тобой выпьем, закусим, про дела наши скорбные покалакаем.

Сел я за стол—тут уж было чем подкормиться! Как в ресторане «Савой». Бумажные цветочки на косточку не надевали, но шмат мяска жареного на блюде лежал—килограмма на четыре. Капуста квашеная, маслятина маринованная, картошка печеная, селедка залом—да чего там только не было! Куда лучше нашего питание у бандитов...

— Выпьешь?—спросил горбун.

— Нальете—выпью.

— Клаша!—не повышая голоса, позвал горбун.

Из двери в соседнюю комнату появилась мордата, крепкая старуха. Она поставила на стол еще три бутылки водки, отошла чуть к сторону, прислонилась спиной к стене и тоже уставилась на меня, и взгляд у нее был вполне поганый, тяжелый, вурдалачий глаз положила она на меня и смотрела, не мигая, мне в рот. Хорошая компания здесь собралась, что и говорить! Да жаловаться не приходится, я ведь к ним сам сюда рвался...

— За что же мы выпьем?—спросил горбун.

— А за что хотите, мне бы только стакан полный...

— За здоровье твое пить глупо—тебе ведь больше не понадобится здоровое хорошее...

— Это чего так?

— А есть у нас сомнение, мил человек, не стукачок ли ты?—ласково сказал горбун и смигнул красными веками.—Дурилка ты картонный, кого обмануть хотел? Мы тебе сразу прикинули, что должен быть ты мусором...

Я развел руками, пожал плечами, сердечно ответил ему:

— Тогда за твое здоровье давай выпьем? Ты, видать, два века себе жизни намерил...

Он беззвучно засмеялся, он все время так смеялся—тихо, будто шепотом, чтобы другие его смеха не услышали. И в смехе открывал он свои белые больные десны и неровные зубы, обросшие пористыми камнями, коричневыми, как дно чайника.

— Никак ты мне грозишься, мусорок?—спросил он тихо.

— Чем же это я тебе угрожу, когда вокруг тебя кодла? С «пушками» и «перьями»? От меня тут за минуту ремешок да подметки останутся...

— А дружки твои из МУРа-то где же? Они-то что же тебе не подсобят?

Я посидел молча, глядя в пол, потом медленно сказал:

— Слушай, папаша, моя аккурат вчера, об это же время, твой дружок, Фокс, сказал замечательные слова. Не знаю, конечно, про что он там думал, мне он не разъяснял, но он вот что сказал: самая, говорит, дорогая вещь на земле—это глупость. Потому как за нее всего дороже приходится платить.

— Это ты к чему?—все так же ласково спросил горбун.

— А к тому, что моя глупость по самой дорогой цене достанется. Да-а, глупость и жадность. Больно уж захотелось легко деньгами срубить, вот вы меня ими, чувствуя, досыта накормите...

Взял свой стакан и выпил до дна. Закусил капустой квашеной, взглянул на горбун, а он молча заходит своим мертвым смехом.

— Правильно делаешь, мент, гони ее прочь, туту-печаль. Ты не бойся, мы тебя зарежем совсем не больно. Чик—и ты уже на небесах!

— Стоило через весь город меня за этим таскать...

— А ты что, торопишься?

— Я могу еще лет пятьдесят подождать.

— А мы не можем, потому тебя сюда и приволокли. И если не захочешь принять смерть жуткую, лютую, расскажешь нам, что вы, мусора, там с Фоксом удумали делать...

Вылезли вперед коричневые зубы, сильные побелели десны и полыхали злобой его бесцветные глаза мучителя. Черт с ним, пока грозятся—не убьют. Убивать будут виновного, по-воловски.

Они сидели, вперившись в меня, как волки в подранка, и в первый раз безнадежность пала на сердце холода страха и отчаяния. Они меня не раскололи, я в этом был просто уверен, но и рисковать не станут.

— Оставлю я вам адрес... Бросьте записочку откуда нибудь... потому... Что так, мол, и так... умер ваш сын... не ждите зря... Это уж сделайте, помилосердствуйте... Как никак зла я вам не сделал... Потом хоть поймете...

— А ты в Москве живешь?—спросил горбун.

— Нет, Ярославская область, Кожиновский район, деревня Бугры, совхоз «Знаменский»...

— Так ты что, деревенский?—удивился горбун.

— Какой я деревенский! Но у меня стокилометровая зона—прописки не дают, вот я там и проездю с Фоксом в совхозе...

— А документы у тебя есть?

— У меня теперь всех документов—одна бумажка,—и достал из гимнастерки справку об освобождении с изменением меры пресечения.

Горбун поднес ее близко к глазам, прочитал вслух:

— «...Сидоренко Владимир Иванович... изменить меру пресечения на подписку о невыезде...» Так у вас там на Петровке целая канцелярия для тебя такие справочки слепает,—хмыкнул он.

— Чем богаты, тем и рады. Больше все равно у меня ничего нет,—развел я руками.

— А ты как к Фоксу попал?—спросил он миролюбиво, и снова забрежил тоненький лучик надежды...

— Это его три дня назад ко мне в камеру бросили...

— Ну, а ты там что делал?

— Да ни за что меня там неделю продержали. Я с картой приехал—грузовик пригнал в ОРС завода «Борец», у них с нашим совхозом договор есть, разгрузил карту и собрался уже назад ехать, а на Сущевском валу «ЗИС-101» выкатывает на красный свет и на полном ходу в меня—шарах! Меня самого осколками исполосовало, а они там, в легковой-то, конечно, в кашу. А пассажир—генерал или еще там какая-то шишка на ровном месте! Ну, конечно, сразу здесь орудовали, на «виллисе» пригнал подполковник милицийский—шухер, крик до небес! И все на меня тянут! Я прошу свидетелей записать, которые видели, что это он сам в меня на красный свет врубил, а они все хотят носилки с генералом тащить. Ясное дело, одна штания! Хорошо, хоть ссыкались тут какие-то доброхоты, адреса свои дали, телефоны. А меня везут на Мещанку, там у них городское ГАИ, проверяют, не пьяный ли я. А у меня с утра маковая росинка во рту не было...

Я прервался на мгновение и увидел, что слушают они меня с интересом, и внес я снова хвалу Жеглову, который начисто отмел предложения о любой уголовщине в моей легенде. А горбун сидел совершенно неподвижно, поджав ножки под себя и глядя на меня в упор. Только кролик крахтел и шевелился у него на коленях.

— Ну, составляют протокол, заполняют анкету, дошло до того места, что был я судимый и зона у меня стокилометровая. Так они прямо взъелись: надо, мол, еще выяснить, не было ли у тебя умысла на теракт...

Хорошо, кабы они проверили мои слова и съездили на Мещанку: там открыто, во дворе стоит «ЗИС-5» с ярославским номером и разбитой кабиной, а на посту службы несет «словоохотливый» милиционер, который без утайки—всем желающим—рассказывает об аварии на Сущевском...

— Окунули меня, значит, в камеру, в предвариловку, и сижу я там неделю, парюсь, а следователь из меня кишки мотает, хотя от допроса к допросу все тишиет он помаленьку, пока не объявляет мне позавчера: экспертиза установила, что водитель легковой машины «ЗИС-101» был в сильном опьянении. Будто оно не в тот же вечер установилось, а через неделю только! Правда, мне Евгений Петрович еще третьего дня сказал: дело твоё чистое, на волю скоро выскочишь, нет у них против тебя ничего, иначе одними очниками уже замордовали бы...

— Добрый у тебя был советчик,—кинулся горбун и быстро спросил:—А что же это тебе Фокс так поверили?

— Наверно, понравился я ему. А скорее всего—другого выхода у него не было. Да и показался он мне за эти дни мужиком рисковым: я, говорит, игрок по своей натуре, мне, говорит, жизнь без риска, как еда без соли...

— Дорисковался, гаденыш! Предупреждал я его, что бабы и кабаки доведут до цугундера,—сквозь зубы проромтал горбун.

— Зря вы так про него...—попробовала вступиться Аня, но горбун только глазом зыркнул в ее сторону.

— Цыц! Давай, Володя, дальше...

Ага, значит, я у него уж Володя! Ах, закрепиться бы на этом пятаке, чуточку окопаться бы на этом малюсеньком плацдарме...

— Ты, Володя, скажи нам, за что же власти наши бессовестные тебе зону-сотку определили и судили тебя ранее за что?

— В сорок третьем за Днепром комиссовали меня после двух ранений.—Я для убедительности расстегнул ремень и задрал гимнастерку, показывая свои краснорубиние шрамы на спине и на груди.—Вторая группа инвалидности. Оклемался я маленько и здесь, в Москве, устроился шоферить на грузовик. На автобазу речного пароходства. Тут меня как-то у Белорусского вокзала останавливает какой-то лейтенант—мол, подколымить хочешь? Кто ж не хочет! На два часа делов—пятьсот рублей в зубы. Поехали мы с ним на пивзавод Бадаева, он мне велит на проходной путевой лист показать—все, мол, договорено. Выкатывают грузчики две бочки пива и ко мне, в кузов. Отвез я их на Краснопресненскую сортировку и помог сгрузить. А через неделю ночью являются за мной архангелы—хол за рога и в стойло! В обэхзесе на Петровке спрашивают: вы куда дели с сообщником пиво? С каким, спрашиваю, сообщником? А который по липовой накладной якобы для штаба округа две бочки пива вывез. Я—туда, сюда, клянусь, божусь, говорю им про лейтенанта, описываю его—высокий такой, с усиками и ожогами на лице. В трибунал меня—четыре года с конфискацией...

— Совсем ты, выходит, невинный?—спросил горбун.

— Выходит! Я когда Фоксу в камере рассказал, он полдня ходил, за живот держался. Оказывается, знает он того лейтенанта—клиника ему—Жженый, и не лейтенант он, а мошенник...

Горбун быстро глянул на «убийцу Тягунова», тот еле заметно кивнул головой, и я почувствовал, как меня поднимет волна успеха: аферист Коровин по кличке Жженый сидел сейчас в потынских лагерях и опровергнуть разработанную Жегловым легенду не мог. И случай Жеглов подобрал фактический, они могли знать о нем.

Горбун налил мне в стакан водки, в себе какого-то мутного настоя из маленького графинчика. Милостиво кивнул другим, и вся банда рванулась к стаканам. Налили, подняли и чокнулись без тоста. И тут я увидел, что ко мне со стаканом тянется бандит, который сидел в торце стола, сначала спиной ко мне, а потом все время он как-то так избочивался, что голова его оставалась в тени. А тут он наклонился над столом и протянул мне свой стакан и сказал медленно:

— Ну, что, за счастье выпьем?..

Его лицо было в одном метре от меня, и ничего больше я уже не видел вокруг, только сердце оторвалось и упало тяжелым, мокрым камнем куда-то вниз живота, и было оно там глухими, редкими ударами, и каждый удар вышибал из меня душу, каждый удар тупо отдавался в заклиншивом, насмерть перепуганном мозгу, и в горле застрял крик ужаса, и только одно я знал наверняка: все пропало, безвозвратно, неправимо пропало, и даже смерть моя в этом вонючном притоне никому ничего не даст—все пропало. И мне пришел конец...

Чокнулся я с ним, и сил не хватило отвести в сторону глаза, я танк и смотрел на него, потому что ничего нет страшнее этого—увидеть лицом к лицу человека, от которого ты должен сейчас принять смерть.

Поднял стакан рукой, свинцовую, негнущуюся, и выпил его до дна. Напротив меня сидел Левченко. Штрафник Левченко. Из моей роты...

Штрафник Левченко, из моей роты. С него должны были снять судимость, посмертно, потому что он погиб в санитарном поезде, когда их разбомбили под Брестом. Его тяжело ранило в рейде через Вислу, мы плывали туда вместе—Сашка Коробков, я и Левченко. Ему тогда в спину попал осколок минны. Значит, не погиб. И вернулся к старым делам. И уже час слушает, как я тут выламываюсь...

— Что ж ты замолчал? Рассказывай дальше...—сказал горбун. Я снова подумал, что горбун должен быть серьезным мужиком, коли сумел установить среди этих головорезов такую дисциплину, что за все время без его разрешения никто рта не открыл.

— Папаша, можно я поем маленько?—вяло спросил я.—После казенных харчей на твой достаток смотреть больно...

— Поешь, поешь,—согласился он.—Ночь у нас большая...

Не чувствуя вкуса, молотил я зубами мясо, картошку, мягкими ломтями пшеничного хлеба заедал, и все время давил на меня тяжелый плитой взгляд Левченко. Господи, неужели можно забыть, как мы плыли в ледяной воде под мертвенным светом ракет, как лежали рядом, вжавшись в сырую глину за бруствером и прислушиваясь к голосам немцев в секрете? Но ведь, если вдуматься, может быть, и те немцы, которых мы одновременно сняли финкой и ручкой пистолета, были тоже неплохие—для своих товарищей, для своих семей. А для нас они были враги, и, конечно, мы им врезали от души, не задумываясь ни на секунду. И я теперь дополз до их окопа, я уже через бруствер перевалился, но... здесь меня ждал Левченко, и то, что мы с ним оба русские, уже не имело значения, потому что я приполз сюда, чтобы взять его самого и дружков его «языками», я пришел взять их в плен, и кары им грозили страшные, и он знал об этом, и он хорошо знал фронтовой закон—уйти назад, за линию фронта, он мне не даст. Смешно, но, увидев именно Левченко, я ощущал впервые по-настоящему, что между мной, Жегловым, Пасюком, Колей, всеми нашими ребятами—и ими, всей этой смрадной бандой, их дружками, подельщиками, соучастниками, укрывателями, всеми, кого мы называем «преступным элементом», идет самая подлинная война, со всеми ее ужасными, неумолимыми законами—с убийствами, ранеными и пленными.

Когда я командовал штрафниками, я, конечно, не надеялся, что все они, те, кто доживет до победы, станут какими-то образцовыми гражданами. Но все равно не верилось, что, выжив на такой страшной войне и получив жизнь вроде бы заново, человек захочет ее опять погубить в грязи и стыдухе. Ну, что же, рядовой Левченко видел, как воевал его комроты Шарапов, бандит Левченко пусть посмотрит, как умрет Шарапов—старший лейтенант милиции...

Как-то по-детски убеждал я себя, что не наживется Левченко после меня, есть какая-то справедливость, есть правда, есть судьба—падет на него моя кровь, и его проволокут по асфальту, как шофер «студера» Есина.

Поднял я на него глаза, чтобы сказать ему пару ласковых и взглянуть напоследок в буркалы его продажные. Но Левченко и не смотрел на меня, сидел он, подперев щеку ладонью, и равнодушно глядел в угол, будто его и не касалось мое присутствие здесь. И молчал он все время. Он молчал! Молчал! Почему?! Почему он молчит целый час, хотя узнал меня в первый же миг,—мы ведь всего-то год не виделись!

Он ведь не может так все время молчать, он-то понимает, что мой приход сюда—конец им всем! Ведь Левченко в отличие от остальных знает, что в сорок третьем меня не комиссовали по инвалидности, что только в сентябре сорок четвертого принял я командование их штрафной ротой под Ковелем!

Чего же он ждет? Чтобы я выговорился до конца? И тогда он встанет и обскажет друзьям, что и как вокруг них на земле происходит?

А мне-то что теперь делать? В его присутствии дальше ваньку валить нет смысла.

— Машина-то хорошо водишь?—спросил меня горбун.

— Ничего, не жаловались...

— На фронты ты где служил? Шоферил?

— Два года просидел за баранкой,—сказал я с усилием, чувствуя, как язык мой становится тяжелым и непослушным, будто у пьяного. А я ведь и не захмелел никак—обстановочка сильно бодрила. Что же делать? Что делать?

Что бы Жеглов на моем месте сделал? Или что стал бы я делать на фронте в такой ситуации? Ну, засекли бы, допустим, немцы разведгруппу—я бы ведь не стал разоряться, размахивая голыми руками. Залег? Или пошел бы на прорыв?

Пропади ты пропадом, Левченко! Нет мне пути назад!

— В автобате 144-й бригады тяжелой артиллерии служил. Две медали имел, при судимости отобрали,—сказал я твердо.

Полыхал весь от ярости, думал я про себя: пускай он, гадина, скажет им, что не служил я в автобате шофером, а вместе с ним плавал через Вислу за «языками», пусть он им, паскуда, скажет, что я сорок два раза ходил за линию

фронта и не две у меня отобранные медали, а семь—за Москву, за Сталинград, «За отвагу», «За боевые заслуги», за Варшаву, за Берлин, за Победу, скажи им, уголовная рожа, про две мои звездочки, про «Отечественную войну», про мое Красное Знамя, поведай им, тварь, про пять моих ран и заодно про надпись мою на рейхстаге! И про моих товарищ, которые не дошли до рейхстага, и про живых моих друзей, которых ты не видел, но которые и после меня придут сюда и с корнем вырвут, испепелят выше крысиного гнездышка...

Левченко не смотрел на меня. И молчал.

— А не говорил тебе Фокс про дружка своего?—тихо спросил горбун.

— Убили менты дружка его,—сказал я.—Застрелили, значит...

— Где ж случилось это?

— Не знаю, я там не был, а Фокс не говорил. Сказал только, что по глупости на мусоров налетели и корешу его в затылок пулью вмазали. Без мучений кончился, сразу же помер. Он еще сказал, что так, может, и лучше, раненый человек слабый, его на уговор легче взять...

Обвел я их взглядом, интересно мне было, как они прореагируют на весть о смерти Есина, все-таки им он был свой человек. А они никак не отреагировали—то ли горбун дисциплину такую здесь навел, то ли им наплевать было на Есина. Застрелили, и бог с ним.

Все жрали, никак остановиться не мог Лошак. «Убийца—Тягунов», не обращая на нас внимания, сам с собой карточные фокусы разыгрывал. Чугунная Рожа приподнялся за столом оружие чистить: пушка у него была хорошая—револьвер «Лефоше», я такой уже видел, хитрая это штука, в ней, помимо ствола, есть нож, а ручкой, как кастетом, можно работать. Аня сидела, сгорбившись, постарев сразу, и тоненько дрожали у нее ноздри, и пальцы тряслись, и я подумал, что она, наверное, кокайном балуется. Бабка-турдачка недважды подпирали стену и неотрывно на меня глязела, а Промокашка брал из вазочки куски сахара, клал их на ладонь и ловким щелчком забрасывал в рот, и, когда он ловил белые куски выткнутыми губами, сильно походил на дрессированную дворнягу. А горбун глядел своего кролика, поглядывал на меня. Красными глазами присущими. И только Левченко как будто здесь отсутствовал.

— А что же нам велел передать Фокс?—вступил в игру горбун.

— Спасать его он велел.

— Как же это я его спасу? Петровку на приступ брат пойду?

— Этого я не знаю. Я только могу сказать, что он задумал.

— Ну-ну, говори...

— Сегодня вечером он следователю скажет, что хочет сознаться в ограблении магазина, где сторожа стукнули...

— Зачем?

— По закону его должны, так Фокс говорит, вывести на место преступления, чтобы он там показал, как все происходило. Поскольку он ни на что больше не колется, они сразу же ухватятся за его признание—им там все, мол, надо задокументировать, снять его на фотографии, чтобы он потом не вздумал отказаться...

— Ну, это я понял, дальше-то что?

— А дальше он такое суждение имел: пока он на Петровке, повезет его не тюремный конвой, в опергруппа со следователем его за собой запишут. И на месте их там должно быть три-четыре человека, ну, пять от силы, не больше. Магазин для такого дела обязательно закроют—это, мол, для вас сигнал будет. Он мне сказал, что продумал все до тонкости, каждую детальку обмозговал...

— Он лучше бы раньше мозговал, как псы в руки не давались,—буркнул сердито горбун.

— Это я не знаю, я говорю то, чего он мне велел передать. Значит, дальше план у него такой: взведут его в магазин и дверь изнутри прикроют, а вы в это время тем же макаром, что в прошлый раз, войдете через подсобку. Машину должны на пустыре за магазин отчалить. Когда он с операми спустится в подсобку, вы их там всех переколете и спокойно черным ходом наружу выйдите. Вот и вся его задумка. Сил, он сказал, наверняка хватит, потому что главное в этом деле—неожиданность...

Тишина наступила гробовая, и я даже забыл на минуту про Левченко, а ведь я его вместе со всеми приглашал в засаду—на смерть. И он-то с моим планом вряд ли согласится. Но это от меня уже не зависело, я сделал все, что мог.

Все молчали и смотрели на горбuna, и мгновения эти были бесконечны.

— Толково придумано,—сказал наконец «убийца Тягунова», ему, наверное, казалось несложным заколоть трехчетырех оперативников.

— Толково! Толково!—заорал, передразнивая его, горбун, и белые десны его обнажились в жутком оскале.—У них тоже пушки имеются! Половину наших укочать могут...

— Риск—благородное дело,—спокойно сказал Тягунов.—Нас ведь где-то обязательство укочают...

— Типун тебе на язык, холера одноглазая!—крикнул горбун.—Перекошат от глупости вашей! Кабы слушали меня, дурломы безмозглые, жили бы как у Христа за пазухой!

Потом он повернулся ко мне и спросил раздраженно:

— А больше тебе Фокс ничего не говорил?

— Больше ничего. Только Ане велел передать, чтобы она сказала: он за всю компанию хомут на себя надевать не желает, ему вышвака брат на одного скучно. Если не захочтят его отбить, он с себя «чалму» сымет—все отдаст...

— Н-да, н-да, веселые делишки пошли.—Забарабанил горбун сухими, kostистыми пальцами по столу, и дробь его звучала тревогой. Потом повернулся к банде:—Ну что, какие есть мнения, господа хорошие?..

Окончание в № 24.

Товарищ по классу

Михаил ОЗЕРОВ,
корреспондент ТАСС в Англии.
Специально для «Смены».

Городок Эр находится рядом с Глазго, но это совсем другой мир. Глазго— большой и шумный, над ним не рассеивается дым от предприятий, некоторые улицы выглядят так, будто только что кончилась война: разрушенные дома, разбитые окна, груды камней. На тротуарах и мостовой— горы мусора.

А вот Эр— зеленый, чистый, очень уютный. Поэтому и приезжают сюда на уикэнд— субботу и воскресенье— многие жители Глазго и других промышленных городов Шотландии. Но еще больше гостей направляется в Эр не ради «глотка свежего воздуха», а чтобы увидеть места, связанные с Робертом Бернсом. Вот так и получается, что на 70 тысяч обитателей города ежегодно приходится 200—300 тысяч туристов.

В соответствии с рекомендациями, почтеннутыми из туристических буклетов, я решил начать экскурсию с дома-музея великого шотландского поэта. Однако у входа в музей вытянулась длинная очередь. Шел типичный «британский» дождь— мелкий, назойливый, и перспектива простоять под ним часа полтора не очень привлекала.

— Подождите немного,— сказал Джон Дулан, один из моих попутчиков.

Спустя несколько минут мы в сопровождении директора уже входили в музей.

— Как это тебе удалось?— тихо спросил я Джона.

— Директор— наш хороший знакомый, ведь мы с Джеймсом были здесь раз двадцать,— ответил он.

Братья Джон и Джеймс оказались почти профессиональными экскурсоводами. Подробно, со знанием дела

Огромный темноволосый парень в красной рубашке и черном пиджаке запел «Роберту Бернсу посвящается», аккомпанируя на гитаре. У него был хорошо поставленный голос, прекрасный слух, и когда он кончил, раздались громкие аплодисменты, возгласы «Еще, еще!».

Но ведущий был неумолим: неукоснительное соблюдение установленного порядка— одна из немногих общих черт у шотландцев и англичан.

Следующий солист представлял другой тред-юнион, однако был он удивительно похож на предыдущего исполнителя: рост под два метра, широченные плечи, спадающие на лоб густые черные волосы. Только вместо пиджака— кожаная куртка да рубашка зеленого цвета. И песня как бы продолжала ту, которую мы только что слышали: «Шотландская слава» Бернса.

Я подошел к ребятам и познакомился. Они оказались близнецами. Родились 26 лет назад. Сидели за одной партой. В 17 лет вместе вступили в компартию. Оба— члены исполнкома молодежного комитета шотландского конгресса тред-юнионов, профсоюзные лидеры.

Правда, входят они в разные профсоюзы: Джон— электрик на шахте, Джеймс— лаборант в госпитале. Есть и другие отступления от «стопроцентной синхронности»: Джеймс уже год женат, а Джон только собирается жениться; Джеймс ездил недавно в ГДР, а Джон еще не бывал в социалистических странах. Вообще Джеймс познергичней и побойчивее брата.

К нашему столу подсаживается невысокий пожилой мужчина. Это Гавин Стоббс, секретарь отделения компартии Эра. Он принимал в партию не только обоих братьев, но и их отца (30 лет назад) и дядя (15 лет назад). Стоббс хорошо говорит по-русски, он пять раз был в нашей стране.

Оказывается, их отец и дядя Том еще в 1940 году участвовали в съезде ШКТ. Дядя и сейчас в Абердине, вон сидит за соседним столом.

Разговор заходит о том, что волнует всех,— о проблемах британской молодежи. Мои собеседники стараются говорить как можно медленнее и четче, делая паузу после каждой фразы,— ведь произношение шотландцев, особенно простых рабочих, сильно отличается от произношения англичан.

Как-то улица «Элджин Авеню» на западе Лондона оцепили наряды полиции. Они пытались выселить 250 бездомных, которые заняли пустующие, намеченные на

распространяют листовки. И что показательно— в эти дни с нами вся Британия, как студенческая, так и трудовая,— говорит президент студенческого совета университета Расти Дэвис.

Расти показывает мне свои «владения», и я убеждаюсь в справедливости ее слов. Около одного из корпусов трое мужчин в шахтерских шлемах разгружают уголь. Администрация, пытаясь оказать нажим на «непокорных» студентов, прекратила отапливать помещения. И тогда горяки из соседних шахт стали привозить свой уголь.

У танцевального зала необычный вид: вдоль стен одеяла и подушки. Здесь находится штаб-квартира комитета за освобождение арестованных студентов. Члены комитета стараются быть вместе, чтобы, когда потребуется, быстро принять сообща нужное решение.

За столом в вестибюле главного учебного корпуса сидят группа девушек. На столе— табличка с надписью «Головодка».

— Зачем вам мое имя?— резко отвечает вопросом на вопрос бледная светловолосая студентка лет девятнадцати. Но, увидев удостоверение корреспондента ТАСС, меняет тон: — Простите. К нам нередко засыпают шпионов, поэтому мы стараемся не откликаться с незнакомыми людьми. Мы голодаём уже шесть дней. В последние двое суток чувствуем себя плохо, все время кружится голова. Но я считаю своим долгом выразить протест против условий, в которых мы живем и учимся.

— Конечно,— замечает Джон Дулан, выслушав мой рассказ об Эссексском университете,— нельзя всех стричь под одну гребенку. Студенчество, как и рабочая молодежь нашей страны, многослойно, неоднородно, подчас противоречиво. Кое-кто ездит на «мерседесах» и даже «роллс-ройсах», благо богатые родители. Но тенденция к ухудшению положения налицо, уровень безработицы и нищеты неуклонно ползет вверх.

Чему же тут удивляться, коли среди молодежи растет преступность, пьянство! В прошлом году число преступлений, совершенных подростками в состоянии опьянения, увеличилось на 32 процента по сравнению с 1973 годом. В школах даже введен специальный курс лекций о вреде алкоголизма, к чтению его привлечены видные врачи и социологи.

— Неважно обстоят дела с досугом,— замечает Джеймс.— У нас не хватает библиотек, мало спортивных

БРАТЬЯ ДУЛАН ИЗ ШОТ

рассказывали они о доме, где в 1759 году родился в бедной крестьянской семье великий шотландский поэт (это— глинняная мазанка, разделенная на две части: «чину», где жила семья, и хлев для скота); о стихотворениях, написанных за маленьkim столом в комнатке, одновременно служившей столовой, спальней и кабинетом; о личных вещах поэта.

После посещения музея мы фотографировались на центральной площади Эра у памятника Бернсу. Потом пили пиво в таверне «Том о'Шентер» (помните стихотворение о Томе о'Шентере, выпивохе и гуляке из «старинного Эра» в блистательном переводе С. Маршака?), и братья читали Бернса. Слушая ритмичные и гордые строки, проникнутые любовью к Шотландии, ее народу, я вспомнил, как познакомился с Джоном и Джеймсом Дулан.

ПЕСНИ НАД АБЕРДИНОМ

Известно, Шотландия сильно отличается от Англии. Здесь более суровый климат, другой ландшафт. Традиции и обычаи тоже другие: скажем, в Англии торжественно отмечают рождество, а тут— Новый год, в Лондоне нельзя вступить в брак без разрешения родителей, а в Шотландии— пожалуйста.

Разнятся и характеристики народов, населяющих эти две части Соединенного Королевства (так же непохожи и жители двух других частей страны— Уэльса и Северной Ирландии). Например, об общительности. Почти в каждой книжке о Британских островах описывается, как автор энное количество часов едет в поезд, и все это время его соседи по купе хранят полное молчание, лишь изредка обмениваясь репликами о погоде. Уверен: в купе не было шотландца! Он познакомился бы быстро и легко, через десять минут уже называл бы автора по имени, хлопал по плечу, приглашал в гости, в общем, считал своим другом.

Почти каждый шотландец хорошо поет, играет на гитаре и национальном инструменте— волынке.

В первый же вечер делегаты съезда шотландского конгресса тред-юнионов вновь собрались в конференц-зале, где они заседали утром. Вместо кресел здесь теперь стояли столы, на них пиво, бутерброды. На сцену один за другим поднимались представители различных профсоюзов, но на этот раз не для того, чтобы произнести речь, а чтобы исполнить песню— только одну, поскольку слишком много желающих.

— От профсоюза горняков выступит Джон Дулан,— объявил ведущий.

слом здания. Но операция закончилась безрезультатно, бездомные наоборот отказались подчиниться «блюстителям порядка».

Одни из обитателей улицы— Пиэрс Корбин. Ему двадцать четыре года, по профессии физик, окончил Лондонский университет. Но осилить плату за комнату, в которой он жил, Пиэрс не мог. Ночевал где придется: в парках, на скамейках. А два года назад узнал о том, что на «Элджин Авеню» есть пустые дома, и вселился туда вместе с другими людьми, не имеющими крыши над головой.

Я поднимался к Пиерсу по полуразвалившимся, скрипучей лестнице и каждую секунду ждал, что она рухнет вместе со мной. Вся обстановка в комнатке на чердаке с дырой вместо окна состояла из табуретки да раскладушки. Тем не менее даже эту каморку Корбин считал «большой удачей».

— Все эти два года власти не прекращают попыток выгнать нас отсюда. Однако они ничего не добывают до тех пор, пока не представят нам хоть какую-нибудь крышу,— решительно заявил Пиэрс.

Тысячи англичан вынуждены ежегодно покидать свои жилища из-за высокой квартирплаты, которая стремительно растет. В то же время только в Лондоне стоят незаселенными около ста тысяч домов. Это выгодно спекулянтам, взинчивающим цены на землю и недвижимость. Растет число сквоттеров (так здесь называют бездомных, в основном молодых людей, которые самочинно занимают пустующие здания). Сейчас в стране свыше сорока тысяч сквоттеров.

Молодежь, возмущенная тем, что происходит вокруг, захватывает не только дома, но и... университеты. Так поступили студенты в Эссексе. Вместе с учащимися Оксфорда, Кембриджа, Сассекса они провели в марте кампанию за повышение стипендий. Ведь на ту miserabile сумму, которую получают студенты, прожить практически невозможно. Но власти отказались удовлетворить требования участников кампании. И тогда молодежь Эссексского университета оккупировала аудитории. Администрация обратилась за помощью к полиции. «Зачинщиков волнений» исключили и привлекли к суду.

Я приехал в университет в разгар этих событий. На зеленых лужайках и посыпаных песком дорожках— группы юношей и девушек. Многие держат в руках плакаты: «Прекратите преследование студентов!», «Повысите стипендии!». Такие же плакаты— на стенах зданий, на деревьях, на волейбольной сетке. Там и тут выступающие, они забрались на раскладные стулья, ящики, скамейки.

— В нашем вузе учатся две с половиной тысячи человек, и все они встали сейчас на защиту своих товариществ. Мы проводим митинги, бойкотируем занятия,

залов и площадок. Поэтому ребята и сидят по вечерам в основном в пабах.

В этот момент наш разговор прерывается.

— Просим советского журналиста исполнить русскую песню,— говорит ведущий.

Что делать? Чего-чего, а петь я никогда не умел. Однако отказываться поздно.

Набираю в легкие побольше воздуха и начинаю (правда, по-моему, совсем не в такт) «Подмосковные вечера». И тут же весь зал подхватывает песню. Я могу уже совершенно спокойно молча открывать рот. Музыкальность шотландцев, их любовь к песням здорово выручили меня...

Все пять дней работы съезда мы с братьями Дулан почти не расставались. Я слушал их выступления с трибуны. Видел, как они участвовали в митинге за выход Великобритании из «Общего рынка». Боролись с ними по Абердину— главному торговому, промышленному и университетскому центру Северной Шотландии, уникальному городу, застроенному зданиями из светло-серого гранита. Абердин— крупный порт, он насквозь пропах рыбой, на его улицах часто видишь рыбаков. В последнее время в связи с добычей нефти в Северном море, на берегу которого расположен Абердин, город становится одним из ведущих транспортных узлов на Британских островах.

Когда настало время разъезжаться по домам, новые друзья пригласили меня заглянуть в Эр, где они живут.

ВСЯ СЕМЬЯ В СБОРРЕ

В гостиной одноэтажного домика на «Морфилд роуд» нас ждали остальные члены семьи: отец, мать и две сестры. Все рослые, темноволосые. И такие же живые, общительные, как братья.

Отец показывает на матрешку, стоящую на камине:

— Я привез ее из Советского Союза в 1972 году. В тот год шахтеры проводили общеноциональную забастовку. Тяжело нам пришлось. Правительство консерваторов отказалось удовлетворить наши требования, натравливало на нас рабочих и других профессий. И большим подспорьем была в те месяцы поддержка советских шахтеров.

Отец, потомственный забойщик, член исполнкома профсоюза горняков Великобритании, был одним из руководителей стачки. Джон тоже участвовал в забастовке. И Джеймс не захотел оставаться в стороне. Братья вместе стояли в пикетах у шахт, не пропуская штрейкбрехеров, преграждали путь полицейским к забою.

— Вы доволны своими сыновьями?— спрашиваю я.

— Да. Толковые, честные ребята. И активные участни-

ки нашего общего дела. Сколько неотложных проблем стоит перед Шотландией, ее не зря называют слаборазвитой страной! В провинции в полтора раза выше уровень безработицы, чем в целом по Британии, а уровень жизни гораздо ниже. Изменить положение — главная наша задача, и стариков вроде меня и молодежи.

Горечь, тревогу за судьбу родного края — высказанные и невысказанные — чувствуешь здесь все время. Вплоть до восемнадцатого века Шотландия оставалась самостоятельным государством. И хотя в конце концов она была присоединена к Англии, чувство национального самосознания у ее жителей сохранилось по сей день.

На центральных площадях Эдинбурга и Глазго, Инвернесса и Абердина — памятники тем, кто отдал жизнь за Шотландию.

Если вы разговариваете с шотландцем, в девяти случаях из десяти он рано или поздно попытается убедить вас, что сборная команда Шотландии по футболу гораздо сильнее английской, что американское и канадское виски не идет ни в какое сравнение со «Скотч виски», а шотландское пиво «Макванс экспорт» — лучшее в мире. Если же вы по привычке назовете его «инглиш» — англичанин, он непременно поправит:

— Я шотландец.

В последние годы среди молодежи все шире распространяется движение за сохранение национальной культуры и обычая. Все больше часов в университетах отводится на изучение шотландской истории и литературы. Делаются попытки возродить гэльский язык, на котором говорило древнее население этого района. Сейчас из пяти с лишним миллионов шотландцев его знает лишь около восьмидесяти тысяч, в основном жители северных горных мест. На острове Скай в прошлом году открыт первый колледж, преподавание в котором ведется на гэльском языке.

На улицах часто можно встретить парней в пестрых разноцветных юбках до колен — здесь сейчас модна национальная одежда.

Однако подчас патриотизм, любовь к родине принимают гипертрофированные формы, превращаются в национализм.

Двадцатичетырехлетний шотландец Кармайл-Стюарт спрятался в Вестминстерском аббатстве. Когда ворота аббатства закрыли, он направился к трону для коронаций монархов. Под троном в качестве боевого трофея англи-

ШАТЛАНДИЯ

Чан хранится знаменитый «Скотский камень», вывезенный ими из Шотландии в конце тринадцатого века.

С трудом Кармайл-Стюарт вытащил двухсоткилограммовую машину и стал взваливать ее на тележку. За этим занятием и застали его полицейские. Вор не подозревал, что, как только он сдвинул с места камень, в полицейском участке, расположенному около аббатства, раздался сигнал тревоги.

— Как я мог украдь то, что давно украдено! — возмущенно заявил на суде похититель. Однако он был приговорен к году тюремного заключения и крупному денежному штрафу.

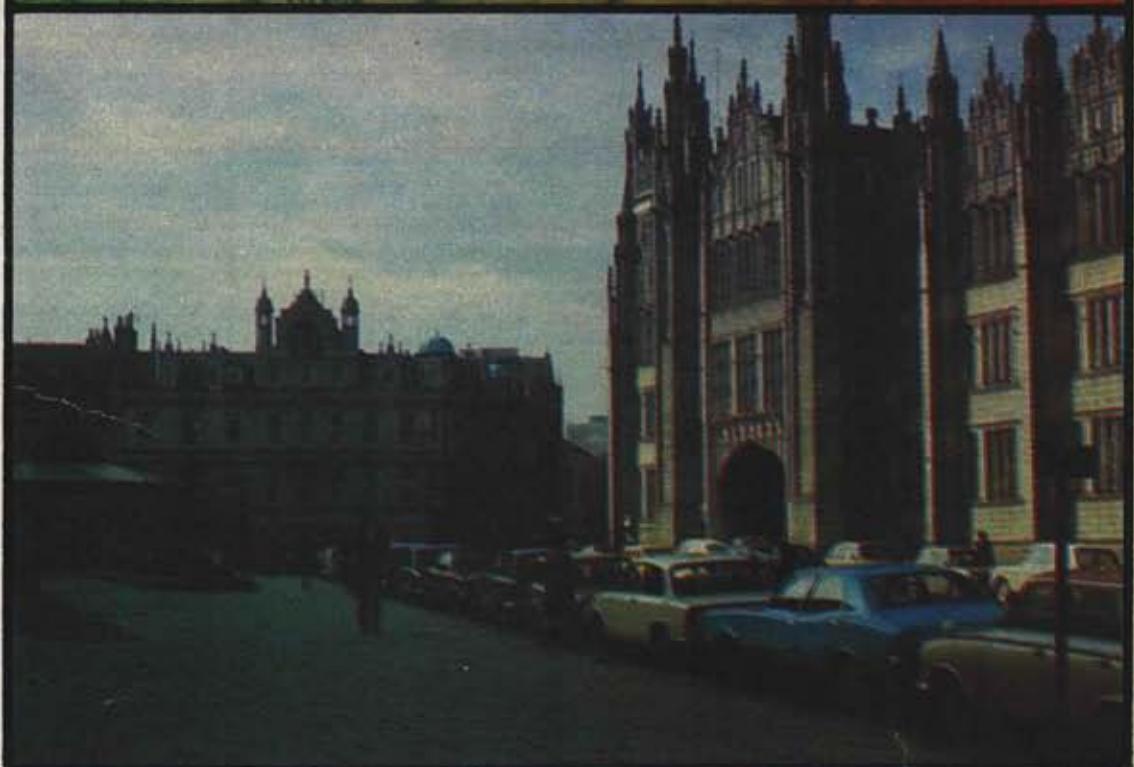
— Для шовинизма некоторых шотландцев есть определенные объективные основания, — говорит Джон, рассказавший эту историю. — Тем не менее мы решительно осуждаем подобные настроения. Выход из трудностей, с которыми сталкивается Шотландия, не в краже камней или поднятии мятежа (а иногда раздаются призывы к восстанию «против поработителей»). Надо положить конец полной зависимости нашей провинции от Лондона, добиться того, чтобы мы в большей степени смогли контролировать свои собственные дела. Нужно, в частности, создать шотландскую ассамблею. Она взялась бы за выполнение таких сложных задач, стоящих перед нами, как выход из экономического застоя, налаживание планирования, хотя бы на скромном уровне, избавление от захлестнувшего провинцию американского капитала.

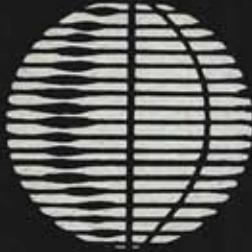
— Да, задачи трудные. К тому же и обстановка не простая, — вступает в разговор отец. — После того, как ребята стали членами компартии, нас пытались окружить политическим и экономическим частоколом. Джеймса под благодатным предлогом уволили из госпиталя, почти год он никуда не мог устроиться. От Джона ушла невеста, ее родители потребовали, чтобы она прекратила связи с «красной семьей». Нам прсылают письма с оскорблением и угрозами. Жену в некоторых магазинах отказываются обслуживать. Правда, в Эре особенно сильны позиции консерваторов. Это город зажиточного населения, получающего немалые доходы от туризма.

— Почему вы решили стать коммунистами? — спрашивал братьев.

Они отвечают, перебивая друг друга. Прежде всего сказалось семейное влияние. В тринадцать-четырнадцать лет оба уже читали Маркса, Ленина, Горького. Отец и дядя часто брали их на собрания коммунистов. Имеет, конечно, значение и то, что они живут на родине Роберта Бернса, он их любимый поэт, с детства ребята на память знали его стихи, призывающие к борьбе за счастливую Шотландию...

Обмениваются телефонами, адресами. Уезжаю из Эра, твердо решив обязательно снова увидеться с братьями Дулан — людьми, которым принадлежит будущее...

НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ ИДУТ В ВУЗ
2. АВСТРИЯ ИЗУЧАЕТ РУССКИЙ
3. МОРМОНЫ И РАК
4. КЛУБ... ВИТИЙ
5. РЕЗЧИКИ ПО ДЕРЕВУ ИЗ ПАЭТЕ
6. СОВРЕМЕННЫЙ АПОКАЛИПСИС В КИНО
7. НЕ ХРАНИТЕ БЕНЗИН ДОМА
8. «АРМИЯ» ДВУХТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ
9. КАПРИЗ ИЛИ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ?
10. ТРУДОВОЙ ЭНТУЗИАЗМ МОЛОДЕЖИ
11. ШКОЛА ПАСТУХОВ

1.

В сентябре этого года около 500 квалифицированных венгерских рабочих, не имеющих аттестата зрелости, начали учебу на подготовительных курсах для поступления в вуз. После окончания учебы, которая продлится один год, и сдачи выпускных экзаменов молодых рабочих примут в высшие учебные заведения. Во время учебы в институте они будут получать специальную стипендию, сумма которой равняется их среднему заработка на месте прежней работы.

Эта мера была предпринята в связи с тем, что по существующим в Венгрии правилам путь к высшему образованию лежит только через лицей и те профтехучилища, которые дают своим выпускникам аттестат зрелости. Однако есть очень значительная часть молодежи, окончившей так называемые ремесленные школы, которые практически не дают возможности в дальнейшем получить высшее образование. По инициативе Венгерского коммунистического союза молодежи были созданы учебные заведения нового типа, называемые школами квалифицированных рабочих. Эти школы, выполняющие роль подготовительных курсов, быстро приобрели большую популярность. Во время сравнительно короткого, но интенсивного обучения рабочие приобретают не только необходимые знания, но и формальное право на поступление в вуз.

Условия приема в такую школу: возраст до 30 лет, наличие квалификационного свидетельства, необходимый стаж и положительная характеристика с места работы.

«МАДЬЯР ИФЮШАГ», ВЕНГРИЯ

2.

Лиза Шюллер, известная австрийскому телезрителю как преподавательница русского языка, заразительно смеется и двумя быстрыми движениями перебрасывает через плечо длинные, красивые волосы. У нее есть все основания для радости: буквально в нескользко дней она стала одной из самых популярных звезд голубого экрана. Популярность ее огромна и находится на уровне, который до сих пор для языковых передач был недостижим. «Она сделала из своих лекций телевизионный боевик», — говорят работники австрийского телевидения.

Программа, начатая в октябре 1974 года, была введена не без раздумий и колебаний. Полагали, что эти лекции смотреть и слушать станет ограничено число телезрителей. Но после одной лишь недели занятий было раскуплено 20 тысяч экземпляров печатных пособий к курсу, и их тираж пришлось срочно утроить. Австрийское телевидение получило в связи с началом лекций Лизы Шюллер 55 тысяч писем, и почти все писавшие весьма одобрительно отзовались об этом начинании.

Лиза Шюллер не профессиональный педагог, она работает в Международном агентстве по атомной энергии. Но она, несомненно, обладает большим педагогическим талантом: ей удалось разработать оригинальную и действенную методику, которая сочетает в непринужденном поведением перед камерой и обаятельной внешностью

сделала ее курс «Русского языка для начинающих» столь популярным в Австрии.

«БУНТЕ ЭСТЕРРАЙХ», АВСТРИЯ

3.

На западе Соединенных Штатов, в штате Юта, живут мормоны — одна из оригинальнейших американских религиозных сект. В прошлом веке приверженцы мормонской церкви были широко известны узаконенным в их среде многоженством, сегодня эта секта славится богатством: каждый мормон отдает ей 10 процентов своих доходов. Однако отнюдь не это привлекло к американским сектантам внимание учеников.

Мормоны не пьют, не курят, в еде умеренны, предпочитают фрукты и свежие овощи, не злоупотребляют мясом — об этом было хорошо известно и раньше. Но до сих пор никому не приходило в голову увязать гастрономические привязанности мормонов с удивительно низким уровнем смертности в их среде и, что самое интересное, с самым низким в США процентом раковых заболеваний. Случайно встретив в статистическом справочнике эти сведения, доктор Джеймс Энстрим из Калифорнийского университета решил обосновать их собственными исследованиями.

На примере одного из графств штата Юта, где мормоны составляют 85 процентов населения, доктор Энстрим удалось подтвердить цифру из справочника: смертность в результате раковых заболеваний в этом районе была на 35 процентов ниже соответствующего показателя для всей страны. Исследование в соседнем штате Калифорния, где живут 800 тысяч мормонов, увенчались аналогичным результатом. Кстати, меньшая распространенность раковых заболеваний в штате Юта не обусловлена какими бы то ни было особыми природными условиями, более того, уровень смертности от рака среди немормонского населения штата близок к общемо-американскому.

Дж. Энстрим утверждает, что среди мормонов значительно реже, чем у других групп населения, встречаются не только «новомодные» заболевания, связанные с курением, потреблением алкоголя или питанием (рак легких, пищевода). Все это относится и к заболеваниям других органов, на которые табак, алкоголь или пищевые продукты, как правило, не действуют. Судя по всему, речь идет о зависимости более сложной, чем общепринятая взаимосвязь (также подтвержденная статистически) между активным курением и возникновением рака легких. Остается предположить, что весь образ жизни в целом, который ведут мормоны, делает их менее восприимчивыми к заболеваниям вообще и к раку в частности.

«ПЕРСПЕКТИВЫ», ПОЛЬША

4.

«...С целью осуществить реализацию поставленных задач следует, уважаемые присутствующие, вникнуть глубже в наши проблемы, ищя конкретные решения...» Оратор говорит, нагромождая фразы одна на другую, а слушатели, которые знают, что не дождутся «конкретных решений» даже через час, погружаются в дремоту.

Сатирические портреты подобных

ораторов, выступающих перед спящей публикой, являются излюбленным материалом художников-карикатуристов.

Клуб ораторского искусства, основанный недавно в Загребе, не ставит своей целью «готовить» новых демосфенов или Цицеронов. Но он, по мнению его создателей, призван заполнить existing пустоту в развитии современного «витийского» умения.

Скептики поначалу с насмешкой относились к деятельности клуба. «Если есть что сказать, — утверждают они, — форма, элегантные выражения придут сами собой. Самой важной предпосылкой «красноречия» является знание темы».

Профессор юридического факультета Синиша Трива, один из активных членов клуба, считает, что скептики не правы. «Показательно, — указывает он, — что очень немногие специалисты бывают одновременно и талантливыми ораторами. Искусством красноречия можно овладеть главным образом с помощью упражнений и активного и целенаправленного труда». А вот что говорит о целях создания клуба молодой ученый Асим Куряк: «Мы не хотим ни подражать какой-либо моде, ни привлечь какую-то элиту, что характерно для подобных клубов, существующих на Западе. Акция наша вовсе не ограничена по масштабам: достаточно посетить какое-либо собрание или совещание на любом предприятии или в институте, чтобы убедиться, что из-за неумения точно и кратко излагать свои мысли теряется много ценнейшего времени. Сжатое, ясное и при этом интересное изложение мысли, необходимость которого мы все ощущаем сейчас, положительно сказалось бы на организации нашей общественной жизни».

«НИН», ЮГОСЛАВИЯ

5.

Город Паэте примостился у западного подножия гор Сьерра-Мадре на острове Лусон. В этом маленьком городке начинают свой путь к людям поистине уникальные статуэтки из дерева, вырезанные местными умельцами. Эти великолепные поделки встречаются не только в столице Филиппин Маниле, но и во многих странах мира.

Из десяти тысяч жителей города восемьдесят процентов — резчики по дереву. Многие из них работают самостоятельно, используя свои дома и как магазинчики. Стоит ли удивляться, что человек, впервые приезжающий сюда, не может не заметить многочисленные деревянные фигуры, которые сушатся на солнце по обеим сторонам улиц, не может не услышать ритмических ударов деревянных молотков по резцу или долоту: звуки эти не стихают до поздней ночи. Сотни изделий — от наиболее простых, имеющих, так сказать, массовый тираж, до самых сложных, поражающих своей элегантностью, — производят местные мастера ежедневно.

Ремесло это уходит своими корнями в глубь веков, к временам испанского владычества на Филиппинах. Искусство резьбы по дереву передавалось от поколения к поколению, и сегодня великолепные статуэтки святых можно встретить во многих церквях. Работы старых мастеров, чьи имена уже забыты, украшают стены, мебель, интерьеры домов.

Обучение резьбе включает два элемента: наблюдение за работой лучших и практику. Как будто бы все просто. Но чтобы достичь высот подлинного искусства, требуется минимум пять лет старательного труда, где будущего мастера ждет немало ошибок и разочарований.

«ФОКУС ФИЛИППИНС», ФИЛИППИНЫ

6.

«Землетрясение», «Пылающий ад», «Черное воскресенье», «День, когда мир пришел конец» — уже одни только названия этих новейших американских фильмов говорят о том, что зрителю предлагают поглядеть на различные виды массового уничтожения. При этом, разумеется, используются все современные достижения оптики и акустики.

Американская кинокомпания хорошо знает, что ей следует делать во времена всеобщей неуверенности и всякого рода кризисов, наложившихся один на другой. Фильмы ужасов появляются в тревожные тридцатые годы, перед второй мировой войной. Теперь в этой области трудятся сотни специалистов самых разных профессий, привлечены самые знаменитые звезды.

...В Лос-Анджелесе — землетрясение. Огромные массы воды заливают разрушенный город. Действие «Пылающего ада» разыгрывается в гигантском 138 этажном небоскребе, построенном из стали и стекла. Отказывает электронная система безопасности, останавливаются лифты и эскалаторы — наимодernейшая и сверхнадежная техника подводит. Люди падают в глубь небоскреба, в пучину беснующейся стихии...

Действительным страхам людей сопутствует страх в фильмах. Не только сопутствует, но отвлекает внимание от реальных трудностей и невыдуманных опасностей. Редко, очень редко темы фильма являются подлинные, конкретные хлопоты и заботы. Разве создан, например, фильм-катастрофа о последствиях инфляции и уменьшения реальной стоимости находящихся в обращении денег?

Эрих Фромм, автор книги «Анатомия человеческой деструктивности», обращает внимание то, что уже Маринетти в своем «Манифесте футуризма» (1909 год) в поэтической форме провозгласил красоту разрушения — деструкции. Современный человек чувствует себя отчужденным от других, да и от себя самого, чувствует себя лишенным влияния на ход событий. У него отсутствуют вера и ощущение осмысленности жизни. В мире тотальной бюрократизации он превращается в автомат, имеющий разум, но лишенный чувства.

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

Опасная практика хранения бензина дома или в багажнике автомобиля, практика, получившая особенно широкое распространение в прошлом году, во время острой вспышки энергетического кризиса, вызывает серьезную опасность медиков.

В течение шести месяцев, с декабря 1973 по 31 мая 1974 года, четыре пациента из каждого десяти, попавших в институт, занимающийся излечением больных, пострадавших от ожогов, были жертвами неосторожного обращения с огнем. «Прошлое лето», — рассказывает доктор Ларсон, главный хирург института, — было одним из самых тяжелых в нашей практике. Прежде всего потому, что зафиксировано очень много взрывов, как правило, вследствие того, что дети разливали бензин, хранившийся в гаражах. Наивно надеяться, что пары пролитого бензина не найдут пути к огню или хотя бы к маленькой искре. Последствие взрыва — ожог, и ожог крайне тяжелый, охватывающий порой до 60—80 процентов поверхности тела. Человек в таком случае погибает или на всю жизнь остается инвалидом.

Не существует абсолютно надежного способа хранения бензина дома или в автомобиле, уверяют специалисты. Пары бензина энергично расширяются, заполняя все доступное им пространство. Расширяясь, пары разрывают швы герметически закупоренного сосуда или контейнера из пластика. Утечка паров из такого якобы «безопасного» бака практически неизбежна. Искра, проскальзывающая в каком-либо электрическом приборе или даже в выключателе, в свете зажигания автомобиля, в любой электрической цепи, становится детонатором ужасного взрыва. Мощь взрыва одного галлона бензина может быть приравнена к силе взрыва четырнадцати брусков динамида.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

7.

В северо-западной части китайской провинции Шаньси крестьяне обнаружили в земле 216 фигур воинов в естественный рост, которые были выстроены в 72 ряда и обращены лицом к группе из 314 воинов и 24 коней, расположенных в 40 строевых колоннах. Считают, что всего в этом месте находится около 6 тысяч фигур воинов, развернутых в боевой порядок. Симметричные ряды воинов, коней и колесниц размещены на равных расстояниях друг от друга. Бойцы со шлемами и доспехами вооружены луками и стрелами или держат мечи и копья.

Боевой строй воинов и коней, по всей вероятности, воспроизводит сцену сражения, произшедшего более двух тысячелетий назад.

Скульптуры изготовлены мастерски, воины и их вооружение представлены в мельчайших подробностях. Обоюдоострые мечи, наконечники стрел хорошо сохранились. Проведенный спектроанализ показал, что они изготовлены главным образом из сплава меди и калия с добавкой 13 других элементов. Мечи металлических воинов еще блестят и не имеют следов ржавчины.

«НАУКА И ТЕХНИКА», НРБ

Многие великие писатели, художники и музыканты могли творить лишь в таких условиях, которые, мягко говоря, можно было бы назвать необычными.

Знаменитый композитор Вильгельм Рихард Вагнер, известивший однажды Александра Дюма, был чрезвычайно удивлен, увидев на писателе украшенный пломажем шлем, пробковый спасательный пояс и цветастый японский халат. Дюма объяснил перепутанному музыканту: «Половина моих идей прячутся в этом шлеме».

Функция спасательного пояса из пробки остается неясной, что же касается японского халата, то это, по-видимому, было наиболее удобное, на взгляд писателя, одеяние для работы дома.

Ирландский писатель Джеймс Джойс часто работал, пользуясь огромным синим карандашом, а свой напутневший роман «Улисс» он написал, не торопясь, лежа на животе.

Сэр Вальтер Скотт и Энтони Троллоп, напротив, брали напором, писали они, пожалуй, даже скрепо и к завтраку уже заканчивали свой рабочий день. Оба считали, что утренние часы — единственно спокойное время суток, когда пробуждается творческая фантазия.

Фридрих Шиллер, чья «Ода к радости» была использована Бетховеном в его знаменитой Девятой симфонии, черпал вдохновение в запахах начинающих портиться яблок. На его столе всегда была россыпь фруктов...

«УИКЕНД», АНГЛИЯ

10.

В честь предстоящего I съезда Компартии Кубы на острове Пинос, как и во всей стране, широко развернулось социалистическое соревнование. Ускоряются работы на строительстве теплозаводов, которая войдет в строй в будущем году.

Строительство электростанции ведет бригада номер 26 из Молодежной армии труда. Как известно, в этой организации юноши и девушки проходят хорошую трудовую школу, приобретают знания, повышают свою политическую сознательность. Остров Пинос называют теперь островом Молодежи.

Анхель Хернандес, руководитель Союза молодых коммунистов на острове, в беседе с корреспондентом сказал:

— Многие комсомольцы, отработав на стройке обязательные для каждого двенадцать дней, приходят сюда и вечерами — после работы.

Темпы работы еще более возросли, когда строители заключили договор о социалистическом соревновании с рабочими, строящими здесь же, на острове, холодильный комбинат. В числе принятых обязательств — проведение субботников и воскресников, обеспечение охраны труда, гигиены и чистоты на обеих стройках, отсутствие прогулов и опозданий, повышение культурного и технического уровня молодых строителей, отличное выполнение плановых заданий. Высокие темпы работы комсомольцев вселяют уверенность, что повышенные обязательства будут выполнены.

«БОЭМИЯ», КУБА

II.

Несмотря на быстрый рост производства синтетических волокон, овечья шерсть остается самым ценным сырьем в текстильной промышленности. Сейчас в ГДР 1,7 миллиона овец. Об овчих отарах заботятся, как и ранее, пастухи. Однако от современных пастухов требуется гораздо больше знаний.

В ГДР, в Веттине, неподалеку от Галле, располагается уникальная специализированная школа пастухов. Со времени ее основания в 1955 году диплом получили около 1300 юношей и девушек из разных округов республики. Срок обучения будущего пастуха — три года. В учебную программу, кроме общекультурных предметов, входят животноводство, экономика социалистических хозяйств, электроника, основы измерительной и регулирующей техники, технологии и механизации. Все это необходимо при уходе за крупными отарами. Ведь современное овцеводство использует многие достижения социалистического сельского хозяйства.

Лишь одежда и донные сохранила традиционный вид. Неотделимые ее части — шляпа с широкими полями, расширенный жилет с 48 перламутровыми пуговицами, пастушеская палка и длинный плащ.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ШИНЕЛЬ ОТЦА

Владислав ХОРХОРДИН

Удот перед нами невидимая преграда, стоим, переминаясь с ноги на ногу, чего-то ждем; стесняясь сказать о своих чувствах вслух, судачим о чем-то проходящем, суетном... А потом хватаемся за голову, кричим «не может быть!» и говорим слишком запоздалые слова любви...

Сколько лет знал я, что есть такой интереснейший мастер—художник Виктор Попков, на скольких выставках искал его всегда неожиданные работы, сколько радости получал от них, а вот пишу о нем впервые, когда он навсегда ушел от нас...

Виктор Попков в 1958 году окончил Суриковский институт, прошел прекрасную школу у великолепного советского графика Е. А. Кибрика. Но его ввлекла к себе живопись, притягивала пространство холста, многоголосие красок. Ху-

дожник напряженно, порой мучительно размышлял. Он двигался резко, неожиданно меняя курс, будто гонялся за ветром. Набирая скорость, он уходил все дальше, а мы стояли на берегу и завороженно смотрели ему вслед.

Самоотверженно работал Виктор Попков, и все яснее вырисовывался перед ним замысел картины, которую он назвал «Строители Братской ГЭС». Попков находит острое публицистическое решение—прямо на своих героях направляет он ослепительный свет фар. «Вот они какие!»—словно восклицает художник. Он и смотрит на этих людей снизу вверх, не с уничижением—с восторгом. Главное внимание уделяет живописец молодому багажилю, который даже неуклюжую рабочую робу умудряется носить лихо. Попков ставит героя так, что вы сразу наталкиваетесь на его прищуренный взгляд из-под резко очерченных, густых бровей. Человек стоит по-хозяйски, уперев тяжелые руки в бока, а то полыхает его рубаха на фоне ночного неба. Да, этот человек имеет право на то, чтобы о нем помнили потомки,—это он построил Братскую ГЭС. Он и его товарищи: вот эта робко застывшая, как перед объективом, девушка, и пожилой, много переживший и переживший рабочий, и прячущий в углах губ умную, немножко грустноватую улыбку бывший солдат...

Эта картина, написанная в 1961 году,—шедевр 30-летнего

живописца. Сейчас она входит в постоянную экспозицию Третьяковской галереи...

Создав своих «Строителей», Попков не остановился. Он шел дальше в поисках нового, размыкая над тайной соотношения цвета, бликов и полутеней, исследуя рельеф «тюбиковых» мазков под различными углами падения света... Художник хочет говорить о современнике по-современному, а для этого стремится овладеть всей разнообразнейшей техникой своего искусства.

Снова поездки. На листах, на холстах появляются пейзажи и натюрморты, портреты и наброски композиций. Он то месит на палитре «это дивное мешево, это колоритное тесто красок» (В. Суриков), то увлекается любком... Посещает выставки, заходит в мастерские к тем, кого считает своими единомышленниками,—восторгается у одного оригинальной композицией, у другого—брожит колоритом, у третьего—молча слушает музыку... И думает, думает... «Иной раз, хоть и стоишь у холста с кистью в руке, но это не работа,—признается он.—А в другой раз вроде бы ничего не делаешь, просто ходишь и смотришь, но это работа, и даже очень важная». Мучительны его раздумья о своем ремесле, о том, что такое истина в искусстве. «Двадцатый век врывается в творчество каждого художника. Я знаю художников,

которым в первую очередь важно «как». Я так не умею. Если нет жизненного толчка, я не могу писать. Мир влияет на нас, иногда болезненно влияет, но уйти от него в бездействие или аполитичность нельзя. Я, может быть, и хотел бы избежать этих тревог, этого бешеного ритма современности, но нельзя этого делать. Моя жизнь не в прошлом и не в будущем, а в настоящем».

Вслушайтесь в эти слова—это запись живого голоса художника...

«Люди во многом похожи. Ты, например, рабочий, а я художник. Но ведь мы делаем один и тот же предмет. Ты его делаешь вещественно, а я—зрительно. Ты строгаешь, пишешь, а я рисую... И вот общее-то я должен увидеть. В одном человеке—многих. В сегодняшнем—будущем. В быстротечном—вечном».

Эти мысли перекликаются со знаменитым гетеевским двустишием:

Что есть Всеобщее?
Единичный случай.

Попков сводит свою палитру к нескольким краскам, стремится к той единственности и гармоничности формы, которую мы, зрители, привыкли называть простотой. Он стремится писать так, чтобы каждый человек, труженик и созидатель, понял: художник уважительно и благодарно именно ему протягивает руку. Так рождаются картины «Бригада отдыхает», «Студенты на практике», «Подень», «Семья Болотовых». Весь цикл—лирический рассказ о том, что трудно высказать словами: о красоте человека и богатстве его духовного мира. Помню, тогда кое-кто говорил, что Попков стал писать скучно. Но появилась картина «Двоев» и все поставила на свои места...

Он и она, юноша и девушка, углубленные в свои мысли, в свои мечты. Хочется смотреть и смотреть на это полотно, чувствуя, как рождается в тебе особый душевный настрой, какая-то вдохновенная, я бы сказал, творческая тишина.

Сергей Тимофеевич Коненков, высоко ценивший талант Виктора Попкова, назвал это произведение «картиной о молодости».

«Я люблю нынешних юных,—говорил Попков.—Они сильные и умные. Пусть они дружат по-другому, слова у них другие, пусть они кажутся нам порой грубоватыми. А на самом деле достаточно небольшого толчка, ну, например, встретиться такой парень с девушкой—и вот он уже совсем другой, нежный и сдержанний».

В 60-х годах Попков был уже признанным мастером, лауреатом премии «Биеннале де Пари»—международной выставки в Париже, лауреатом конкурса графики в Югославии. Ему присуждается премия на Всесоюзной выставке молодых художников, посвященной 50-летию Советской власти.

Начинается самый плодотворный период жизни художника, период, который окажется последним в его короткой жизни...

Он пишет Север. Сколько людей открыли тогда для себя старину, и кто только не импровизировал в то время на тему бревенчатых избушек! Но, разумеется, ценность всех этих «северных» произведений была различной. Ибо очень уж неравнозначны были таланты их авторов и цели, которые художники перед собой ставили. Одних привлекала возможность сравнительно легкой стилизации «под старину», другие же стремились постичь правду истинного искусства, правду национального характера, правду истории. Попков привез с Севера цикл полотен о мезенских вдовах, о старухах-бобылках, о тех, кто не дождался с войны мужей, сыновей, внуков, о тех, кто не сломился. В творчестве Попкова чувствуется то настроение, которое с такой пронзительностью выражено в строках Александра Трифоновича Твардовского:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...

...Речь не о том, но все же, все же, все же...

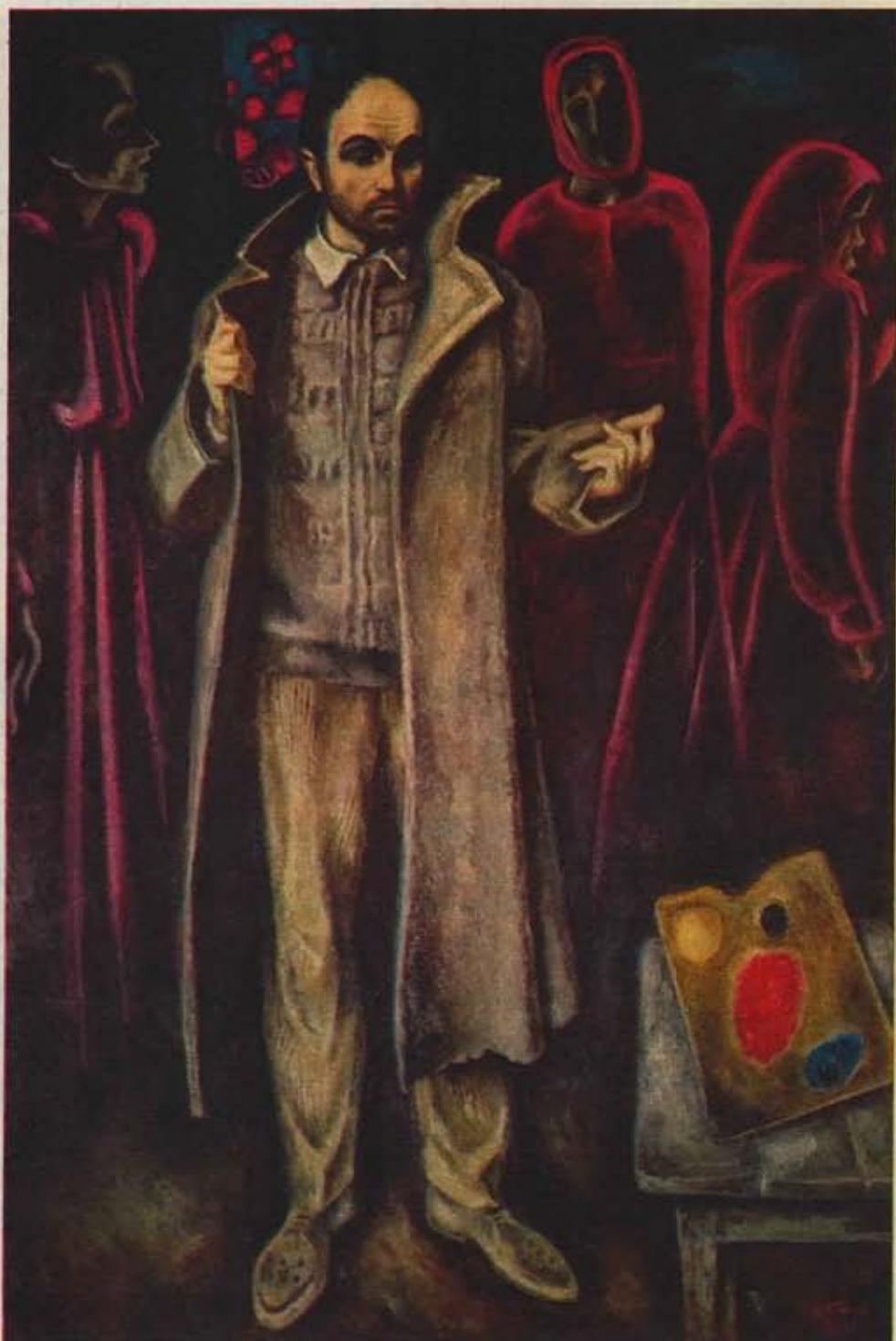
Когда Попков создавал трагические образы матерей, он писал их на одном дыхании, и сегодня в ритме этих картин мы ощущаем биение сердца художника. Сергей Тимофеевич Коненков, увидев на выставке в Академии художеств этот цикл, написал в «Правде», что, всматриваясь в лица женщин русских, освещенные лучезарной чистотой, он «почувствовал в картинах Попкова искреннюю сыновнюю любовь к Родине». «Как художник истинно национальный,—размышлял далее старейшина советского искусства,—воспитанный на богатых русских традициях. Виктор Попков не поэтизирует увиденное, он не приукрашивает людей, а ищет в них внутреннюю красоту...

А на мольберте мастера уже ожидала его вершинная картина—«Шинель отца». Как вспоминают друзья Виктора Попкова, он, который обычно писал очень быстро, опираясь на десятки и сотни подготовительных рисунков, здесь, перед этим полотном, как будто терял свою молодую дерзость. Почти четыре года художник работал над священным, неисчерпаемой темой—ответственности нашего поколения перед памятью павших в Великой Отечественной войне...

Можно постичь секреты частностей, понять, например, как использован эффект торжественно-траурного воздействия лилового цвета, как найдена композиция, каким образом, уничтожив раму картины, Попков сумел заставить тени исстрадавшихся старух—это воспоминание о мезенских вдовах—двигаться, уходить и снова возвращаться... Можно заметить и то, как мастерски Попков подчиняет линии в картине одному ритму, прихотливому, колеблющемуся. Но трудно и, может быть, невозможно понять, каким образом художник создает столь цельное, гармоничное произведение искусства, в котором каждая деталь естественна и органична, как частица живой природы. Эта картина выражает сокровенный смысл нашего постоянного обращения к обра-

СТРОИТЕЛИ
БРАТСКА.

ШИНЕЛЬ
ОТЦА.

ПАУЛЬ

Михаил БОТВИННИК

Впервые мы встретились с Кересом в 1938 году в Голландии, во время АВРО-турнира. Пауль был высоким, стройным и тонким, черты лица — почти ангельские. Ел мало, говорил тоже немножко, не улыбался, одет подчеркнуто аккуратно. Группа участников была приглашена в гости к мастеру Ландау, был там и судья турнира И. Кмох с супругой. Мадам Кмох тут окрестила Пауля «Каменным гостем»...

Появился Пауль Керес на международной шахматной арене в 1935 году на Всемирной Олимпиаде в Варшаве. 19-летний Пауль играл на первой доске в команде Эстонии. Пожалуй, это был первый мастер, которого дала Эстония шахматному миру. Рига, Вильнюс давно были известны своими шахматными традициями, но Таллин ранее не поставлял шахматных талантов.

Однако Олимпиада — всего лишь Олимпиада, и в 1936 году на знаменитый международный турнир в Ноттингеме Кереса не пригласили. Наряду с чемпионом мира Эйве и тремя экс-чемпионами — Ласкером, Капабланкой и Алехином — там играли четыре молодых гроссмейстеры: Флор, Решевский, Файн и Ботвинник. Юный Керес тогда еще не был признан.

Год спустя в Австрии, в двух городах — Земмеринге и Бадене — также проходил сильный турнир, в котором участвовали Капа, Флор, Файн, Решевский, Петров, Элис-казес, Рагозин. Вот туда Пауля пригласили. И что же? Новичок сыграл блестяще — он легко завоевал первый приз. Шахматный мир был поражен. О Кересе заговорили как о будущем чемпионе мира! Но нашлись, конечно, и сомневающиеся, ведь это был его первый большой успех...

Сомнения отпали в конце 1938 года. Голландская радио компания АВРО стала организатором феноменального по силе турнира: чемпион мира Алехин, экс-чемпионы Капабланка и Эйве, пять молодых гроссмейстеров — Флор, Ре-

шевский, Ботвинник, Файн и Керес (даже Э. Ласкер не был приглашен). Первые два места поделили Керес и Файн. Права Пауля играть матч с чемпионом мира Алехиным (правил проведения соревнований на первенство мира тогда не было) стали очевидными. Капабланка (он мечтал, чтобы кто-нибудь победил его шахматного недруга Александра Алехина) отвел после турнира Кереса в сторону и убеждал его не играть матч с чемпионом мира в Южной Америке — там-де у Алехина много друзей...

Конечно, Пауль не повезло в его шахматной карьере. В другое время он, вероятно, стал бы чемпионом мира. А в 40—50-х годах нашего столетия он мог завоевать первенство мира, лишь потеснив с шахматного Олимпа автора этих строк. Справедливости ради добавим, что примерно в таком же положении оказались и Бронштейн, и Смыслов, и Таль... Спорный вопрос, что лучше: один раз играть матч на первенство мира или четырежды быть вторым в соревнованиях претендентов? Кересу удалось последнее.

Я должен быть благодарен Паулю. Если бы не он, на протяжении 1938—1948 годов я бы не сумел так далеко продвинуться в области шахмат. В 1938-м (АВРО-турнир) и 1940-м (чемпионат СССР) Пауль меня превзошел. Напряженная подготовительная работа позволила мне опередить Кереса в следующем году (матч-турнир 1941 года). Еще более напряженная работа в 1947—1948 годах дала мне преимущество в матч-турнире на первенство мира.

Да, чтобы опередить Кереса, надо было сделать многое — он был блестящим шахматистом. Исключительно точный и быстрый счет вариантов, тонкое позиционное понимание, комбинационное зрение и мастерство в атаке, глубокая эрудиция — таковы его шахматные достоинства. И человеческие его качества заслуживают уважения.

Жизнь Кереса была посвящена шахматам. Он играл в турнирах, давал сеансы, знал все, что имело отношение к

шахматам, много анализировал и много писал, наконец, был шахматным композитором. Он выпустил много книг, в этом отношении он следовал старым традициям крупных мастеров. Тогда чего же ему не хватало, чтобы достичь шахматной вершины?

Думаю, что в критические моменты Пауль не хватало стойкости характера. Когда он чувствовал давление большой силы, он просто-напротив играл ниже своих возможностей. Вероятно, у него был и шахматный недостаток — Керес любил открытые начала, он ихчувствовал очень тонко. Современные же закрытые дебюты он, конечно, знал, но недолюбливал. Этим пользовались его партнеры.

Иногда наше соперничество принимало излишне резкие формы, как это было в 1948 и 1952 годах, увы, из песни слова не выкинешь! О наших неприятных стычках, по молчаливому согласию, мы в наших беседах никогда не вспоминали и впоследствии подружились.

Со временем Пауль ко мне «привык» и демонстрировал свою силу, учил меня уму-разуму, «испортил» мне два турнира (чемпионат СССР 1955 года и турнир памяти Алехина 1956 года). Выиграв партию, он не мог скрыть радости и говорил: «Улучшаем счет!»

Как турнирный (не матчевый) боец Керес вряд ли кому-либо уступал на земном шаре. Он трижды становился чемпионом СССР (в 1947, 1950 и 1951 годах), четыре раза подряд был вторым призером в отборочных матч-турнирах претендентов на мировое первенство (в Цюрихе 1953 года, Амстердаме 1956 года, в Бледе — Загребе — Белграде 1959 года и Кюрасао 1962 года). Вот неполный перечень послевоенных международных турниров, где он был победителем: Шавио — Здруй — 1950 год, Будапешт — 1952 год, Гастингс — 1955 год, Мар-дель-Плата и Сантьяго — 1957 год, Стокгольм — 1960 год, Цюрих — 1961 год, Лос-Анджелес — 1963 год, Гастингс и Марински Лазни — 1965 год, Бамберг — 1969 год, Будапешт — 1970 год, Таллин — 1971 год! У кого еще есть такие же достижения?

Но Пауль играл и в теннис, имел первый разряд и даже был участником чемпионата СССР! Артистически сидел за рулём автомашины, был в курсе всех политических и спортивных событий. Расписывание самолетов во всем мире изучил в совершенстве: когда какая-либо шахматная делегация оказывалась за рубежом, маршрут всегда прокладывал Керес — он мог дать любую справку! Он, конечно, был кумиром в Эстонии; его любили и советские шахматисты и поклонники шахмат во всем мире. Пауль много играл, много путешествовал, и его книги издавались на разных языках.

Публикации «Смены»

РАССКАЗ ГРЯЗНОЙ КУПЮРЫ

О'ГЕНРИ

Деньги говорят. Но вы, может быть, думаете, что в Нью-Йорке голос старенькой десятидолларовой бумажонки звучит еле слышным шепотом. Что ж, отлично, пропустите, если угодно, мимо ушей рассказанный sotto voce¹ автобиографию незнакомки. Если вашему слуху милей рев чековой книжки Джона Д., извергаемый из разъезжающего по улицам мегафона, дело ваше. Не забудьте только, что и мелкая монета порой не полезет за словом в карман. Когда в следующий раз вы подсунете лишний серебряный четвертак приказчику из бакалейной лавки, дабы он пощедрей отвещивал вам хозяйствское добро, прочтите-ка сперва четыре слова над головкой дамы². Колкая replika, не правда ли?

¹ Вполголоса (итал.).

² На обратной стороне монеты стоимостью в 25 центов отчеканено: мы уповаем на бога.

С возрастом Керес становился общительнее, остроумнее и, пожалуй, добрее.

Последний раз в турнире мы встретились в 1969 году в Вейканзее (Голландия). Там я простудился, но продолжал играть в соревновании. Лежу в постели, анализируя на карманных шахматах отложенную позицию с Портнишем — трудный эндшпиль... Неожиданно стук в дверь, и входит Пауль: «Ну что, спасешься?»

Объясняю, что нашел после долгих поисков одну уникальную ничейную позицию, но как ее получить, не могу придумать. Взял Керес у меня карманные шахматы, подумал и, возвращая шахматы, сказал: «А что, если сыграть так-то?» Посмотрели мы друг на друга, и онладел нами неудержимый хохот. Пауль нашел простой способ получения искомой позиции. При донтиривании Портниш был потрясен — ничья! Так он и не взял первого места.

Пауль не любил ходить на совещания и заседания, но общественных забот не сторонился. В начале 1971 года пригласил его участвовать в приеме группы гроссмейстеров на высоком уровне. Керес охотно согласился и энергично защищал там интересы шахмат.

Последнее время Керес продолжал играть в турнирах, может быть, не так часто, как в молодые годы. Но все любители шахмат прекрасно помнят, что «Матч века» в 1970 году в Белграде закончился в нашу пользу лишь благодаря блестящей игре Кереса.

В начале 1975 года Керес победил на международном турнире в Таллине, а в мае — на турнире в Ванкувере (Канада). Играт ему было нелегко — пошатнулось здоровье. Он никогда не жаловался, лишь в ответ на настойчивые расспросы, посмеиваясь, пожимая плечами и слегка раскачиваясь, признавался: «Болят ноги». А о том, что и сердце пошаливало, никогда не говорил: не был пытником. Внешне он всегда был готов к бою!

Возвращаясь с турнира в Канаде, Керес 1 июня в Хельсинки почувствовал себя плохо, лег в больницу, и через четыре дня большого шахматиста не стало. После смерти Александра Алехина в 1946 году это самая большая потеря за последние десятилетия, которая постигла шахматный мир (А. Рубинштейн умер позднее Алехина, но страшная болезнь заживо похоронила Рубинштейна значительно раньше).

Калым Пауль пришел в шахматы — прямым, сдержаным, благожелательным, безмерно преданным любимому делу — таким он и ушел, разве чуть отяжелевшим внешне и умудренным опытом внутренне, оставил любителям шахмат свои партии, аналитические труды и добрую память о бесстрашном бойце.

Я — десятидолларовый казначейский билет выпуска 1901 года. Вы, наверно, видели такие в руках у кого-нибудь из ваших друзей. На лицевой стороне у меня изображен бизон американский, ошибочно называемый зубром пятьдесят или шестьдесят миллионами американцев. Головы капитана Льюиса и капитана Кларка украшают края. С тыльной стороны в центре сцены стоит, грациозно взгремозившись на оранжевое растение, то ли Свобода, то ли Церера, то ли Экссин Элизиот. За справками обо мне обращайтесь: параграф 3588, исправленный устав. Если вы вздумаете разменять меня, дядюшка Сэм выложит вам на прилавок десять звонких полновесных монет — право, не знаю, серебряных ли, золотых, свинцовых или железных.

Рассказывая я немножко сбивчиво, вы уж простите — прощаете? Я так и знала, благодарю — ведь даже безымянная купюра вызывает такой раболепный трепет, стремление угодить, не правда ли? Понимаете, мы, грязные деньги, почти начисто лишены возможности шлифовать свою речь. Я отородясь не встречала образованного и воспитанного человека, у которого десятка задержалась бы на больший срок, чем требуется для того, чтобы доставить ее к ближайшей кулинарной лавке.

Для шестилетней у меня весьма изысканное и оживленное обращение. Долгги я отдаю так же исправно, как провожающие в последний путь покойника. Каким только хозяевам я не служила! Но и мне однажды довелось признать свое невежество, и перед кем? Перед старенькой, потрепанной и неопрятной пятеркой — серебряным сертификатом. Мы повстречались с ней в толстом, дурно пахнущем кошельке мясника.

— Эй ты, индейская принцесса, — говорю я, — хватит охать. Не понимаешь разве, что тебя уже пора изыывать из обращения и печатать заново? Выпуск всего лишь 1899 года, а на что ты похожа?

— Ты, видно, думашь, раз ты бизонша, так тебе положено без умолку тре-

щать, — отозвалась пятерка. — И тебя бы истрепали, если бы держали целый день под фольдеперсом и резинкой, когда температура в магазине ни на градус не опускается ниже восемидесяти пяти.

— Не слыхивала о таких бумажниках, — сказала я. — Кто положил тебя туда?

— Продавщица.

— А что такое продавщица? — вынуждена была я спросить.

— Это уж ваша сестра узнает не раньше, чем для их сестры наступит золотой век, — ответила пятерка.

Но тут из-за моей спины подала голос двухдолларовая банкнота с головой Георга Вашингтона.

— Иши, барышня! Ей фольдеперсовый чулок не по душе. А вот если бы засунули тебя за хлопчатобумажный, как сделали со мной, да донимали весь день фабричной пылью, так что даже расчихалась эта намалеванная на мне дамочка с рогом изобилия, что ты запела бы тогда?

Этот разговор состоялся на следующий день после моего прибытия в Нью-Йорк. Меня прислал в бруклинский банк один из их пенсильванских корреспондентов в пачке таких же, как я, десяток. С тех пор мне так и не пришлось свести знакомство с «кошельками», в каких побывали мои пятидолларовая и двухдолларовая приятельницы. Меня прятали только за шелковые.

Мне везло. Я не засиживалась на месте. Иногда я переходила из рук в руки раз по двадцать в день. Мне была знакома изнанка каждой сделки; о каждом удовольствии моих хозяев опять-таки раделя я. По субботам меня неизменно шваркали на стойку. Десяти всегда шваркают, а вот банкноты в доллар или два складывают квадратиком и скромно кладут бармену в руку. Постепенно я вошла во вкус и норовила либо нализаться виски, либо слизнуть со стойки расплескавшийся там мартини или маниэттан. Как-то ездивший с тележкой по улице разносчик вложил меня в пухлую засаленную пачку, которую носил в кармане не комбинезона. Я думала, мне уж придется позабыть о настоящем обращении, поскольку будущий владелец универсального магазина жил на восемь центов в день,

ограничив свое меню мясом для собак и репчатым луком. Но потом разносчик как-то оплошал, поставил свою тележку слишком близко от перекрестка, и я была спасена. Я до сих пор благодарна полисмену, который меня выручил. Он разменил меня в табачной лавочке поблизости от Бауэри, где в задней комнате велась азартная игра. А вывез меня в свет начальник полицейского участка, которому самому в этот вечер везло. Днем позже он меня пропил в ресторанчике на Бродвее. Я так же искренне порадовалась возвращению в родной края, как кто-нибудь из Асторов, завидев огни Чаринг-Кросса.

Грязной десятке не приходится сидеть без дела на Бродвее. Как-то раз меня назвали алиментами, согнули и упрали в лайковый кошелек, где было полно десятипеннишников. Они хвастливо вспоминали бурный летний сезон в Осининге, где три хозяйки дочки то и дело вынуживали какую-нибудь из них мороженое. Впрочем, эти младенческие кутежи — просто бури в стакане воды, если сравнить их с ураганами, которым подвергаются купюры нашего достоинства в грязный час усиленного спроса на омары.

О грязных деньгах я услышала впервые, когда милейший Ван Кто-то-там швырнул меня и несколько моих подружек в уплату за пригоршню фишек.

Около полуночи разухабистый и дюжий малый с жирным лицом монаха и глазами дворника, только что получившего надбавку, скатал меня и множество других банкнот в тугой рулон — «кусок», как выражаются заграничные деньги.

— Запиши за мной пять сотен, — сказал он банкомету, — и пригляди, чтобы все было как следует, Чарли. Хочется мне прогуляться по лесистой долине, пока на выступе утеса играет свет луны. Если кто-нибудь из наших вливает в переделку, в левом верхнем отделении моего сейфа лежат шестьдесят тысяч долларов, завернутые в юмористическое приложение к журналу. Держи нос по ветру, но не бросай слова на ветер. Пока.

Я оказалась в обществе двух двадцаток — золотых сертификатов. Одна из них сказала мне:

— Эй ты, «новенькая» старушка, повезло тебе. Увидишь кое-что занятное. Сегодня старина Джек собирается в одном ресторане все разделать под орех.

— Объясните попонятней, — говорю я. — Я что-то плохово разбираюсь в обстановке и в меблировке.

— Прошу прощения, — отвечает двадцатка. — Старина Джек — владелец этого игорного притона. Сегодня он кутит напропалую: дело в том, что он хотел пожертвовать на церковь пятьдесят тысяч, а у него их отказались взять, потому что, как ему объяснили, деньги эти грязные.

— Что такое церковь? — спрашиваю я.

— Ох, я и забыла, — отвечает двадцатка, — что говорю с десяткой. Откуда же вам знать? Для церковной кружки вы великоваты, для благотворительного базара слишком малы. Церковь — это такой большой дом, где перочинки и салфетки проходят по 20 долларов за штуку.

Я не любительница точить лясы с золотыми сертификатами. Молчание — золото. Опять же, не все то золото, что брюзжит.

Зато старина Джек и вправь был парень золотой. Когда наступало время раскошливаться, он не вынуждал официанта бегать за полисменом.

Мало-помалу пронесся слух, что Джек испортит для всех жаждущих питье из камня в безводной пустыне: и все бродвейские молодчики с железной хваткой и луженой глаткой рысы пустились по нашему следу. Не жизнь, а Третья Книга Джунглей — в ней не хватало лишь обложки. Деньги старина Джека, возможно, были и не первой свежести, зато его счета на первосортный камамбер росли с каждой минутой. Сперва его осаждали друзья; затем к нему присоединились шапочные знакомые друзей; затем кое-кто из его недругов закурил трубку мира; а под конец он закупал сувениры для такого множества неаполитанских рыбачек и танцовщиц, что метрдотели, устремившись к телефону, умоляли полицию прислать кого-нибудь и навести хоть какой-то порядок.

В один прекрасный день мы заплыли в кафе, с которым меня связывало тесное знакомство. Когда содружество грузчиков в белых передниках и куртках углядело

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией
заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ПЕРВЫЙ ПРИЗ У ЧЕМПИОНА!

С огромным интересом любители спорта следили за продолжавшимися почти целый месяц шахматными баталиями в Милане. В этом международном турнире участвовало 12 видных шахматистов ряда стран Европы и Америки. В предварительных поединках были выявлены четверо победителей, которые встретились между собой сначала в полуфинальных, а затем в финальных матчах.

На заключительном этапе в борьбе за первый приз успех, как и следовало ожидать, сопутствовал чемпиону мира Анатолию Карпову. 24-летний ленинградец нанес поражение сильнейшему шахматисту Венгрии Лайошу Портишу со счетом 3½ : 2½. Экс-чемпион мира москвич Тигран Петросян свел вничью со счетом 3 : 3 матч с молодым югославским гроссмейстером Любомиром Любовевичем и разделил с ним на турнире в Италии третье и четвертое места.

К такому эндшпилю пришла после 45-го хода белых партия А. Карпова (у него были черные) с Л. Любовевичем. Хотя у югослава лишняя пешка, на первый взгляд кажется, что борба завершилась ничьей ввиду наличия на поле сражения пресловутых разноцветных слонов. Например, в вариантах 45... b4 46. C:c5 или 45... Kr:b2 46. C:c5 черные ничего бы путного не достигли. Однако план к победе, связанный с пешечным

прорывом на ферзевом фланге, был чемпионом мира найден!

45... c5—c4 46. Cf8—g7 b5—b4.
Не давали теперь белым спасения продолжения 47. ab c3! 48. bc Cc4! или 47. ab c3! 48. C:c3 a3 49. ba Kr:c3 и т. д.

47. Kр3—d4 c4—c3! 48. b2:c3 b4:a3 49. c3—c4 a3—a2 50. Kр4—c5 + Kрb2—b1. 51. Kрс4—b2 a2—a1F. 52. Cg7:a1 Kрb2: a1. Лишний слон, тем более в руках обладателя шахматной короны, — это не просто козырь, а стопроцентная гарантия успеха. Поэтому в данный момент уместно было бы «пустить занавес». Но белые, вероятно, по инерции, еще продолжили сопротивление.

53. c4—c5 Kр1—b2 54. c5—c6 a4—a3 55. c6—c7 Cb3—e6 56. Kрb4—c5 a3—a2 57. Kрc5—d6 Cб6—c8, и белые сдались.

А на этой диаграмме вы видите позицию, созданную после 13-го хода черных в партии А. Карпова (здесь он играл белыми) против опытнейшего шахматиста ФРГ Вольфганга Ункерера. Чемпион мира решил запереть центр и перенести центр тяжести борьбы на свой правый фланг.

14. d4—d5! Ka5—b7 15. Kf3—h2 g7—g6 16. Kf1—g3 c5—c4? Необходимо было бы принять оборонительные меры в связи с угрожающим фланговым прорывом партнера. Скажем, 16... Cc8 17. f4 e7 18. C:f4 Kd7 19. Kg4 f6 и т. д. Но черные, увлеченные собственным планом активизации фигур на другом участке доски, по-видимому, недооценили эффективности замысла противника и не подумали уйти в глухую защиту.

17. f2—f4 e5—f4 18. Cc1—f4 Cc7—f8 19. C4—g5! Cf8—e7.

Увы, западногерманский шахматист вынужден немедля возвратиться словно обратно, ибо неожиданно оказываются отрезанными естественные пути отступления атакованного на поле f6 черного коня. К примеру, в случае 19... Cg7 20. Lf1 Fd8 21. Ff3 золополучный конь попросту бы терялся.

20. Fd1—d2! Cd7—c8 21. Le1—f1 Kf6—d7.

Следует удивительный по своей силе кавалерийский выпад, и угрозы рокировке черных становятся неотразимыми.

22. Kh2—g4!, и черные пошли на капитуляцию.

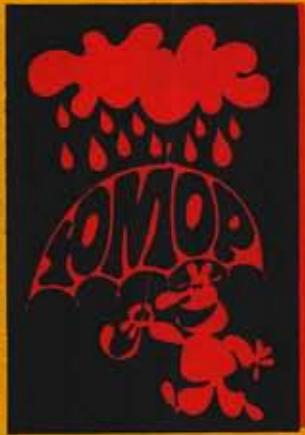

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

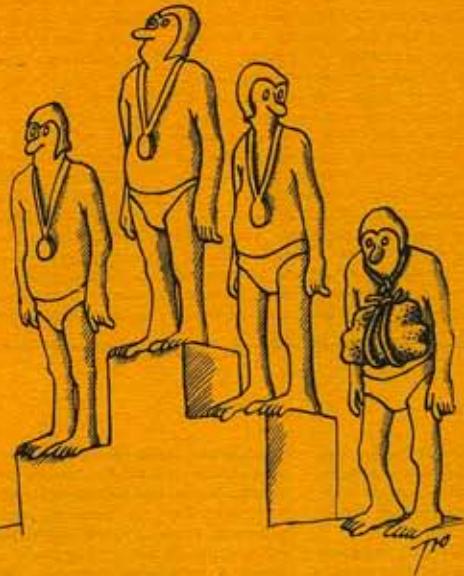

Рисунок Леонида ТИШКОВА

нас на пороге, главный отшибала этой футбольной команды отдал распоряжение, и все они надели защитные маски, пока не выяснился, затеваем мы Порт-Артур или Портсмут. Но старина Джек не настроен был в этот вечер поощрять деятельность мебельных и стекольных фабрик. Он сидел смироно и уныло напевал «Прогулку». Уязвлен в самое сердце, сказал мне двадцатка, тем, что не приняли его пожертвования церкви.

Пирушка шла, однако, своим чередом, и сам Брэди не сумел бы лучше поставить массовую сцену увлечения искристой жидкостью, которая исторгается из обернутой салфеткою бутылки.

Старина Джек заказал всем еще по одной, расплатился моей соседкой двадцаткой, и сверху пачки оказалась я. Он положил пачку на стол и послал за хозяином.

— Майк,— сказал он,— от этих денег отказались хорошие люди. Возьмите их, дьявола ради, за свой товар? Мне сказали, они грязные.

— Возьму,— говорит Майк,— и положу их в ящик рядом с банкнотами, уплаченными дочке священника в обмен на благоче-

ствия поцелуи на церковном базаре, затяжном, чтобы еще в одном приходе построить дом, где поселятся дочки священника.

В час пополудни, когда грузчики собирались отгородить от нового притока посетителей зал, где все текло по-прежнему, в дверь вдруг шмыгает какая-то женщина и подходит к столику старины Джека. Вы, конечно, видели таких—черная шаль, нечесанные космы, лохмотья, бледное лицо, а глаза, как у архангела и в то же время как у хворого котенка,—короче, одна из тех женщин, которые всегда озираются, опасаясь то автомобиля, то патруля, охраняющего город от нищих. И вот эта женщина, не говоря ни слова, останавливается возле нас и глядит на деньги.

Старина Джек встает, отделяет меня от пачки и с поклоном вручает женщине.

— Мадам,— говорит он, точь-в-точку как актеры, которых мне довелось слышать,— вот грязная купюра. Я игрок. Эта купюра досталась мне сегодня от юноши из благородной семьи. Как он заполучил ее, не знаю. Если вы окажете мне честь принять ее, она ваша.

— Сэр,— сказала женщина.— Я пересчитывала и укладывала в пачки тысячи таких купюр, когда они безупречно чистыми выходили из печатного станка. Я работала в

министерстве финансов. Один из видных чиновников министерства устроил меня туда. Вы говорите, они утратили сейчас чистоту. Если бы вы только знали... но я ничего не скажу. Благодарю вас от всего сердца, сэр, благодаря вас... благодарю.

Куда, вы думаете, она потащила меня чуть ли не бегом? В булочную. Старина Джек не успел оглянуться, а она уже что было духу мчалась в булочную. Там она меня разменияла и выдала рекордный кросс с дюжины булочек и ломтем сладкого рулета величиной с колесо. Я конечно, тут же потеряла ее из виду, меня засыпали деньгами, и я лишь думала: где-то меня размениют завтра — в аптеке или в строительной конторе?

Недели спустя я столкнулась с одной из долларовых бумажек, которыми булочник сдал той женщине сдачу.

— Привет, Е-35039669,— говорю я.— Это не вами ли в прошлую субботу выплачивали с меня сдачу?

— Угу,— отвечает эта солистка со свойственным ей красноречием и светским лоском.

— А как развивались события дальше? — спросила я.

— Е-17051431 она промотала на молоко и кусок мяса,— отвечает стоцентовка.— А

меня держала до тех пор, пока к ней не пришел сборщик квартирной платы. Комната у нее — настоящая дыра, а в ней большой мальчиконка. Но видели бы вы, как он набросился на хлеб с прослойкой из замазки. Он, кажется, просто с голода помирал. Потом мамаша начала молиться. Вам, десяткам, не стоит дратить перед нами нос. За то время, что вы слышите одну молитву, мы, однодолларовые, слышим десять. Она говорила о том, что «Кто дает бедному...» Э... Прекратим этот трущобный разговор. Мне опротивело теряться в нищенской компании. Я бы не прочь настолько покрупнее, чтобы войти в то общество, где обращается вы — грязные купюры.

— Заткнись,— отвечаю я.— Таких нет. Я ведь знаю ту молитву до конца: «Кто дает бедному, тот дает в долг господу». А теперь взгляни-ка мне на спину и прочти, что ты там видишь.

— Подлежит обязательному приему по национальной стоимости при погашении казенных и частных долгов.

— Ну, вот и хватит,— говорю я.— Опротивела мне эта болтовня о грязных деньгах.

Перевела с английского
Е. КОРОТКОВА.

¹ Известный во времена О'Генри продюсер.

ВЫРОСЛИ ДЕТИ

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО.
Музыка Владимира ДОБРЫНИНА.

Выросли дети — их в горы тянет,
В горы, где летом снега не тают,
Где на холодных, скуластых скалах
Сият по ночам облака.
Выросли дети — им горя мало,
Что там без них будут делать мамы,
Хочется детям самим увидеть,
Как серебрится река.

Припев:
Только в пути, только в пути
Счастье брызгается в чью-то весну.
Много дорог надо пройти,
Прежде чем выбрать одну!

Выросли дети — их тянет к звездам,
К спелой морошке, к смолистым соснам,
К жарким, скрипучим пескам пустыни,

К спутанным травам тайги,
Взрослые дети — такое дело,
Их удивлению нет предела,
Хочется детям самим услышать
Свист ошелевшей пурги.

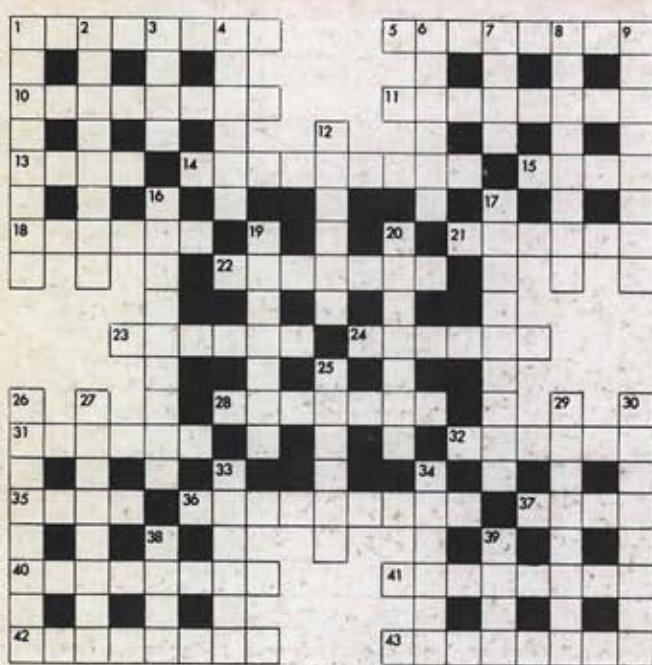
Припев.

Выросли дети — их тянет к людям,
К стройкам далеким, морозам лютым,
Ждут их вокзалы, аэропорты,
Манят шоссе и мосты.
Выросли дети — пришло их время,
Плечи размять им совсем не вредно,
Хочется детям самим потрогать
Солнечный парус Мечты.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Ю. Логинов.
г. Воронеж

По горизонтали:

- Курорт в Эстонии.
- Штат на юге США.
- Преобразователь звуковых колебаний в электрические.
- Вид спортивных командных состязаний на скорость.
- Рыба семейства карповых.
- Роман Ф. М. Достоевского.
- Небольшая ресторан.
- Город в Николаевской области.
- Насекомое, обитающее на травянистых растениях.
- Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир».
- Врач.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Наука о развитии человеческого общества.
- Ритмическая фигура в музыке.
- Роман Ю. Бондарева.
- Цифра.
- Взрыватель основного заряда.
- Порт на севере Франции.
- Французский физик, почетный член Академии наук СССР.
- Картина Т. Г. Шевченко.
- Смысл, содержание.
- Вид изобразительного искусства.

По вертикали:

- Рассказ А. П. Чехова.
- Приток Миссисипи.
- Шахматная фигура.
- Советский космонавт.
- Специальная камера для подводных работ.
- Представитель народов, населяющих Ближний Восток.
- Один из создателей кинофильма.
- Город в Армении.
- Гимнастка, чемпионка Универсиады-73.
- Военно-медицинское учреждение.
- Участок ботанического сада с древесной растительностью.
- Летняя пристройка к дому.
- Этюд для пения.
- Денежная единица Венгрии.
- Птица, обитающая в горных районах.
- Украшение из переплетенных цветов и листьев.
- Многогранник.
- Карело-финский эпос.
- Спортивный судья.
- Землеройный инструмент.
- Автоматический прибор в электрической цепи.
- Время года.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21

По горизонтали:

- Конструктор.
- Вавилов.
- Инженер.
- Прием.
- Семestr.
- «Минск».
- Лаборатория.
- Ковш.
- Срез.
- Ломоносов.
- Боголюбов.
- Тема.
- Агат.
- Валентность.
- Бином.
- Регистр.
- Сопло.
- Функция.
- Бионика.
- Экзаменатор.

По вертикали:

- Поти.
- Поле.
- Столетов.
- Кенотрон.
- Зачет.
- Гелий.
- Тригонометрия.
- Лекало.
- Иследователь.
- Пантограф.
- Гигрометр.
- Школа.
- Слюда.
- Натрий.
- Генетика.
- Доктрина.
- Фокус.
- Ковка.
- Кокс.
- Неон.

ШИНЕЛЬ ОТЦА

Начало на 29-й стр.

зам тех, кто отдал свою жизнь за мирное будущее человечества. Она заставляет помнить, что:

...Мертвых нетленные очи,
Победные очи солдат,
Как звезды сквозь облака ночи,
На нас, не мерцая, глядят.
(Я. Смеляков).

Как родился в душе живописца замысел этой картины? Говорят, что во время очередной поездки кто-то дал ему старую шинель — укрыться. Художник ощутил прикосновение

ОДНА.

ДВОЕ.

ВЕСНА В ДЕПО.

грубого сукна как прикосновение времени, как прикосновение прошлого. Может быть, так оно и было, но это лишь непосредственный повод. А привела Виктора Полкова к замыслу вся его жизнь. В этом произведении сплилось все, чем дышал мальчик, родившийся незадолго до войны, потерявший в ее страшном огне отца — рабочего кирпичного завода; все, чем жил мастер, так остро чувствовавший современность.

Три цвета обозначил Полков на своей рабочей палитре. Красный, синий, желтый. Может быть, они символизируют борьбу, небо, солнце? Что гадать, ясно одно: в определенности этих цветов отразилась определенность мировосприятия художника, его отношения к жизни, к людям, к творчеству.

Да, живописец выражает себя. Но если только себя, мы вряд ли назовем его художником. Виктор Полков выразил чувства целого поколения, опаленного огнем войны, поколения, в котором, несмотря на трагические события юности, живет оптимизм, живет творческая жажда созидания. И потому мы называем Виктора Полкова истинным художником нашего времени.

